ГРУЗИЯ

ПЕРЕКРЕСТОК ИМПЕРИЙ
ИСТОРИЯ ДЛИНОЙ В ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Дональд Рейфилд

Дональд Рейфилд

Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет

2012

УДК 94(479.22)
ББК 63.3(5Гру)

Рейфилд Д.

Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет / Д. Рейфилд — 2012

ISBN 978-5-389-12944-3

«Бог делил Землю между народами, – гласит грузинская легенда, – грузины опоздали, задержавшись за традиционным застольем, и к моменту их появления весь мир уже был поделен. Когда Господь спросил у пришедших, за что они пили, грузины ответили: «За тебя, Бог, за себя, за мир». Всевышнему понравился ответ. И сказал он им, что, хотя все земли розданы, приберег он небольшой кусочек для себя и теперь отдает он его грузинам. Земля эта, по словам Господа, по красоте своей не сравнима ни с чем, и во веки веков будут люди любоваться и восхищаться ею…» Известный британский литературовед и историк Дональд Рейфилд, автор бестселлера «Жизнь Антона Чехова», главный редактор фундаментального «Полного грузинско-английского словаря», создал уникальный труд – историю Грузии, драгоценный сплав, в котором органично слились исторические хроники, уникальные документальные свидетельства и поразительное по яркости повествование.

УДК 94(479.22)
ББК 63.3(5Гру)

ISBN 978-5-389-12944-3

© Рейфилд Д., 2012

Содержание

Предисловие 7
1 9
2 18
3 31
4 46
5 61
6 72
7 83
8 90
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Дональд Рейфилд
Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет

Без сомнения, эта книга еще много лет будет считаться самым подробным и авторитетным источником по истории Грузии.
Financial Times

Donald Rayfield
Edge of Empires: A History of Georgia
© Donald Rayfield, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
КоЛибри®

Предисловие

Критский народ, к сожалению, производит больше истории, чем может переварить.
Саки. Шутки Арлингтона Стринггема

В этой истории Грузия рассматривается, во-первых, политически, то есть как территория с сегодняшними границами (с точки зрения международного права); во-вторых, географически, как закавказские земли, простирающиеся от Черного моря до стечения рек Иори и Куры и от Главного Кавказского хребта до Малого Кавказа, близ устья реки Чороха и верховья реки Куры; наконец, Грузия рассматривается с исторической точки зрения, то есть с границами, которые некогда включали части современной Турции, Азербайджана и Армении. В X веке Грузия, как утверждал церковный юрист Гиорги Мерчуле, была страной, где обедню отправляют по-грузински.

Грузины считают, что грузин – это и уроженец Грузии, вне зависимости от этнической принадлежности, и тот, для кого грузинский язык является родным. Грузинский язык принадлежит к картвельской языковой семье, родственности которой с какой-либо другой языковой семьей ученым пока не удалось установить. Картвельская языковая семья также включает мингрельский (*мегрули*) и лазский языки (оба в принципе являются диалектами одного «занского» языка и отличаются друг от друга главным образом тем, что на лазский влияет ислам и турецкие язык и культура. И мингрельский, и лазский языки близки к грузинскому, как польский к русскому, так что до некоторой степени они взаимно понятны. Двумя тысячелетиями раньше, по всей вероятности, мингрельский и грузинский были просто наречиями одного и того же языка. Четвертый член картвельской группы – сванский, на котором говорят не больше 50000 горцев на южных склонах Главного Кавказского хребта. Сванский является до такой степени архаичным языком, что отличается от грузинского больше, чем, например, румынский от французского. Мингрелы и сваны, как правило, свободно владеют и грузинским.

Последние две тысячи лет Абхазия, пусть даже с длительными перерывами, является составной частью Грузинского государства, хотя абхазский язык, как северо-западный кавказский, не является родственным языком грузинского. Таким же образом закавказские осетины (которых римляне и греки называли аланами) – иранский этнос, потомки древних скифов – давным-давно считаются и грузинскими подданными, которые свободно общаются по-грузински. История Грузии поэтому включает, хотя не постоянно, и историю Абхазии и Осетии. Подобным образом такие меньшинства, как грузинские армяне и азербайджанцы (не говоря уж о других тюркских народах) и грузиноязычные евреи тоже участвуют в эволюции Грузинского государства.

Вплоть до конца XVIII века хронология некоторых событий грузинской истории часто остается спорной, даже загадочной. Как и в России, до 1918 года в Грузии действовал юлианский, а не григорианский календарь: с 1801 по 1900 год юлианский календарь отстает от григорианского на двенадцать дней, с 1901 по 1917 год – на тринадцать.

Транслитерация грузинского на кириллицу представляет известные проблемы: например, русский [к] может отражать три разных грузинских звука и буквы. Мне показалось проще употреблять приблизительную транскрипцию в повествовании, не отличая, например, придыхательных смычных грузинского языка от глотализованных, а в указателях и библиографии, чтобы не было путаницы, прибегать к латинской транскрипции, которая с помощью диакритических знаков точно воспроизводит очень рациональную грузинскую азбуку. Для личных имен и географических терминов вообще предпочитается транслитерация гру-

зинской формы, то есть, например, Давит, Гиорги, Тамар, Тбилиси, Картли, а не Давид, Георгий, Тамара, Тифлис, Карталиния; русские названия, как, например, река Кура (по-грузински Mt'k'vari, по-турецки Кур, в древности Кирос), как и некоторые другие (Имеретия, Кахетия), сохраняются в порядке исключения.

До 1783 года грузинская историография ограничивается относительно скудным, хотя давно установленным циклом источников. Самым известным из них является начальная грузинская летопись, «Жизнь Картли», *картлис цховреба*, которую подтверждают (и которой иногда противоречат) отрывочные сведения древних византийских и армянских летописцев. Новую информацию предоставляют и археологические раскопки, и только недавно переведенные тексты иранских и турецких историков. С 1783 по 1917 год русские архивы, в особенности *Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией* (13000 страниц удивительно полной документации, опубликованных в начале XX века), а также воспоминания путешественников и чиновников дают очень полное представление о Грузии XIX века. С тех пор как открылись архивы Коммунистической партии и Министерства внутренних дел Грузии, стало возможно полностью составить историю Грузии после 1917 года.

Я многим обязан своим грузинским друзьям и знакомым, среди которых надо поименно поблагодарить Шукию Апридонидзе, Нинель Мелкадзе и Русико Амиреджби, которые помогали мне разыскивать новые и забытые публикации. Я очень благодарен Тбилисской публичной библиотеке, Омару Тушурашвили (директору архивов Министерства внутренних дел) и тбилисским букинистам. Несмотря на сталинскую тиранию, грузинская историография советского периода часто отличается своей объективностью и научной тщательностью. Сегодня, когда независимая Грузия преодолела анархию 1990-х годов, некоторые историки и бывшие государственные чиновники опубликовали монографии, статьи и материалы, которые проливают свет на проблемы и давнего, и недавнего прошлого.

В Европе грузинские материалы разбросаны по многим библиотекам и архивам. Я благодарен Британской академии за грант, который позволил мне ездить по библиотекам и архивам Парижа, Болоньи, Рима и других городов. В Великобритании мне очень помогала библиотека Кембриджского университета. К сожалению, именно тогда, когда я начал эту книгу, лондонская Школа востоковедения (SOAS) затеяла ремонт и зарыла все свои кавказские материалы и старую периодику в старую шахту, тем самым надолго лишив британских историков уникальных источников.

Русское издание отличается от английского тем, что я смог внести поправки и новую информацию: некоторыми улучшениями я обязан зорким глазам своих читателей, особенно грузинских, среди которых покойный Арианэ Чантуриа оказался блестящим корректором. Из французских дипломатических архивов в Нанте и в Париже, относящихся к консульству в Тбилиси, я почерпнул новые материалы для этого издания, за которые я благодарю архивистов французского Министерства иностранных дел.

Хотя я уже полвека занимаюсь русским языком и русской литературой, я сознаю, что англичанин никогда не станет вровень с носителем языка. Поэтому я выражаю безграничную благодарность жене, Анне Пилкингтон, которая проверяла весь текст, устраняла ляпсусы, шероховатости и проливала свет на непонятные места.

Дональд Рейфилд
2013

1
Появление картвелов

Происхождение, или этногенез, картвельского народа, или картвельских народов, как и происхождение любого народа, начинается раньше первых письменных источников. Это утверждение основано скорее на предположениях и мечтаниях, нежели на науке или логике. Главным источником предположений является лингвистика: грузинский язык до сих пор носит на себе следы своих первых контактов и своих субстратов за последние столетия, даже тысячелетия. Топонимика позволяет нам угадывать, на каком языке говорили обитатели любого края; раннюю историю освещает и археология, позволяющая понять многое относительно культуры, численности населения и периодизации, но не способная достоверно установить этнические и лингвистические связи между чертами прошлого.

Еще со второго тысячелетия до н. э. сохранились в Анатолии немногочисленные лаконичные, но четкие надписи на глине и камне, оставленные Ассирийской, Хеттской и Урартской империями. Это списки завоеванных и подчиненных соседей-вассалов, среди которых можно с уверенностью узнать предшественников сегодняшних картвелов (грузин, мингрелов, лазов и сванов). Приблизительно за 500 лет до н. э. греческие историки и географы начинают более пространно писать о нравах и быте обитателей Северо-Восточной Анатолии и Колхиды (Восточного Черноморского побережья), но хронология не всегда надежна, и трудно отличать настоящие наблюдения от легенд и слухов[1].

Самый древний лингвистический материал можно найти в современных картвельских языках: основной запас слов, например *мкерди* – грудь; *куди* — хвост; *згмартли* — мушмула; *рка* — рог; *(к) рцхила* — граб; *пири* — лицо; *еквси* – шесть; *швиди* — семь; *тревс* — тащит и т. д., подразумевает связи картвельских языков с каким-то индоевропейским диалектом, в котором согласная система близка к итало-кельтской группе, откуда происходит латинский язык[2]. К тому же названия «благородных» зверей, например оленя и кабана, на которых охотятся аристократы, намекают на индоевропейское происхождение. Мы обнаруживаем аналогичное явление и в английском с его аристократическим нормандским слоем, и в венгерском, где названия «благородных» зверей – исконно венгерские, а «неблагородных» – славянские. Такое явление предполагает завоевание и покорение оседлого народа и языка чужой аристократией и ее языком. Есть в грузинском языке и грамматические черты, особенно в именном спряжении и в глагольной морфологии (временах и залогах), которые очень похожи на индоевропейские модели. Поскольку эти черты встречаются и в сванском, который ответвился от других картвельских языков несколько тысяч лет назад, индоевропейский субстрат в грузинском можно считать очень древним, по времени совпадающим с вторжением индоевропейцев в Анатолию три-четыре тысячи лет назад. (С тех пор грузинский язык щедро заимствует из соседних индоевропейских языков, из древне-, средне- и новоперсидского например[3], но эти заимствования можно датировать довольно точно.) Любопытно и то, что грузинские названия некоторых растений, например самшита (*бза),* совпадают с теми неиндоевропейскими названиями, которые мы находим в греческом языке

---

[1] *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959 (еще не устарела: это до сих пор непревзойденное исследование предыстории Грузии по анатолийским и древнегреческим источникам).

[2] *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1964.

[3] *Gippert J.* Iranica Armeno-Iberica. Studien zu den iranischen Lehnwörtern im Armenischen und Georgischen. Bamberg, 1993; *Почкуа Б.* Лексикология грузинского языка ([Картули енис лексикологиа. Qartuli enis legsikologia]). Тбилиси, 1974. С. 347–358 (на груз. яз.).

пиксос: по-видимому, носители картвельских языков общались с носителями доиндоевропейских языков средиземноморских стран.

Имеющиеся данные доказывают, что после падения Хеттского государства грузины были связаны с Урарту, которое господствовало в Центральной и Северо-Восточной Анатолии с раннего бронзового и железного века (1200–700 до н. э.). Точно неизвестно, какие царства или племенные союзы, с которыми Урарту воевало или вступало в переговоры, включали картвелов, но народы, известные ассирийцам и Урарту в течение четырехсотлетнего периода как мушки, диаухи, уитерухи и кардухи, могли быть картвельскими. До сих пор комбинация согласных *м-с-х, м-с-к* встречается в названии города Мцхета (столица до 500 н. э.), юго-западной провинции (сегодня тюркоязычной) Самцхе (земля месхов); в Дагестане еще не так давно грузин называли *месхи* или *мосхи*. Около 1100 года до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар упоминает народ мушки в Юго-Восточной Анатолии: по-видимому, после поражения мушки переселились на север. Греческие источники называют горы около Трабзона родиной мосхов. Позднее мушки-месхи связываются в основном с Восточной Грузией (Иберией или Картли), которая к 300 году до н. э. образовала государство, когда объединились племена, населявшие долину реки Куры. До христианства в Мцхете обожествляли луну (бога Армаза) и Задена, бога плодородия, таким образом продолжая религию хеттов. Тем не менее не исключено, что термины *мушки, мосхи, месхи* являются «плавающими» названиями, точно так же, как термин *валлийский* для англичан обозначает кельтов, для чехов – итальянцев, а для болгар – румын.

Самым древним известным названием Центральной Грузии, то есть долины Куры, является Иберия. Это слово иногда считают производным от финикийского *‘эбр* — «там», толкуя его как типичное двойное название, так как восточные страны иногда носят то же название, что и западные. Поэтому существует и испанская, и кавказская Иберия, и балканская, и кавказская Албания (современный Азербайджан). В конечном итоге Иберия происходит скорее от *спери*, северо-восточноанатолийского народа, известного Геродоту как *саспери*[4]; от *спери*, по всем правилам исторической фонологии, происходит и армянское название грузин – *(и)вирк*. Современное название грузин (*Georgians*) появилось в результате контаминации персидско-тюркского *гурджи* (от армянского *вирк*) с культом святого Георгия, которого почитали грузинские христиане и язычники.

Названия некоторых народов и провинций, которые входили в сферу интересов Урарту, до сих пор сохраняются в названиях современных грузинских провинций: от хурритского (Урарту) *диаухи* вполне разумно произвести современную южную грузинскую (и армянскую) провинцию *тао* (армянское *тайк*: в Урарту суффикс – *хи*, как армянское – *к,* обозначает множественность). Сегодняшнее *Джавахети* (армянский *Джавахк*), несомненно, унаследовано от урартского *Забахае*; таким же образом сегодняшняя *Шавшети* на грузино-армянской границе отражает урартскую *Шешет*.

Кардухи являются еще одним народом, упомянутым греками, который мог быть картвельскими подданными Урарту. Некоторые выводят сегодняшний этноним *картвели* именно от *Кардухи.* По всей вероятности, однако, *карт* – родственный термин индоевропейского *гард* и обозначает народ, живущий за укрепленными стенами[5], как те грузины, которые заселили район около Мцхеты.

Несмотря на их историческую связь с Урарту, удивительно, как мало урартский язык отражается на картвельских. Один лишь общий термин бросается в глаза – *kira*, связанный с нырянием или с превращением, а в Урарту – со значением *земля*. В Грузии до сих пор поется архаичная урожайная песня *Иври-арали, тари-арали, ари-арали*, которую можно отожде-

[4] *Геродот*. История. Кн. I (Клио). § 104.

[5] Интересно в этом отношении старое скандинавское название России – *Гардарика*, «государство городов».

ствить с урартским воззванием к богу плодородия: «Господи Арале, мощный Арале, дай, Арале»[6]. Грузинский (и армянский) термин *арцив* — орел – существует и в урартском, но это широко распространенная индоевропейская и хеттская лексема. (Отношения как грузинского, так и армянского языков с языком Урарту довольно загадочны: на удивление мало армянских слов можно сопоставить с Урарту, так что можно сказать, что урартское ярмо не сильно давило на языки соседей и вассалов.)

Когда Грузия переходит из легенд в историю, появляются уже две, а может быть, и три отдельных страны. Первая, Иберия, – это ядро будущего объединенного государства (сегодняшние Картли и Кахетия), то есть страна к востоку от горы Лихи, которая отделяет реки, впадающие в Каспийское море (Кура), от рек, впадающих в Черное море (Риони и Чорох). Вторая страна – Колхида, Черноморское побережье от Трабзона до сегодняшней Гудауты: ее границы с Иберией до сих пор проходят около горы Лихи. Третьей страной можно считать Сванетию, древнюю Суанию, которая две-три тысячи лет назад была гораздо больше, чем сегодня, и простиралась до побережья. Сванетия тогда подчинялась то Колхиде, то Иберии (то их сюзеренам); временами она могла быть поделена на части или существовать автономно. Греческие географы и сам факт того, что в сванском языке до сих пор существуют идиомы о мачтах и парусах, свидетельствуют, что раньше сваны были приморским народом, возможно заселявшим устье Кодора.

Намного раньше Иберии в исторических памятниках упоминается Колхида: Урарту не раз сталкивалось с мощным царством *Кулха* на своих северных границах. До какой степени Колхида тогда была картвельским государством или конфедерацией разных племен, мы не знаем. К VI веку до н. э., судя по легенде о Ясоне и Медее и по археологическим данным, греческие колонии были разбросаны по всему побережью Колхиды от Кавказского хребта до Трабзона (тогдашнего Трапезунда). В Северной Колхиде довольно пестрый племенной союз сохранял независимость и самостоятельность, к тому же уже существовали города вдали от моря и греческих колоний. Один такой город предположительно находился на реке Риони недалеко от Поти (тогдашнего Фазиса) и назывался *Ая* (название может быть связано с полулегендарным царем Эетом; Гомер отождествляет Аю с островом Цирцеи, а позже греки называли всю Колхиду или сегодняшний Кутаиси *Ая)*. Более известен древний колхидский город – Археополь, сегодняшний Нокалакеви («бывший город»), где ведутся обширные раскопки[7]: местные называли его Цихегуджи («крепость царя Куджи»). Еще один город под Кутаиси назывался Родополь (*Вардисцихе*, «город роз»). Главным политическим и культурным городищем, основанным не позже VIII века до н. э., был Вани в Центральной Колхиде.

Врачи школы Гиппократа предупреждали греков, что колхидские болота грозят колонистам зобом и малярией, в результате чего колхи будто стали нездоровыми, приземистыми и смуглыми. В то же время нездоровая жара и влажность делали Колхиду плодородной и богатой землей. Она давно славилась своим льном и другими товарами, хотя торговле мешало отсутствие валюты: колхи пользовались не монетами, а бронзовыми кольцами больше 8 кг весом (стандартными ассирийскими гирями). Существует мало сведений о том, как и кем управлялись картвелы и другие народности Северной Колхиды. Не исключено, что царь Эет был исторической личностью: во II веке н. э. Арриан объезжал Колхиду и докладывал императору Адриану о местах и руинах, оставшихся со времен Эета, которые

---

[6] *Дьяконов И.М., Старостин С.А*. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1998. С. 164–207.

[7] *Braund D.* Georgia in Antiquity. Oxford, 1994.

ему довелось видеть. Плиний пишет, что некий царь Саулак (скифское имя, изображен на монете II века до н. э.), потомок Эета, был первым золотоискателем в Колхиде[8].

Странно, что ни один колхидский царь не носит картвельского имени. Куджи, которого грузинские летописцы относят к III веку до н. э., значит по-абхазски «волк». Сам Эет, отец Медеи в греческих легендах, возможно, был абхазом: по-абхазски *Хаит* – бог моря. Среди имен правителей Колхиды во II и I веках до н. э. мы встречаем Аристарха (грека) и Саулака (иранца-скифа). Что касается местного названия Колхиды – Мингрелия (по-грузински *самегрело*), то в нем без сомнения виден картвельский корень *эгр*, который отражен в классическом названии Колхиды, *Эгриси*, и соответствует мингрельским названиям племен, известных Ксенофонту и Геродоту как *марг*. Само слово «Колхида» может быть связано с названием южной провинции Грузии Кола, к которому прибавляется урартский суффикс – *хи*, обозначающий «народ». Позже римские историки, пишущие о Колхиде, которую называют Лазика, упоминают еще один картвельский народ – лазов. Название лазы, по всей вероятности, проистекает от сванского *ла-зан*, «страна занов». (Сегодня многие лингвисты считают лазов и мингрелов одним народом – «занами».)

Греческие и римские географы утверждают, что в городе Диоскурия (потом Себастополь, Цхуми, а сегодня Сухум) люди были необыкновенными полиглотами: там говорили на 70 или даже 300 языках. К I веку до н. э. Колхида, вероятно, разделилась на северное сильно эллинизированное государство и на южную конфедерацию разнообразных племен, которая одно время находилась во власти Персии. В начале н. э. Колхида носила название Лазика; когда ослабло византийское влияние, превратилась в Эгриси, а во время объединения Грузии называлась Абхазети. В любом случае страна была этнически очень пестрой; ее племенами, когда они сплотились, правили или абхаз, или зан (мингрел или лаз), или сван, или скиф, или представители ныне уже выродившегося этноса. Уже к 500 году до н. э., богатые греческие портовые города, Фазис (основанный Фемистагором Милетским, недалеко от сегодняшнего Поти с огромной, давно заиленной гаванью), Гиен (недалеко от сегодняшней Очамчиры) и Диоскурия (Сухум), оказывали сильное экономическое, если не политическое влияние на аборигенные внутренние города Родополь, Цихегуджи и Вани (известный грекам как Сурис).

Греческие источники скудны: некоторые просто цитируют утерянные географические учебники. Ассирия и Урарту отмечали только сражения и победы. Первое свидетельство разнообразного состава Колхиды мы находим в записи ассирийского царя Тукулту-Нинурты I (1245–1209 до н. э.), «40 царей на Верхнем (то есть Черном. – *Авт.*) побережье». Археология пока мало что добавляет: Диоскурия лежит нераскопанной под водой или под фундаментами Сухума, а развалины Гиена, который был наполовину подземным городом, и Фазиса до сих пор не найдены. Колхские города были большею частью деревянные и сгорели дотла, когда в 49 году до н. э. с севера напал босфорский царь Фарнак, а через два года с запада – пергамонский царь Митридат. Отношения между греческими колонистами и колхами были в целом мирными. Только в Диоскурии обострились этнические конфликты: бронзовая стела IV века до н. э. свидетельствует о вооруженной стычке. Греческие колонии были однородными, большею частью милетского происхождения, с храмами, посвященными Аполлону. Города, где жила колхская элита, постепенно подвергались греческому религиозному влиянию: главный храм Вани был посвящен Левкотее и имел собственного оракула.

Греческие источники утверждают, что колхским царством правили *скептухи*, «носители скипетра», точно так же, как иранскими провинциями правили *варанака* («носители дубины»): в колхских раскопках уже найден один золотой скипетр. Мы не знаем, однако, свидетельствует ли правление скептухов о том, что управление страной было делегированным или просто находилось в упадочном состоянии. Неизвестен и этнический состав Кол-

[8] *Арриан Ф.* Путешествие около Понта Евксинского; *Плиний*. Естественная история. кн. XXII.

хиды: Фазис на севере и Апсари на юге, вполне возможно, отражают абхазский корень – *псa*-, «вода». Поразительно, что на гробах отсутствуют картвельские антропонимы: Метос, Отойос, Дедатос, Микакадос, Мелабес, Хорсип, Оразо – греческого, анатолийского или иранского происхождения.

Не менее темно происхождение Восточной Грузии (Иберии, или Картли и Кахетии). Самые ранние грузинские летописи, составленные между VIII и XI веками н. э., может быть, пользовались не только более ранними, теперь уже утерянными материалами, но и устными свидетельствами: в течение повествования миф постепенно превращается в правдоподобную легенду и наконец становится фактом, поддающимся проверке. Как многие европейские народы, иберийцы имеют своих «Рема и Ромула» или «Леха и Чеха». У многих древних грузинских городов есть мифический основатель: Мцхетос для Мцхеты, Одзркос для Одзркве, и эти богатыри слывут наследниками Картлоса (брат которого оказывается Гаосом, отцом армян). Сам Картлос является потомком Фогармы, правнука Ноя. Только в IV веке до н. э., когда завоевание Александром Македонским Персии преобразовало Закавказье (которое он все-таки сам объехал), повествования *Жизни Картли* и *Обращения Картли* освобождаются от фантастики и обращаются к действительности.

В надписях, отмечающих урартские царские победы, в *Анабасисе* Ксенофонта и в рассказах Геродота мы узнаем об Иберии еще меньше, чем о Колхиде. К этим редким сведениям кое-что добавляют археологические открытия. Первые анатолийские империи сталкивались с народами Северного Кавказа раньше, чем с картвелами, но тогда, очевидно, предки черкесов и других северокавказских народов находились южнее, чем сегодня. Хеттские надписи (до 1200 до н. э.) упоминают *кашки* в Северо-Восточной Анатолии; тот же народ ассирийцы называли *кашка*, против которых воевал царь Тиглатпаласар около 1100 года до н. э.: по всей вероятности, это *кашог*, как потом называли черкесов. Ассирийцы упоминают *абешла,* наверное, известных грекам как *апсилы*, а нам – как абхазы, в то время как кавказские албанцы, с их столицей Бардави, может быть, были известны ассирийцам как *парда.* Среди соседей и вассалов хеттов названы предки армян, *хайаса* и *зухма* (современная Армения называется Хайастан, а грузины называют армян *сомехи*).

Археологическая история Грузии начинается в каменном веке: страна имела постоянное население Homo sapiens уже десятки тысяч лет. В Закавказье выращивали зерно, пасли скот, делали вино, обрабатывали металлы не позже, чем в любой другой части света. Конечно, доказать, на каком языке говорили и к какому этносу принадлежали эти люди каменного века, невозможно. Захоронения дают только минимальную информацию: найдены и длинные скелеты с узкими черепами, и более широкоплечие, приземистые анатолийские типы. Как в других странах, анализ ДНК показывает поразительную постоянность населения в течение тысячелетий. Несмотря на завоевания, смены языка, этноса и культуры, освидетельствованные историей, ДНК у 80 процентов населения воспроизводит ДНК доисторического населения.

В конце неолита, около 1500 года до н. э., особенно в горах Триалети, на юге от Тбилиси, похоронные обряды и могильные предметы, например изображения божеств, очень походили на могильные предметы в Азербайджане, Армении, в месопотамской культуре Миттани и Хеттской империи. В некоторых захоронениях в Триалети есть признаки человеческих жертв (рабов или слуг усопшего).

Около 800 года до н. э. урартские надписи упоминают не меньше семи краев, которые можно считать картвельскими: *Кулха* (Колхида), *Уитерухи* (может быть, сегодняшнее Одзрхе), *Катарза* (сегодня перевал Годердзи между курской и чорохской долинами и вообще вся провинция Кларджети), *Забахае* (современное Джавахети), *Луша* (не исключено, что это лазы), *Эриахи* (может быть, урартское название восточной провинции Эрети, но вероятнее всего, название предков кавказских албанцев) и, наконец, *Иганехи* (может быть, известные

грекам как *эниохои*, несмотря на то что Эниохои находились около Диоскурии и на востоке от Трабзона и могли быть или сванами, или мингрелами). Царь Аргишти описывает правителя *Иганехи* (по-урартски *Этиухи*) как царя всего Закавказья. Из всех народов, упомянутых Урарту и Ассирией (а их было шестьдесят на границах этих империй в XII веке до н. э.), мы чаще всего встречаем *диаухи*: урартские цари по имени называют трех правителей *диаухи*, Сиени, Асна и Утупуршини. (Надо учесть, что люди и места, которые, по всей видимости, были картвельскими, редко носили картвельские имена – подразумевается, что картвельская элита хорошо приспособилась к хеттским или хурритским обычаям, – точно так, как уже в нашу эру грузинские правители часто носят греческие, осетинские или персидские имена.) В 1112 году Сиени, царь *диаухи*, был взят в плен ассирийским царем Тиглатпаласаром. его освободили, когда *диаухи* заплатили ассирийцам дань и отпустили своих пленных. *Диаухи* были единственным достаточно значительным протокартвельским народом, чтобы ассирийцы и урартские цари признавали их «царей». Тиглатпаласар три раза воевал против этих «северных» людей. В 845 году Салманасар III напал на царя *диаухи* Асна и заставил его платить дань; в 790 году столица *диаухи*, Шашилу, была взята урартским царем Менуа. Менуа, судя по всему, занял провинцию Шешети (сегодняшнюю грузинскую Шавшети, около турецкого города Шавшат), унизил *диаухского* царя Утупуршини и заставил *диаухи* сровнять свои крепости с землей. (На востоке от страны *диаухи* лежало *Забахае*, сегодняшнее Джавахети.) Через пять лет Аргишти, наследник Менуа, собрал 15760 пехотинцев и 66 колесниц и опять начал воевать: только в одной провинции он взял 105 крепостей и 453 поселка и заставил Утупуршини отдать ему 20 кг золота, 4426 лошадей и 28510 рабов: очевидно, *диаухи* были богатым народом. Потом Аргишти одержал победу над соседним картвельским племенем *уитерухи* (для греков – *обизерои,* потом для грузин *одзрхе*) и оставил свой гарнизон в их столице Уриенаи. Интересно, что колхидские картвелы не помогали *диаухи* и *уитерухи* в борьбе против Урарту. К началу VIII века до н. э. урартские войска уничтожили государство *диаухи*: прошло 350 лет до момента, когда Ксенофонт в 401 году наткнулся на народ *Таохои*.

Победив восточных картвелов между истоками рек Чорох и Кура и около озера Чылдыра, Урартская империя столкнулась с западными картвелами в Колхиде, которая включала по крайней мере одну провинцию *диаухи*, Хушани. В 743 году царь Сардури II напал на колхского царя Имешу и взял его столицу Илдамуш (у истоков реки Чорох). в Илдамуше Сардури заказал себе «железную печать» от уже знаменитых колхских кузнецов.

Как *диаухи*, так и колхи исчезают с лица истории в 735 году. Урарту просуществовало недолго. Из предгорья Северного Кавказа прискакали кочевники: по Черноморскому побережью – киммерийцы, по берегу Каспийскому – скифы, другие через Крестовый перевал. Эти завоеватели были главным образом иранскими, и среди них находились, по всей вероятности, отряды абхазов и черкесов. Они разорили все Закавказье и Северно-Восточную Анатолию: их войска даже достигли границ Египта. Ассирийский царь Саргон II (772–705 до н. э.) отмечает, что киммерийцы в 720 году разогнали урартские силы на верхней Куре.

Со временем скифские и киммерийские завоеватели осели или как наемные солдаты, или, судя по топонимике, как постоянные мирные жители от Триалети до Каппадокии (оба названия – иранского происхождения). Их путь отмечают не только тысячи бронзовых наконечников стрел, но и курганы, где захоронены лошади и даже колесницы. Свой след они оставили и в грузинском языке: например, *хиди*, «мост», который мы находим и в мингрельском, должно быть, является ранним заимствованием из осетинского языка победителей. В 676 году до н. э. киммерийцы объединились с покоренным ими же урартским царем Русой II. Вместе они разрушили гетерогенную Фригийскую империю царя Мидаса в Центральной и Западной Анатолии. Эта империя известна как империя *мушки*, хотя вряд ли эти *мушки* были связаны с месхами, которые являются предшественниками восточных картвелов. Но

западных и восточных *мушки* объединяет религия: и те и другие почитают хеттского бога луны Армаза и лувийского бога Сантуша, то есть иберийских богов Армаза и Задена, свергнутых христианскими миссионерами в IV веке н. э.

Падение Урарту, из-за вторжений киммерийцев и скифов, развязало руки различным картвельским племенам: в последующие триста лет они могли мигрировать и распространяться на запад и на север. Некоторые племена, включая *уитерухи-бизерои* и *катарза-кларджи*, перешли перевал Годердзи в сторону Черного моря, вклинившись между Северной и Южной Колхидой, и создали обширный ареал для грузинского языка, на котором теперь будут говорить от устья Чороха до слияния рек Кура и Алазани, отрезав мингрельский в Северной Колхиде от родственного языка лазов на юго-западе. К III веку до н. э. антропоним *месхи* всплывает в двухстах километрах к северо-востоку, от провинции Самцхе до города Мцхета: грузинский народ спускается с гор между истоками Чороха и Куры к слиянию Куры и Арагви, из недоступного горного убежища на главный перекресток Закавказья, где пересекаются пути торговцев и захватчиков с севера, востока, юга и запада.

В греческих документах *диаухи* упоминаются как *таохои*. Геродот, описывая картвельские племена около 450 года до н. э., называет их *саспери*, очевидно, картвельским именем, так как префикс *са-* приставлен к корню *спер*, который является прототипом слова *ибер*. (Современный город Испир в Северо-Восточной Турции, несомненно, связан с этнонимом *спер*.) Геродот считал, что *саспери* представляют собой единственный значительный народ, живший между Колхидой и новой империей (или племенным союзом) мидийцев. (Мидийцы – северо-восточный иранский народ; союзники Вавилона, они разрушили Ассирию в 600 г. до н. э. и потом, как союзники скифов, завоевали Урарту. Только в 549 г. до н. э. они уступили место персидскому царю Киру, основателю империи Ахеменидов, который властвовал по всей Анатолии и Персии, пока Александр Македонский не покорил ее в 330 г. до н. э.)

Под властью мидийцев и Ахеменидов колхские и иберские грузины достигли если не единства, то равенства. *Саспери*, то есть иберийцы, образовали 18-ю сатрапию Персидской империи, а колхи (которых Геродот делит на *мосхов, тибаренов, макронов, моссиноек* и *марсов*) – 19-ю. Сатрапиям были выгодны ахеменидские оперативная полиция, монетизация, дороги и караван-сараи и невыгодны высокие налоги и обязательная военная служба. Судя по всему, каждые пять лет Колхида посылала ахеменидскому царю по 100 мальчиков и 100 девушек: эти переселенцы находились на службе по четыре года, трудясь на таких грандиозных стройках, как сусские укрепления. Военные начальники у *марсов* и колхов и у *саспери*, или иберийцев, носят персидские имена, Фарандат и Масистий[9]. Когда Дарий Великий и Ксеркс воевали против Греции, колхские солдаты, похоже, подчинялись собственным офицерам. Южные части Колхиды и Иберии остались вне сатрапий и подчинялись напрямую Ахеменидской империи, пока Александр Македонский не уничтожил ее.

Поскольку прибрежные греческие города сохранили независимость, надо полагать, что и Северная Колхида не входила в 19-ю сатрапию. Можно только догадываться, до какой степени греческие колонисты Диоскурии, Гиена и Фазиса или греки около «глубокого лимана» (*батис лимен*, сегодня Батум) смешались с туземным населением. Вероятно, колонисты были преимущественно мужского пола и женились на местных женщинах. Есть, однако, некоторые признаки насильственного колониального господства, как, например, поджог побережных деревень, где туземцы занимались ткачеством в VI веке до н. э. Вообще же Северная, эллинистическая Колхида процветала. Обрабатывались драгоценные камни, с VI по III век до н. э. чеканили множество мелких серебряных монет, главным образом гемидрахм, некоторые с греческой буквой, указывающей монетный двор, все с мужской головой на аверсе, с бычьей или львиной головой на реверсе. Денежная система была, очевидно,

[9] *Геродот*. Истории. Кн. 7. § 79.

хорошо развита, хотя мелочь была так обильна и такого плохого качества, что охотники XVIII века н. э. пользовались ею как дробью. Обилие импортных товаров – египетские скарабеи, финикийские четки – подтверждают репутацию Колхиды как страны, разбогатевшей на экспорте льна, конопли, дегтя и рабов. (Один колхский раб стоил 153 драхмы, что составляло шестимесячное жалованье ремесленника.) От города Фазиса получил свое название фазан: как утверждает Аристофан, греки считали фазанье мясо роскошью из Колхиды. Тяжелые пирамидальные ткаческие гири свидетельствуют о развитой кустарной промышленности. Богатые колхи жили в каменных домах с черепичными крышами; бедные – под соломенными крышами или в пирамидальных бревенчатых хижинах на буграх, нарытых на колхидских болотах. Судя по железным сохам и большим бывшим пашням, в Центральной Колхиде выращивали зерно, хотя климат, особенно приморский, был благоприятен только для проса. Археологами были найдены большие железные ядра от катапульт, что означает, что у колхов были вооруженные силы с артиллерией. Что удивительно, письменное наследие ограничивается немногим: именами на саркофагах, гончарными буквами, монограммами на греческом и арамейском языках на черном застекленном киликсе, арамейскими буквами на кусочке золотого листа, найденном в Вани. Погребальные обычаи, от кремации в ямах до захоронения в больших кувшинах, указывают, что население было разнобразным: чувствуется и киммерийское, и горнокавказское влияние. Чем ближе к Иберии, тем заметнее влияние Северного Кавказа, примером чего может служить сделанный из золота птичий клюв.

Плутарх, писавший о Колхиде пятьсот лет спустя, утверждает, что тогда Северная Иберия, как и Северная Колхида, были автономны. Археологические находки этого периода показывают, что, хотя массы по всей Грузии жили бедно, начинала появляться поразительно богатая элита: их могилы набиты золотом и драгоценными камнями. При власти Ахеменидов возникали мощные, мастерски построенные каменные центры, например Уплисцихе, Урбниси и Каспи. Количество оружия в могилах свидетельствует, что элита была военная, несмотря на то что она жила под защитой ахеменидского *«pax imperialis»*. Из каменных центров один Уплисцихе можно отнести к VIII веку до н. э. Однако в то время как Колхида была густо покрыта торговыми и промышленными поселениями, иберские города были скорее либо укрепленными убежищами на время войны, либо храмами, посвященными анатолийским божествам, предназначенными для жрецов и паломников.

На очень короткое время Черным морем овладела ахеменидская Персия: в 459 году до н. э. она заключила мир с Каллиасом афинским, объединив таким образом впервые в истории Грузии всех картвелов. Первый период иранского господства в Грузии – сначала под властью мидийцев, а потом Ахеменидов – длился триста лет, с середины VII до IV века до н. э. Следов в истории он оставил очень мало. Главным его последствием был процесс лексических заимствований из иранских языков, который будет продолжаться до конца XVIII века н. э. Из малоизвестного языка мидийцев, староперсидского и авестийского религиозного языка грузинский язык почерпнул много основной лексики, например *стумари*, «гость»; корень *маспиндзели*, «хозяин»; *гандзи*, «клад»; *спилендзи*, «медь»; корень *саване*, «обиталище»; *цминда*, «чистый, святой»; *эшмаки*, «чёрт»; *дроша*, «знамя».

В 463 году до н. э. Перикл Афинский отвоевал Черное море и, по всей вероятности, прибрежные города Колхиды. Греческие колонии в Южной Колхиде, например Пичвнари, вблизи от сегодняшнего Кобулети, во время персидской оккупации продолжали преуспевать. К 410 году до н. э. Ахеменидская империя раскололась в братоубийственной междоусобице; брат царя Артаксеркса завербовал греческих наемных солдат. Переворот не удался. Отступление греков-наемников описано в *Анабасисе* Ксенофонта. Основной заботой Ксенофонта было вернуться домой, но его путевые наблюдения являются первым свидетельством очевидца о нравах и быте древних грузин. Ксенофонт излагает, что колхи, макроны (вероятно, мингрелы) и *кардухи* освободились от персидского ярма; похоже, *кардухи*, самые восточные

картвелы, тогда воевали с армянами, а *эспери* (*саспери,* или иберийцы) были подвластны армянину Тирибазу, вероятно, сатрапу 18-й персидской сатрапии. Ксенофонт считает *таохои* самым агрессивным картвельским племенем: многие не подчинялись сатрапу, запираясь в крепостях, защищаясь камнями от вражеских сил, прибегали к массовому самоубийству, прыгая с утеса, если поражение неминуемо. Граница между 18-й персидской сатрапией и «свободной» Иберией тогда проходила через территорию *таохои*.

Когда люди Ксенофонта спустились в устье Чороха, они наконец могли объясниться с туземцами: в прибережном городе Гимниасе греческий солдат, родившийся в Колхиде и привезенный рабом в Грецию, переводил на мингрельский местных *марсов* и *макронов* (*цанои*, грузинские заны). Ксенофонту казалось, что тибарены и халибы (имя этого народа происходит от их знаменитого сплава чугуна) – те же мингрелы. Единственным некартвельским народом, с которым Ксенофонт сталкивается по пути в Колхиду, были скифы, по всей вероятности, последние потомки кочевников, которые вторглись с севера тремя столетиями ранее. Когда Ксенофонт покидал Трабзон, отправляясь на запад, по пути в Герасун он наткнулся на сварливых *моссиноеков*. Несмотря на картвельский префикс *мо-* и сходство этого названия с североколхскими *санигами*, которые могли быть как сванами, так и мингрелами, несмотря на деревянные дома-башни, *моссиноеки* вряд ли были картвелами, так как их название явно происходит от *мосин*, индоевропейского, а может быть, и тракского слова, обозначающего «башню». Ксенофонт вспоминает их с ужасом: они пили терпкое вино, ели мясо дельфинов, открыто совокуплялись и поджигали башни, в которых запирали своих королей.

Когда через семьдесят лет после Ксенофонта греки вернулись в Восточную Анатолию, это гораздо более радикально сказалось на Грузии и на всем известном к тому времени мире.

2
Происхождение Картлийского царства

Летопись Иберии (Иберия – это сегодняшние Картли и Кахетия, то есть средняя полоса долины Куры и долины рек Арагви, Алазани и Иори, которые текут на юг от Главного Кавказского хребта) начинается с вторжения Александра Македонского в Анатолию и разорения им ахеменидской Персидской империи в 334–331 годах до н. э. Грузинские и римские источники утверждают, что Александр завоевал Иберию. Сначала от него отбивались дикие племена на севере от Куры, но в конце концов он их прогнал и посадил на трон в новой столице Мцхете то ли грузина, то ли македонского сатрапа Азона. На самом деле Александр вторгся в Персию через Междуречье и подошел к Кавказу только тогда, когда его войска преследовали иранские силы по Западному побережью Каспийского моря. Следы греческого влияния на Иберию несомненно видны в IV веке до н. э. на таких предметах, как красная черепица аттических размеров (33 см), помеченная греческими буквами[10]. Само слово *крамити* («черепица») заимствовано от греческого слова *керамис*. Благодаря уничтожению Ахеменидской империи греками иберийцы получили возможность сами решать собственную политическую судьбу. Если верить грузинскому *Обращению Картли*, царь «Ариан-Картли» (Южной Иберии, находившейся в персидском владении) переселился на северо-восток вместе с десятками аристократов и тысячами других подданных и стал владыкой «внутренних иберийцев», которые уже жили около Мцхеты. Археологические данные подтверждают слова летописца: около Куры строились новые укрепления, в могилах найдено значительное количество оружия. Вообще на археологию можно полагаться больше, чем на летописи, и археология подтверждает связь *месхов* (южных картвелов) с новой столицей Мцхетой. Считается, что Азон привез с собой божества Гаци и Га и воздвиг золотые и серебряные кумиры в Мцхете. Может быть, Азона выдумали летописцы, которые сочиняли историю через девятьсот лет (по армянским летописям, Александр Македонский назначил сатрапом иберийским не Азона, а реально существовавшего Митридата (337–302 до н. э.), отца Митридата I, царя Понтийского, и в то же время назначил Арана царем кавказских албанцев). Так или иначе, кто бы ни был вождем Картли, грузины из Кларджети и Тао завоевали Центральную Иберию. Летописцы осуждают Азона: он был тираном, которого ненавидели за тяжелые налоги и брезгливое отношение к местному населению. Азона поддерживали сто тысяч «римских» (вероятно, греческих) солдат, и, когда эти наемники предали сатрапа, его победил первый царь Картли, Парнаваз[11].

Для летописцев Парнаваз был богатырем. Единственным, кто подтверждает его легендарное существование, является армянский летописец V века н. э., признавший грузинских царей «потомками Парнаваза». Историческое наследие свидетельствует, что Парнаваз – лицо не фиктивное. Грузия, которая образовалась после его царства, указывает на него как на создателя первого Грузинского государства. Если вести отсчет с более конкретных данных о жизни последующих царей, можно приписать Парнавазу невероятное, ветхозаветное долголетие: он мог родиться в 326 году и царствовать с 299 по 234 год до н. э. Его имя, как и у многих ранних грузинских царей, образовано от иранского корня *фарна* — «боже-

[10] *Furtwängler A.* Iberia and Rome. Langenweissbach, 2001.

[11] *Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963; *Toumanoff C.* Manuel de g*é*n*é*alogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasie chr*é*tienne (Arm*é*nie – G*é*orgie – Albanie). Rome, 1976; *Rapp Jr. S.H.* Studies in medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Louvain, 2003; ожидаются еще два тома в этой серии, для исчерпывающего обсуждения возможной хронологии грузинского престолонаследия; *Settipani C.* Continuit*é* des *é*lites *a* Byzance durant les si*è*cles obscurs. Les princes caucasiens et l'empire du VIe au IXe si*è*cle. P., 2006. P. 393–485, 538–546.

ственное сияние». Его мать, судя по всему, была персиянкой, а дядя Самар, воевода мцхетский, – иберийцем. Летопись рассказывает, что благодаря Азону Парнаваз остался сиротой; потом, во время охоты, он наткнулся на клад, привидевшийся ему во сне, и таким образом смог финансировать восстание против Азона. Легче поверить тому, что он заключил договор с Куджи, царем Эгриси (Центральной Колхиды), выдав за него свою сестру. Убив Азона на поле битвы, Парнаваз затем признал верховную власть Селевкидов, наследников Александра, которые в городе Антиохии управляли остатками Македонской империи. Парнаваз разделил Грузию на княжества: в Иберии было семь княжеств, а Эгриси-Колхида стала автономной. Такое деление предвосхищает структуру Грузии уже в византийские времена: скорее всего, летописец просто ретроспективно приписывает его древнему, полумифическому Парнавазу. Значимой чертой реформы Парнаваза является то, что «внутренняя» Картли, ядро Грузии от слияния Арагви и Куры на восток, отдается во власть *спаспети*, воеводы или генерал-губернатора: из-за такого деления власти создалось ложное представление, что с тех пор в Иберии существовало двоевластие, как будто один царь владел правым берегом Куры, а другой – левым. На самом деле *спаспети* обыкновенно был близким родственником царя и подчинялся ему.

По преданию, Парнаваз воздвиг огромную статую лунного божества Армаз на горе с видом на Мцхету (поэтому место называлось Армазцихе, «крепость Армаза»). Таким образом, не опровергая старых поверий, Парнаваз дал грузинам общую, единую религию, в которой луна стала главным божеством. (Кстати, Страбон упоминает храм лунного бога на границе Колхиды и Иберии[12].) Продолжая политику объединения, Парнаваз объявил грузинский язык государственным. Ему же приписывают первую грузинскую письменность: если это правда, то письменным языком стал арамейский в своеобразной местной «армазской» форме, которую археологи часто находят в надписях на игорных бабках, языческих алтарях и на гадальных дощечках паломников[13].

Сам наполовину иранец, Парнаваз олицетворял пестрый этнический состав своего царства еще и тем, что женился на *дзурдзуке* (чеченке или ингушке с Горного Кавказа), а дочь выдал за осетина. Такие семейные союзы помогали будущим иберийским царям влиять на кочевников и горцев Северного Кавказа. Они могли или закрыть им доступ к Дарьяльскому ущелью, или пропускать их в Закавказье, чтобы они нападали на соседей, враждебных Грузии. Страбон пишет, что иберийские горцы «могут собрать многие десятки тысяч и своего народа, и из скифского и сарматского народов в любое время, когда им что-нибудь угрожает»[14]. Парнаваз не только укрепил свою власть на юге, но и расширил империю до берегов верхнего Аракса в Армении и на юго-запад до устья Чороха.

По преданию, от Парнаваза престол перешел к сыну его Саурмагу. Саурмаг значит по-осетински «черная рука»: может быть, Саурмаг был не сыном, а зятем Парнаваза. Саурмаг тоже прожил неправдоподобно долгую жизнь, царствуя с 234 по 159 год до н. э. К иберийскому пантеону Саурмаг прибавил еще два божества, Айнину и Данину, но как в Колхиде, так и в Иберии продолжали почитать «солнце, луну и пятеро планет», как вспоминает автор VII века в «Мученичестве святого Эвстатэ». На бронзовой доске, найденной в Вани в Колхиде, нарушителей клятв предупреждают, что они будут отвечать «матери-земле, солнцу и луне».

Саурмаг, как и его предшественник, старался ассимилировать осетин и чеченцев: он переселил «половину *дзурдзукского* народа» с другой стороны перевалов на верхнюю Арагви: местная топонимика до сих пор подтверждает, что имело место чеченское пере-

---

[12] *Страбон*. География. кн. 11. гл. 2. § 18.

[13] *Ts'ereteli K.* Armazian Script / Ed. T. Mgaloblishvili // Ancient Christianity in the Caucasus. Curzon, 1998. P. 155–162; *Furtwängler A.* Op. cit. Langenweissbach, 2001.

[14] *Страбон.* География. кн. 11. гл. 3. § 3.

селение, обогатившее Иберию грозными бойцами, а иногда необузданными грабителями. Согласно разным источникам, в 169 году до н. э[15]. в квартале Занави Мцхеты появилась еврейская община (беженцы с юга): там найдены ивритские надписи и еврейские могилы с I века н. э. Ясно, что Саурмаг придерживался политики привлечения полезных иностранцев. Скоро в городах Иберии (как и в Кавказской Албании) проживали сирийцы (говорящие на арамейском), армяне и иранцы.

Саурмаг подчинялся Селевкидской империи, которая все еще правила Анатолией и Сирией. Но к концу царствования Саурмага единству Селевкидской империи положило конец крепкое Понтийское царство Юго-Восточного Черноморского побережья. Правитель Понта Фарнак I расширил территории, завоевав почти все южное побережье: вскоре армяне потеряли Трабзон, и Понт напал на восток, поглотив Южную Колхиду и угрожая Иберии. Теперь иберийцы и Селевкиды нуждались во взаимной помощи. На востоке и юго-востоке Иберии появилась еще одна враждебная сила – воинственные иранцы Парфийского царства. В 247 году до н. э. царем Парфии стал Аршак: в течение короткого времени Парфия и Иберия вместе воевали против Армении, которая возродилась благодаря междоусобицам, ослаблявшим власть Селевкидов. К тому времени, когда Саурмаг умер, армяне уже отобрали у картвелов южную часть Тао (на север от сегодняшнего Эрзурума).

За исключением Египта, великая империя Александра Македонского уже была разрушена. В начале II века до н. э. к Анатолии подступала новая Римская империя. В Греции римляне сражались с селевкидским царем Антиохом III и в 188 году до н. э. вынудили его отдать им всю Анатолию севернее Таврских гор. В то время как до прихода в Иберию первых римских легионеров пройдет еще сто лет, Армения воспользовалась победой римлян над Селевкидами незамедлительно, завоевав и мидийские, и иберийские территории. Грузия, объединенная Парнавазом, раздробилась: провинция Аргвети, где Колхида граничит с Иберией, вернулась к Колхиде; на десятки лет Средняя Колхида, если не вся страна, стала автономным государством. Уже в III веке до н. э. были колхидские монеты с надписью «Царь Акес»[16]. К 150 году до н. э. Колхида опять чеканила собственные серебряные монеты (при Парнавазе и Колхида, и Иберия чеканили золотые монеты, похожие на статеры Александра Великого). В некоторых районах Колхиды теперь поселились иранские захватчики: Плиний Старший упоминает, что во II веке до н. э. царь Саулак (по-осетински *саурлаег* означает «черное лицо») вывозил из Колхиды и золото, и серебро[17].

Потеряв власть над Колхидой, Саурмаг разрушил все содеянное Парнавазом: возможно, поэтому иберийские аристократы восстали против него и он сбежал к *дзурдзукам*, надеясь там найти войска, которые подавят восстание, и создать новую элиту. У Саурмага не было наследника мужского пола: он усыновил иранского царевича Мириана и выдал за него свою дочь.

Мириан I царствовал предположительно со 159 по 109 год до н. э.: отразив нападение дзурдзуков на Кахетию, он перешел перевал и разорил Чечню; во избежание последующих нападений он укрепил Дарьяльское ущелье. Мириан не смог остановить экспансии Понта и Армении. В 111 году до н. э. царем Понта стал Митридат VI Евпатор, который постепенно аннексировал всю Колхиду, кроме северной части. Хуже того, Митридат VI заключил союз с Арменией, удвоив тем самым опасность для Иберии.

---

[15] *Mgaloblishvili T., Gagoshidze I.* The Jewish Diaspora and Early Christianity in Georgia / Ed. T. Mgaloblishvili // Ancient Christianity in the Caucasus. Curzon, 1998. P. 39–58; *Mamistvalishvili E.* [Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana)]. Tbilisi, 1995. P. 21 (на груз. яз.).

[16] *Tsetskhladze G*. Die Griechen in der Colchis. Amsterdam, 1998 (Акес может быть просто сокращением более длинного иранского имени).

[17] *Плиний*. Указ. соч. кн. XXIII. т. 6. Лондон, 1898. С. 93–94.

От Мириана I трон унаследовал его сын Парнаджом, который царствовал до 90 года до н. э. Летописцы упоминают только одно достижение Парнаджома: над новой крепостью по ту сторону реки от Армаза он воздвиг памятник еще одному анатолийскому божеству, Задену. То ли из-за этого, то ли в результате того, что Иберия продолжала уступать территорию врагам, Парнаджома убили собственные аристократы, поддержанные армянами. Его сын (будущий Мириан II) попросил политического убежища у парфянского двора и иберийский престол предложил Аршаку (в римских и греческих источниках Аршак известен как Артаксий), который слыл сыном армянского царя Артавазда, но мог претендовать на иберийский престол, так как был женат на княжне из рода Парнаваза. Сведения о царствовании Аршака (с 90 по 78 до н. э.) очень скудны, возможно, потому, что на время утихли междоусобицы и войны. Странно только то, что Аршак, будучи армянином по происхождению, будто бы укрепил город Цунда в Джавахети на границе Иберии и Армении.

С 78 по 63 год до н. э. в Иберии царствовал Артаг, по-видимому сын Аршака. О начале царствования сведений нет, но позже он стал первым иберийским царем, известным римлянам (Аппиан, Кассий Дион, Евтропий и другие летописцы римских войн с Митридатом Евпатором называют его Артокий), и существует довольно точная информация о его действиях к концу царствования. Из-за Митридата VI римляне решились вторгнуться в Иберию, так как понтийский царь угрожал римской гегемонии, завоевав греко-сарматское Боспорское царство около Азовского моря на границе тогда известного мира и потом занял Северо-Западную «Малую» Армению и Колхиду, готовясь напасть и на Анатолию. Царь Великой Армении Тигран II встал на сторону Митридата VI, направил свои войска в Северо-Западную Парфию и овладел Кавказской Албанией, воспользовавшись тем, что римляне были озабочены появлением армии Митридата и в Греции. В конце концов Митридата выгнали из Греции и из большей части Анатолии не только римляне, но и местные бунтовщики. Тем не менее Митридат VI в 73 году до н. э. начал свою третью, последнюю, войну против Рима: изначально в 69 году до н. э. римляне направили своего генерала Лукулла против союзника Митридата, Тиграна II. Иберийцы и кавказские албанцы боролись рядом с армянами: особенно страшны были копья иберийцев. Мы не знаем, ради армян ли воевал Артаг или чтобы защитить Иберию от римлян, но в любом случае участие Артага в этой войне неизбежно привело к нашествию римлян на иберийские земли.

Зимние холода и бунтующие солдаты заставили Лукулла отступить; в 66 году до н. э., однако, Гней Помпей возобновил военные действия и одержал блестящую победу. Митридата выгнали из Анатолии (по пути, в долине Чороха, он столкнулся с враждебными ему иберийцами), и он прошел всю Колхиду. До Босфора он не добрался: сын Митридата VI Махар, который наследовал босфорский престол от отца, отказался принять его, и Митридату пришлось вернуться в Диоскурию. Еще один неблагодарный сын, Фарнак, восстал против отца, и в 63 году до н. э. Митридат покончил с собой. Тиграну II, мечтавшему вернуть себе трон, узурпированный его сыном, тоже Тиграном, пришлось заключить довольно унизительный договор с римлянами, пожертвовав западными владениями и обещав в качестве союзника Рима платить ему дань. Гней Помпей все еще продолжал преследовать Митридата, но важнее для него было сделать и Иберию, и Кавказскую Албанию либо союзниками, либо вассалами Рима: закрыв высокие перевалы, оба царства могли запретить северным кочевникам спускаться в Закавказье; римляне считали этих кочевников самой серьезной угрозой своей власти. К тому же Помпей хотел захватить «шелковый путь» от Индии и Китая через Каспийское море (воды которого Помпей лично вкусил), Кавказскую Албанию, Иберию и Колхиду до Черного моря. В декабре 66 года до н. э. царь Артаг и албанский царь Ороиз с 70000 иберийцев и кавказских албанцев напали на римлян на Куре: битва закончилась перемирием. Помпей перезимовал на верхней Куре и весной спустился в Иберию, убив 9000 иберийцев и взяв в плен 10000, прежде чем спуститься дальше, чтобы расправиться с кавказскими албан-

цами. Как и Тигран II, Артаг послал к Помпею своих уполномоченных и просил мира; но в отличие от Тиграна он подстерегал римлян вблизи Мцхеты. Помпей, однако, опередил Артага и захватил мцхетский гарнизон. Артаг перешел Куру и сжег мосты. Помпей сначала завоевал Внутреннюю Иберию на южной стороне Куры, а когда в летнюю жару реки обмелели, перешел и Куру, и Арагви вброд, вырубил леса и разгромил войска Артага. Иберийский царь вынужден был отдать своих сыновей в заложники и подарить Помпею «золотые кровать, стол и трон», клянясь остаться верным римским подданным. Только после этого он мог сдаться, не опасаясь, что его увезут в кандалах в Рим. (Когда для Помпея потом устроили триумфальное шествие в Риме, он продемонстрировал народу трех иберийских аристократов, одного колхидского *скептуха*, двух кавказских албанцев, сына Тиграна II, пятерых сыновей Митридата VI и двух дочерей иудейского царя Аристобула.)

Покорив Артага, Помпей перешел из Иберии в Колхиду, расширив тропинку через перевал Лихи, чтобы по ней могли проехать его колесницы. С помощью угроз и насилия он дошел до берега моря и назначил грека Аристарха губернатором подавленной, если не полностью покоренной, Центральной Колхиды. Помпею не хотелось сталкиваться с враждебными северными племенами – сванами, абхазами и черкесами: цель была достигнута, так как Митридата уже выгнали и лишили всякой опоры. В конце концов Помпей вернулся в Иберию, чтобы таким же образом наказать кавказско-албанского царя Ороиза, как раньше он наказал Артага. К 64 году до н. э. Закавказье фактически состояло из трех царств, тесно связанных с Римом: протекторат Колхиды находился в том же положении, ибо Аристарх подчинялся напрямую Дейотару, проримски настроенному правителю Пафлагонии. В Сухуме найдена одна драхма с надписью «Аристарх Колхидский», но без всякого княжеского титула.

О жизни в артагской Иберии можно получить представление из описаний Страбона, который использовал доклады Феофана Милетского, в 66 году до н. э. сопровождавшего армию Помпея. Страбон подчеркивает отличия иберийских горцев от жителей долин: горцы выглядели как скифы, а жители долины – как персы: вероятно, разницу можно приписать тому, что иберийские цари селили на севере осетин и чеченцев с Кавказа, а в долине осталось первоначальное картвельское население. Страбон осуждает систему правления, при которой часть власти передается в руки брату или тезке правящего или предыдущего царя (что навело некоторых историков на недостаточно обоснованное предположение о том, что в Иберии существовало двоевластие), и отмечает теократическую власть жрецов, которые служили и законодателями, и посредниками. Третье сословие, по Страбону, составили свободные фермеры и военные (кстати, слово *ери* тогда значило и «народ», и «армия»), а также «царские рабы» или крепостные. Другие слои общества, например чужеземцы, жили в коммунах. Страбон описывает архитектуру городов и говорит, что дома хорошо отстроены, с черепичными крышами. Но иностранных торговцев или порабощенных военнопленных Страбон не упоминает[18]. Археологи отмечают, что во II веке до н. э. могилы часто были лишены погребальных даров, мертвецов иногда хоронили в огромных винных кувшинах *(квеври)*, что указывает на постепенную смену военного общественного строя мещанским и ремесленническим.

Римляне взяли заложниками не всех сыновей Артага. В 63 году сын Артага Парнаваз II (в грузинских летописях его называют Бартом или Братман) унаследовал престол, и его двадцатилетнее правление было для Иберии-Картли периодом спокойным и мирным.

О Колхиде тех времен мы знаем гораздо меньше. Должно быть, она была достаточно хорошо развитой страной: Страбон насчитал не меньше 120 мостов на дороге от пограничного города Шорапани до Фазиса. Без сомнения, митридатские войны и войны наследников Митридата VI, не говоря уже о римской гражданской войне 49 года, когда Цезарь сражался с

[18] *Страбон*. Указ. соч. кн. 11. гл. 3. § 1, 3, 6.

Помпеем и с Дейотаром Пафлагонским, разорили Колхиду: побережье страдало, когда в 66 году до н. э. Митридат VI бежал на север; в 48 году сын Фарнак, царь Боспорский, вторгся с севера, пытаясь напасть на Малую Армению и проримский Понт. После битвы при Фарсале в 48 году Цезарь одержал окончательную победу (Помпей вскоре умер в Египте) и через год выгнал из Колхиды Фарнака (именно тогда он воскликнул «Veni, vidi, vici – Пришел, увидел, победил»). За это время, однако, Фарнак успел ограбить всю Колхиду, особенно храм Левкотеи в Вани, который он сровнял с землей; но, вернувшись в Босфор, Фарнак пал жертвой своего наместника Асандра. Боспорское царство Цезарь отдал своему союзнику Митридату Пергамскому, который тоже погиб от руки Асандра: и этот конфликт не только помешал восстановлению Колхиды, но нарушил мир и в Иберии. Вплоть до своей смерти в 18 году Асандр занимал часть Колхиды. После 47 года остальная Колхида, средняя и южные области, перешли к понтийскому царю Полемону I на сорок лет; потом Пифодора, вдова Полемона, принесла своему второму мужу Архелаю, царю Каппадокии, Колхиду в приданое. Колхида оказалась на время частью семейной империи, ибо Зенон, сын Полемона, стал царем Армении с 18 по 34 год н. э. В 17 году н. э. император Тиберий попытался вернуть Колхиду в Римскую империю, но к 38 году и Понт, и Колхида уже принадлежали Полемону II, внуку Полемона I, на время получившему во владение и Боспорское царство, в то время как его брат Котис стал царем Малой Армении. Империя эта просуществовала недолго: уже в 69 году Полемону II пришлось подавить восстание, которое поднял в Понте его бывший раб, а теперь адмирал его флота Аникет.

К 63 году, когда Нерон развязал войну против Парфии, римляне утвердили свою власть, и Трабзон, где стояли легионы Корбулона, стал столицей римских провинций Понта и Колхиды. В Колхиде, однако, римская власть не распространялась за границы прибрежных гарнизонов. Жители Трабзона были большею частью картвелы, «генниохи и макроны», а на севере от устья Чороха, в Гонио, где разместился главный римский гарнизон, территория была заселена лазами и иберийцами. Фазис, Диоскурия и другие греческие поселения еще не восстановились после войн предыдущего века, и Трабзон как свободный город с собственным монетным двором стал и коммерческим, и политическим центром восточной части Черного моря.

Северной Колхиде приходилось страдать от конфликтов между северо-восточными кавказскими племенами, а ее портам и греческим колониям – от пиратства варваров. Согласно Иосифу Флавию, римские гарнизоны, которые располагали всего 3000 пехотинцами и сорока судами, могли защищать только гавани. В 50 году н. э. самый северный порт Питиус (сегодня Пицунда) полностью разрушили, по всей вероятности, сваны. В том же 50 году жертвой грабителей пала и Диоскурия, которой в предыдущие сто лет, вероятно, владел сванский царь с огромной армией и советом в 300 человек.

Из-за гражданских войн Рим постепенно терял господство над Иберией, Арменией и Кавказской Албанией. Парфия же становилась все более могущественной: в 53 году до н. э. она разгромила армию Марка Лициния Красса, заставив Армению искать других, восточных союзников. (В 53 году для армянского царского двора ставили пьесу Еврипида *Вакханки*, и этот спектакль оказался последним событием эллинистической Армении: представление испортили солдаты, подбросившие голову Красса на сцену к актерам, которым пришлось импровизировать.) К 40 году до н. э. Парфия уже отняла у Рима бо2льшую часть Анатолии. Через четыре года Марк Антоний нанес ответный удар, но атака была неудачная, так как Армения, Иберия и Кавказская Албания встретили римлян враждебно. Марк Антоний вернулся со второй армией под командой Публия Канидия Красса. Этого было достаточно, чтобы иберийский царь Парнаваз II передумал, объявил себя другом римлян и вынужден был помогать Крассу воевать против соседа, албанского царя Зобера, который тоже подчинился римлянам. Этот эпизод был слишком унизителен, чтобы быть упомянутым в грузин-

ских хрониках, но описывается Кассием Дионом вполне убедительно. Парнаваз II недолго переживал свое унижение, так как Мириан (сын Парнаджома, сбежавшего за пятьдесят лет до этого в Иран) вернулся с парфянскими войсками в Картли. У Парнаваза II еще оставался один колхидский союзник, его зять Картам (имя осетинское), потомок Куджи, колхидского царя и союзника Парнаваза I, но и тот и другой погибли после нашествия армии Мириана II. От семьи Парнаваза II уцелела только дочь, которая сбежала в Армению и там родила от Картама сына Адерки.

Когда Мириан II восстановил династию Парнавазидов на иберийском престоле, он был уже стар и процарствовал всего десять лет. Все эти годы он сотрудничал с Римом и блокировал перевалы на Кавказе, чтобы северные мародеры не тревожили римлян. Рим больше не нападал на Иберию: император Август официально объявил, что Иберия и Кавказская Албания заслужили «римскую дружбу». Судя по монетам этого времени, на протяжении всего I века Иберия доминировала и в Колхиде. Уход Римской империи, однако, оставил пустое место: теперь цельности Иберии угрожали Парфия и ее союзница Армения, хотя настоящие конфликты начались только через пятьдесят лет после смерти Мириана (в 20 до н. э.).

После Мириана II царствовал Аршак II (или Арсук), армянин по матери. Уже в 1 году н. э. против Аршака II восстал Адерки, сын колха Картама и дочери Парнаваза II Артаксиадской династии. Войска Адерки убили Аршака II, свергнув уже второй раз династию Парнаваза. Царь Адерки (которого летописцы зовут Рок) стал известен за границами Грузии под именем Парсман (Фарасман) I.

При Парсмане I Иберия начала жить в мире и согласии с соседями, даже с воинственными племенами Северного Кавказа. Союз с горцами предостерегал южных и восточных соседей от любых провокаций по отношению к Парсману, который к тому же пользовался покровительством римлян. Тацит пишет, что в 23 году четыре легиона стояли на границе Иберии и Кавказской Албании, но он противоречит грузинским летописям, приписывая действия Парсмана I следующему иберийскому царю, Митридату (Михрдату) I. Благодаря содействию Рима Парсман смог аннексировать Армению, которая давно колебалась, не решаясь, у кого искать защиты, у римлян или у парфян. В 18 году император Тиберий возвел Зенона, сына понтийского царя Полемона, на армянский престол. Назвавшись Арташ, Зенон царствовал до 34 года, когда парфянский царь Артабан III сверг понтийскую власть и сделал собственного сына Аршака царем Армении. Но парфянская знать отвергла выбор Артабана и попросила Тиберия назначить им царем армянина Тиридата.

Парсман I заявил, что римляне уже обещали передать Армению Иберийской царской династии: в следующем году, с помощью кавказских албанцев и северных иранцев, Парсман напал на Армению, выгнал парфянские силы, подкупил армянских аристократов, взял столицу Артаксату на реке Аракс и возвел своего брата Митридата на армянский престол. Парфянский царь Артабан III собрал армию, сделал генералом своего сына Орода и сам вербовал албанских и сарматских наемников, чтобы отбить у иберийцев Армению. У Парсмана уже были свои сарматские наемники, которые закрыли кавказские перевалы и тем лишили Артабана доступа к подкреплению. Битва между парфянской конницей и иберийско-сарматской пехотой закончилась тем, что Парсман I лично расколол шлем Ороду одним ударом: Ород ускакал, но слухи о его гибели привели парфян в полное смятение.

С помощью скифских войск Артабану III все-таки удалось выгнать из Парфии Тиридата, назначенца Тиберия, но свергнуть Митридата, брата Парсмана, с армянского престола он не смог, поскольку нападение на иберийцев грозило ему столкновением с легионами Вителлия.

Армянский венец оказался для Митридата тяжеловат: через несколько лет его вызвал в Рим император Калигула и заковал в кандалы, поскольку он, надо полагать, пытался выведать у парфян о возможности союза, чтобы угодить пропарфянской армянской элите. К сча-

стью, в 47 году император Клавдий реабилитировал Митридата, после того как парфяне воспользовались его заточением, чтобы вновь вступить в Армению. Римляне старались помочь Митридату, разрушая армянские крепости и давая иберийцам занимать северные равнины Армении; к тому же Клавдий запретил армянскому царю Котису вмешиваться и лишил парфянского генерала Демонакта армянских подкреплений. Вернувшись на престол, Митридат, однако, возбудил сильное недоверие своего старшего брата Парсмана тем, что опять начал заискивать перед парфянами и отказался просить у римлян легионы, которые бы помогли Парсману напасть на кавказских албанцев. (В конце концов Митридат и без римской помощи одержал победу над албанцами.) В 51 году Парсман подослал в Армению своего сына Радамиста, будто бы с согласия римлян, чтобы подорвать власть Митридата.

Теперь Парсман I оказался повелителем трех царств – Иберии, Великой Армении и Кавказской Албании. Римлянам показалось, что их клиент и союзник зазнался. Сын Парсмана Радамист появился при армянском дворе под видом перебежчика из Иберии и убедил дядю Митридата, что поссорился с отцом. На самом деле он тайком подкупал армянских аристократов, чтобы они перешли на сторону Иберии. Вскоре Радамист опять сбежал. Вернулся он уже с иберийской армией и осадил армянскую крепость Горнея. Радамист уговорил римский гарнизон покинуть крепость. Возмущенный командир гарнизона Касперий поехал в Иберию, требуя, чтобы Парсман снял осаду. Парсман же вместо этого приказал Радамисту взять Горнею, и Радамист, подкупив еще одного римского генерала, добился выдачи Митридата. По приказу Парсмана и Радамиста Митридат вместе с семьей был убит.

Ни Рим, ни Парфия не могли простить Иберии завоевания Армении. В то время как римской армии из Сирии и Каппадокии не удалось взять летнюю резиденцию армянских царей, парфянский царь Вологас (Валарш, ц. 51–80) без труда выгнал всех иберийцев из Армении. Однако парфяне покинули Армению, пораженную и чумой, и голодом. На короткое время Радамист восстановил свою власть, но его вскоре выгнала армянская знать. В конце концов на престол взошел брат парфянского царя Тиридата, положив конец двадцати годам иберийской власти в Армении.

То ли ради укрепления союза с римлянами, то ли для предотвращения государственного переворота, то ли просто из бессердечной мнительности, но по приказу Парсмана I его сын Радамист был убит. Тацит подозревает, что Парсман подослал Радамиста в Армению просто для того, чтобы скрыть его от ненавидящей пасынка мачехи, которая хотела, чтобы престол передали ее собственному сыну Михрдату (Митридату); да и вообще Радамист якобы презирал отца за «боязливость». В 58 году, когда Парсман умер, Иберии все-таки досталась часть Армении, так как император Нерон послал легионы Корбулона, чтобы наказать Тиридата. Хотя Тиридат сохранил престол, он потерял территорию на северных и западных границах Армении, которые римляне раздали царям Полемону Понтийскому, Аристобулу Малоармянскому, Антиоху Коммагенскому и Парсману Иберийскому.

Вторая жена Парсмана добилась своего: в 58 году царем Иберии стал ее сын Митридат-Михрдат I. Теперь римские историки и археологические данные оказываются неопровержимыми по сравнению с грузинскими летописями, которые были составлены через 700 лет, когда устные предания успели исказить, а исторические факты стереть или придумать. Грузинские летописи вообще молчат о Михрдате, зато утверждают, что два других сына Парсмана I, Картам и Братман (оба не известны ни археологам, ни римским историкам), унаследовали престол, после чего будто бы царствовали несколько поколений диархов (Парсман с Каосом, Азорк с Армазелом). Михрдат, кажется, царствовал 48 лет: не исключено, что за это время царствовал еще один иберийский правитель. Однако арамейская (армазская) надпись упоминает мать Михрдата, что намекает на то, что Михрдата короновали ребенком, когда его мать-вдова еще была регентом. Армянский историк Хоренаци убежден, что Митридат был еще жив в конце 70-х и что уже в царствование императора Домициана его заменил Картам,

грузинские же летописи относят аланские нашествия именно к этим годам и к царствованию Азорка и Армазела. Хронологию еще сильнее запутывает серебряная миска, найденная в богатой армазской могиле, на которой читается арамейская надпись: «Я, царь Флавий Дадес, подарил эту миску Берсумасу, *витаксу*». Вряд ли Митридат приобрел себе римское прозвище, хотя потом один абхазский царь назвал себя Юлианом. Или же эта надпись относится к неизвестному нам царю IV века, который принял имя Флавия, чтобы показать свою близость к императору Константину[19]; или Дадес – это вариант имени Цатэ, которым звали двух достоверных царей Колхиды?

Главным событием царствования Михрдата I был мир, заключенный в 63 году между Римом и Парфией, в результате которого Великая Армения стала вассалом Парфии, а Рим получил символические полномочия назначать новых армянских царей. Это обеспечило мирное сосуществование Рима, Парфии и Иберии на последующие пятьдесят лет. Армения, впервые получившая гарантию стабильности, стала ведущей региональной державой. Михрдат тем временем использовал осетин для укрепления мощи Иберии и в 60-х годах дал им возможность напасть на римлян и на парфян, открыв Дарьяльский перевал. В 72 году осетины заняли Армению: царь Тиридат уцелел только потому, что срезал аркан, наброшенный ему на шею, и заключил мир, женившись на осетинской княжне Сатиник. Император Нерон, в свое время приветствовавший Тиридата в Риме, планировал кампанию против осетин и помог армянам. В конце концов, римляне помогли армянам отогнать осетин за Куру, убить их вождей и сломать иберийско-осетинский союз. Тем не менее без осетинской помощи вряд ли Михрдат мог бы отнять у армянских захватчиков южную часть Иберии на правом берегу Куры.

Проармянские настроения иберийских аристократов делали новые вылазки нежелательными. Чтобы воспрепятствовать осетинам, император Веспасиан послал легионеров укрепить Армази, что подтверждает надпись 75 года на греческом языке, найденная на берегу Куры, в которой Михрдат называется «другом цезарей и царем любящих Рим иберийцев». (Другие надписи в Армази, на арамейском и на греческом, именуют Михрдата «сыном великого царя Парсмана»; в армазском некрополе четырнадцать строк на арамейском от имени *витакса* (по-персидски *питиахш,* «визирь») Шарапаса восхваляют военные успехи Михрдата.) Конфликты с Арменией продолжали вспыхивать до конца царствования Михрдата (Картама). В одном случае в Дарьяльском ущелье заточили армянского генерала, в другом – армянские войска взяли Мцхету и не отступали, пока Иберия не отступила от пограничной зоны; в конце концов армянская армия потерпела поражение в Джавахети, и Иберия вернула себе пограничные земли и крепость Цунду, установив мир между Иберией, Арменией и Осетией-Аланией.

Как тогда поступили римляне, до сих пор неясно. Судя по надписи на латыни, найденной в 70 километрах от Баку, XII легион Фульмината даже после 84 года еще стоял в Кавказской Албании. Вряд ли римляне тогда помогали иберийцам властвовать над кавказскими албанцами, так как оба царства еще были союзниками Рима. Император Траян развязал войну с Парфией в 114 году, в то время как открытые военные действия между Иберией и Кавказской Албанией впервые начались в 130-м.

После смерти Митридата в 106 году престол унаследовал Амазасп I, вероятно, брат усопшего. Амазасп участвовал в кампании Траяна против Парфии: погиб он около Нисибиса (сегодня Нусайбин, в Юго-Восточной Турции) в 116 году. В Риме сохранилась (на греческом) его эпитафия: «Амазасп, отпрыск славного царя, брат царя Михрдата, чье отечество находится у каспийских ворот, иберец, сын иберийца, здесь похоронен у священного города, построенного Никатором. У реки Мигдонии, которая орошает оливы, этот соратник вождя

[19] *Braund D.* King Flavius Dades // Zeitschrift fїr Papyrologie und Epigraphik. 1993. № 96. P. 46–50.

героических сынов, явившийся к своему командиру, чтобы сражаться с парфянами, погиб, не успев запятнать свою мощную руку, увы, вражеской кровью: о копье, о лук, о меч – пехотинец и кавалер, скромный как девушка». Победа Траяна превратила Армению сначала в римскую провинцию, а потом в подвластное Риму царство под династией Аршакидов. Для Иберии Армения уже не представляла опасности, как и Парфия, которая следующие 45 лет жила с Римом в мире.

Сын Амазаспа, Парсман II, взошедший в 117 году на престол, скоро прославился как Парсман Храбрый. Грузинские летописи намекают, что близость Армении и Рима заставила Парсмана II договариваться с Ираном. Несомненно и то, что Парсман, истинный космополит, владевший арамейским, греческим и персидским, порвал с Римом и в 129 году перестал почитать императора Адриана и платить ему дань. В этот момент Адриан находился в Каппадокии, откуда прислал Парсману подарки (включая живого слона) более ценные, чем любому другому анатолийскому или закавказскому царю. Парсман II глубоко оскорбил Адриана, отправив ему в ответ лишь шитые золотом плащи. Результат оказался плачевным: вместо иранской протекции Парсман II столкнулся с римским гневом. Как и его предшественники, Парсман отбивался от римлян, открывая перевалы и пропуская осетинские дружины через Иберию, чтобы грабить римские протектораты Армению и Кавказскую Албанию. Пострадала и Парфия: ее царю Вологасу II пришлось заплатить дорогой выкуп.

При Адриане римляне решили установить более тесные связи с колхскими племенами, и в 131 году император послал в Грузию своего верного советника Флавия Арриана, губернатора Каппадокии. Арриан объездил всю Колхиду не только как разведчик, но и из любопытства, желая осмотреть все уже легендарные городища и храмы. В своем докладе Арриан описывает бурную смену племенной власти и границ: от Трабзона до Диоскурии он перечисляет враждебных, анархических мингрелов и лазов, сванов, махелонов и хенниохов (которыми правил царь Анхиал, признанный императором Траяном), потом зудрейтов (неизвестный нам этнос) в устье Чороха; картвелы-лазы, кажется, тогда господствовали по всему побережью Колхиды от Чороха до Диоскурии[20]. В Диоскурии Арриан узнал, что саниги (сваны) и абазги (абхазы) не подчинялись Риму. Другие кавказские племена, например апшилы, стали более влиятельными: по крайней мере одного царя, переименовавшегося Юлианом и просившего защиты у римлян, признал император Траян. (Через шестьдесят лет император Марк Аврелий сослал армянского сатрапа Тиридата за то, что он убил царя апшилов.)

Несмотря на римскую протекцию, Колхида II века н. э. была в относительно варварском состоянии. В III веке наблюдаются новые способы захоронения, которые можно приписать раннехристианскому влиянию, но в отсутствие сильной государственной власти Колхида была не в состоянии ни подавить, ни принять новую религию.

В Иберии же римское влияние оставило неизгладимый след. Римский известковый раствор скреплял более высокие каменные крепости; иберийские аристократы строили себе виллы по-римски – с ваннами и обогревом полов; римские серебряные монеты заменили в Иберии парфянские драхмы. В 131 году Арриан приехал в Иберию уже, кажется, римским послом и составил для императора Адриана многосторонний и достоверный обзор Иберии. В 134 или в 138 году, когда императором стал Антонин Пий, римско-иберийские отношения вдруг укрепились. Парсман II решил поправить дело: он уступил некоторые территории, потом поехал с женой и сыном в Рим. Там его приняли сердечно и пригласили принести жертву на Капитолийском холме и полюбоваться на свою конную статую в храме Беллоны[21]. Пребывание иберийского царя подтверждает неразборчивая надпись на каменной плите в Остии, которая относит поездку к консулату Фабиана. Как часто бывает в ранней грузинской

---

[20] *Арриан Ф.* Путешествие вокруг моря. СМОМК, IV. Тифлис, 1884. С. 14–51.

[21] *Дион К.* Римская история. LXIX. § 15. СПб., 2011.

истории, хронология противоречива: Фабиан служил консулом с 141 по 144 год, а Парсман II, по всей вероятности, умер в 138 году. Если гостем Антонина Пия был Парсман III, внук Парсмана II, то он был слишком молод, чтобы приехать с женой и ребенком, ибо он родился в 134 году и царствовал под регентством матери до 155 года.

Вслед за Парсманом поехал в Рим парфянский царь Вологас (II или III), который жаловался римлянам на двурушничество иберийцев и просил вернуть ему престол. Парсман, однако, торжествовал: его дипломатические успехи сделали его богатырем в грузинских легендах, где он будто бы побеждал в поединках с персидскими борцами со львами, и в летописях, где он будто бы выгнал самозванца, нанятого иранцами. Но последними смеялись парфяне: Парсмана Храброго отравил подосланный ими повар.

Кто унаследовал престол после Парсмана, не совсем ясно. Грузинские летописи упоминают некоего Гадама (может быть, Радамиста), который продержался недолго. Более убедительна армазская могильная надпись на греческом и на арамейском: «Я – Серафита, дочь Зеваха-младшего, питиахша царя Парсмана, и жена Йодмандагана победоносного, победителя многих состязаний, гофмейстера Ксефарнуга, великого царя иберийцев, и сына Агриппы, гофмейстера царя Парсмана. Плачьте, плачьте о той, которая умерла, когда ей был всего двадцать один год». Может быть, после Парсмана II Иберией управлял Ксефарнуг, который, судя по странному неупоминанию его родителей или прав на престол, не говоря уж о его осетинском имени, мог быть самозванцем либо обывателем, вознесенным счастливым браком на трон.

Гадам или Ксефарнуг (может быть, одно и то же лицо) умер через три года, завещав престол младенцу Парсману III, который царствовал очень долго и мирно. В 185 году престол унаследовал сын Парсмана Амазасп II: он отбил атаку осетин, но потом должен был бороться с бунтующими аристократами, будто бы подкупленными армянами и осетинами. В 189 году Амазасп II погиб на поле битвы, и его племянник Рев I, один из бунтовщиков, захватил власть.

Несмотря на то что Рев отобрал у дяди престол насильственным путем, его зовут Справедливым, может быть, просто для красоты, как тогда звали парфянских царей. Но христианские летописцы отдавали должное Реву, возможно, потому, что он с терпимостью относился к христианам, появившимся тогда в еврейской общине в Иберии. Все это время Иберия была свободна от войн, может быть, из-за семейных связей Рева: по некоторым источникам он был сыном армянского царя Вологеса (установив тем самым династию Арсакидов в Иберии), к тому же он женился на Сефелии, греческой княжне. В 216 году Рев умер: на трон взошел его сын Вачэ, который в 234 году завещал престол сыну Бакуру I: тот умер в 249 году, и царем Иберии стал Михрдат II. Только в грузинских летописях упоминаются эти четыре царствования, которые, очевидно, никаких следов вне Иберии не оставили. Тем не менее цари Вачэ и Михрдат II очутились лицом к лицу с возродившейся Персией, когда царь Ардашир (ц. 226–241), победив парфянского царя Артабана V, основал династию Сасанидов и вдохновил всю Персию пламенной зороастрийской верой. Единственным свидетельством иберийско-персидского контакта в это время является арамейская надпись на серебряной чаше, вероятно, подаренной каким-нибудь послом и найденной в армазском саркофаге: «Папак, питиахш божественного Ардашира, подарил эту чашу Арзамасу, питиахшу страны Гурзан (Иберия)». Монета, найденная в саркофаге, датирует саркофаг периодом после 253 года.

Странно, что во II и в III веках нет никаких признаков политического объединения или даже сближения Иберии с Колхидой. По археологическим материалам видно, что торговля и культура переходили с запада на восток и наоборот, но ни династических браков, ни договоров между Колхидой и Иберией не было. До Рима было далеко: римляне оставили гарнизоны только на берегу Черного моря, несмотря на то что в начале III века император Септимий Север на короткое время покорил Лазику (как теперь называли Колхиду). Все,

что можно предполагать о колхидской политике этого времени, – это то, что преобладающая власть была за картвелами-лазами и что лазский царь Пакор (по-персидски Бакур) был признан императором Антонином Пием.

После 150 года Иберия стала сильной и мирной. Процветала международная торговля, которая, когда беспорядки в Колхиде-Лазике мешали провозу, шла горными путями через Осетию. Неприступные крепости еще стерегли оба берега Куры, но на мирное состояние страны указывают богатые, просторные аристократические усадьбы, расположенные около Мцхеты.

Через сто лет Парфянская империя развалилась, агрессивный сасанидский Иран шаха Шапура I (ц. 242–272) начал угрожать всему Закавказью: еще раз Иберия была вовлечена в бурную эпоху войн. Сасанидские надписи упоминают Амазаспа III как царя Иберии с 260 по 265 год. Поскольку это совпадает с концом царствования Михрдата II, Амазасп III был, по-видимому, иранской марионеткой. После Михрдата II и призрачного Амазаспа III престол перешел к Аспагуру I: он был из Арсакидов и, вероятно, сын Михрдата II. Лютая борьба Аспагура с сасанидским Ираном, его союз с римскими императорами Аврелием и Каром вовлекли Иберию в историю классического мира. Но римская поддержка была слишком слаба, чтобы спасти престол Аспагура (которого римляне звали Аспакур), и иберийский царь попросил убежища у осетин, умерев в осетинской ссылке около 284 года. Сасаниды сильно влияли на иберийскую жизнь: в грузинский язык входит огромное количество среднеперсидских слов. Такие заимствования красноречиво описывают иберийское общество в III веке: *азнаури* («свободный гражданин, дворянин»); происходит от иранского корня *ара-* «дородный»; *рочики* (от персидского *роч*, «день») означает «ежедневный паек раба»; *харки* (от персидского *хараг*) – «налог, дань». Как и язык, ландшафт и общество сильно менялись. Внушительные укрепления и оросительные каналы, впоследствии расширенные целым рядом иберийских царей, требовали рабского труда. (В IV веке царь Кавказской Албании Урнайр заставлял военнопленных греков работать каменщиками и гончарами.)

Шапур I напал не только на Иберию: он пошел еще дальше на запад через Армению в Колхиду-Лазику и покорил махелонов и генниохов. Рим уже не был в состоянии помогать ни Колхиде, ни Иберии. Незадолго до того, в 253 году, напали остготы, которых все путали со скифами, разорив все восточное побережье Черного моря и изгнав римские гарнизоны и мирных граждан (уцелел только римский гарнизон в Питиусе-Пицунде). Одновременно и на Дунае, и на Рейне на римлян нападали готы и другие германские племена. Иранцам такой шанс показался заманчивым, и Шапур, как и Ксеркс, решил захватить Черное море. Шапуру повезло: в 260 году он покорил всю Лазику и захватил в плен императора Валериана (по словам римлянина Юлия Капитолина, иберийцы хлопотали за выкуп Валериана). Сасанидская надпись на трех языках объявляет Колхиду и «Махелонию» иранскими землями, хотя лазы изгнали иранцев из Колхиды-Лазики. Рим надолго потерял свое влияние, и Лазика попала под власть ирано-сарматского царя Саурмата.

Шапур одновременно объявил Иберию своим вассалом и признал царем Иберии своего ставленника Амазаспа III, которого он считал четвертым по рангу из всех властителей Сасанидской империи. Грузинская летопись *Жизнь Картли* признает, что Амазасп обладал реальной властью, но упрекает его в «пристрастии к персам»; летописец рассказывает, что Амазасп III боролся против осетинского нашествия, потом против римлян и мингрелов из Колхиды, не говоря уж о своих же аристократах, но в конце концов погиб в битве, в которой потерпел поражение и сам Шапур.

Нисибисский мирный договор 297–298 годов между римлянами и иранцами наконец положил конец войнам. Целых сорок лет ничто не нарушало мира: иранцы признали над Иберией и Арменией римский суверенитет, выражавшийся в том, что каждый иберский или армянский царь должен был принимать символы власти от римлян. Но Колхида оста-

лась вне западного мира, куда она вернулась, только когда император Константин перенес свою столицу в Византию-Константинополь, в 315 году послал наместника в Фазис (Поти) и построил новые гарнизоны на колхидском побережье.

Абешура, дочь Аспагура, вышла замуж за Михрана, сасанидского князя (*Жизнь Картли* настаивает, что Михран на самом деле – сын нам неизвестного иберийского царя Лева. Имя Михран указывает на то, что этот князь происходил из михранидского племени парфян). Абешура умерла, когда Михран еще был ребенком, но в 284 году он все-таки стал иберийским царем, учредив новую династию Хосроидов. Михран был приемлемым и для Ирана, и для Иберии, несмотря на то что никакой реальной связи с первоначальным Парнавазом он не имел. Вопреки своим иранским предкам и сасанидской власти, Михран оказался необыкновенно независимым: приняв христианство, он стал Мирианом III и за свое долгое царствование радикальным образом изменил политическую ориентацию Иберии, которая отныне будет тянуться к эллинистическому миру.

3
Обращение

Айет: «Я считал бы наилучшим покоряться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договорам… Когда об этом от нас услышат и в этом разберутся персы, они, по справедливости, будут обходиться с нами дружественно».
Агафий Миринейский (Схоластик). О царствовании Юстиниана

Первые тридцать лет царствования Мириана III прошли спокойно: иберийский монарх ограничивал права местных аристократов-губернаторов, которые еще не стали удельными князьями, их все еще назначал царь. Прошла воинствующая эпоха Шапура I: империи Римская и Иранская подверглись нашествиям степных кочевников, а на Грузию внешние силы уже не давили, как раньше. Вплоть до Нисибисского мира 298 года Мириан вел себя в течение сасанидско-римских войн как вассал и принимал сторону персов. А после Нисибиса он стал клиентом Рима. Судя по *Табуле Пеутингериане*, карте IV века для римских торговцев[22], Грузию пересекали международные торговые пути, от Колхиды до Иберии, от Себастополя (раньше Диоскурия, теперь Сухум) до Каспи, Мцхеты и дальше, в Армению и в Иран. В Колхиду и, может быть, уже в Иберии, проникала христианская религия (Прокопий утверждает, что «церковь у лазов давно существует»). К 300 году христианство, несомненно, уже нашло себе опорный пункт в прибрежных городах Колхиды: первое послание Петра было адресовано христианам в Понте, и в 325 году Питиус (Пицунда) отправил своего епископа Стратофила на Никейский собор. (Именно в Питиус императрица Евдокия сослала святого Иоанна Златоуста в 404 году.)

Объявление христианства государственной религией было не делом совести, а политическим решением. Благодаря Нисибисскому мирному договору 298 года Иберия вместе с Колхидой перешли в римскую сферу влияния: торжество императора Константина Великого, который в 313 году издал Миланский эдикт о веротерпимости, восстанавливающий права христиан на собственность, привел к военным победам и к объявлению Константинополя, бывшей Византии, новой столицей империи, на полторы тысячи километров ближе к Грузии. Армения первая, затем Иберия и, наконец, Кавказская Албания оставили язычество или персидский зороастризм и приняли христианство.

Летопись этой большой перемены, *Обращение Грузии*, можно считать самым богатым творческим достижением средневековой грузинской литературы. Ученые большею частью считают, что *Обращение* было составлено в XI веке (некоторые настаивают на VIII)[23] из более раннего материала, впервые записанного уже в VI веке[24]. Сегодня уже стало невозможно распутывать сложную ткань из легенд и фольклора. Грузинские источники рассказывают, что Нино, рабыня (слово *ткве* тогда означало еще и пленного, и чужеземного человека) и монахиня, бежала из Каппадокии, что ее заметили, когда она проповедовала христианство в еврейской общине, и что она прославилась тем, что вылечила царицу Нану (жену Мириана) от смертельно опасной болезни. Потом, когда Мириан отправился на охоту, произошло затмение солнца, которое засветило опять только после того, как Мириан помолился Богу. Он понял, что Бог его предупреждал, что надо искать просвещения у Нино, и прика-

[22] Tabula Peutingeriana / Ed. L.M. Surhone et al. Betascript Publishing, 2010.

[23] Напр., *Aleksidze Z.* New Recensions of The Conversion of Georgia and 13 Syrian Fathers recently discovered on Mt Sinai // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 409–426.

[24] *Rapp Jr. S.H.* Georgian Sources. Proceedings of the British Academy. T. 132. 2007. P. 183–220.

зал построить в Мцхете собор Животворящего Столпа (по-грузински *свети цховели*), так называемый потому, что ангелы воздвигли за ночь столп, слишком тяжелый для работников. (Только следы этой первой церкви остались в фундаменте средневековой церкви, которая заменила ее.) По традиции Мириан III обратился в православие в 334 году, но солнечное затмение в этом году было видно не ближе, чем в Александрии Египетской[25]. Единственный год в IV веке, когда затмение солнца произошло над Мцхетой, – 317-й. Кажется, решение обратиться в христианство было преждевременно, до Никейского собора 325 года, когда и Рим и Византия объявят христианство государственной религией, но эта ранняя датировка соответствует хронологии обращения армянского царя Трдата в 301 году. Армянские летописи описывают, как Трдат бросил своего секретаря-христианина святого Григория Просветителя в яму и как в 288 году в Армению пришли в поисках убежища монахини родом из Рима, скрываясь от преследований императора Диоклетиана. Царь Трдат потребовал, чтобы самая красивая из них, Рипсиме, вышла за него замуж, а когда она отказалась нарушить клятву целомудрия, Трдат замучил 37 монахинь. Только через тринадцать лет, когда Трдат превратился, хоть и в переносном смысле, в кабана, святого Григория вытащили из ямы, чтобы вылечить царя и обратить его в православие. Григорий Просветитель стал первым католикосом Армении: тогда спасшаяся монахиня по имени Нунуа переехала в Иберию, чтобы проповедовать веру грузинским торговцам. (По средневековому преданию, первым христианским царем Иберии был Бакур, двоюродный дед по матери Петра Иберийца, которого часто отождествляют с богословом Псевдо-Дионисием Ареопагитом (411–491). В одной грузинской летописи есть вставка, которую поддерживают интересные, но скудные археологические данные[26], утверждающая, что апостол Андрей в 37 году обратил в христианство тех лазов, которые проживали около перевала в Хуло, и что он потом обосновался в Ацкури. В 402 году римский историк Руфин Аквилейский, переводя *Историю церкви* Евсевия Кесарийского, подтверждает два пункта в грузинской летописи: пленная женщина вылечила царицу и затмение солнца обратило царя в христианство[27]. По летописи Грузинской православной церкви, первый архиепископ Картли, Иованэ, служил с 335 по 363 год, положив начало череде католикосов и патриархов, нарушенной впервые в 1811 году, когда Зусская православная церковь отменила грузинскую автокефалию[28].

Трдата III убили в 330 году армянские аристократы-язычники. Мириану III повезло: он безнаказанно разбил старые идолы и обратил в христианство если не горцев, то жителей долины. (Нино заболела и умерла, когда собиралась пойти в горы.) Может быть, иберийцам тем легче было принять христианство, что при Шапуре I в середине III века многие уже стали манихеями, и пророк манихейства Мани, хотя обожествлял свет и огонь, сам был «крестителем», признавал Христа Мессией и осуждал плотские пороки. К тому же христианство уже пустило корни в Колхиде (для римлян Лазика, для иберийцев Эгриси), где церковь в Археополе-Нокалакеви была построена уже в IV веке. Именно тогда, по византийским источникам, обратились и лазы, и апшилы (сегодняшние абхазы), хотя в VI веке цари Лазики иногда поддавались иранскому давлению и отступали от веры. С 487 года церковь в Иберии объявила автокефалию, подтвержденную Синодом 681 года в Константинополе. А лазские епископы еще шестьсот лет подчинялись патриархату в Константинополе, хотя к VII веку Поти уже имел своего митрополита, а Сухум – архиепископа.

---

[25] www.eclipse.gsfc.nasa.gov/solar.html (показывает исторические карты солнечных затмений).

[26] *Licheli V.* St. Andrew in Samtskhe – Archaeological Proof? / Ed. T. Mgaloblishvili // Ancient Christianity in the Caucasus. Curzon, 1998. P. 25–37; что касается интерполяции, см: *Thomson R.W.* Rewriting Caucasian History. Oxford, 1996. P. 355–359.

[27] *Outtier B.* La christianisation du Caucase // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 553–570.

[28] *Salia K.* History of the Georgian Nation / tr. Katharine Vivian. P., 1983. P. 74–76; *Rapp Jr. S.H.* Studies in medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Louvain, 2003. P. 299 (список грузинских патриархов-католикосов).

Западные и восточные грузинские церкви поэтому остались отдельными. В Иберии, как дар за обращение в христианство, несомненно осуществленный византийскими лингвистами и миссионерами, появилась собственная азбука, великолепная *асомтаврули*, литургия и Новый Завет на грузинском. В Лазике греческий остался единственным церковным и письменным языком. Церковная служба на грузинском способствовала объединению картвельских племен в Иберии, но цари и племена Лазики, как и ее церковный язык, не обладали силой, которая могла бы объединить государство. Тем не менее христианство сблизило два картвельских государства, и грузинские христиане из Лазики и из Иберии скоро прославились за рубежом: Евагрий Понтийский, который приехал в Египет с Черноморского побережья, был известным аскетом IV века[29], а в V и VI веках Петр Иберийец (он же, возможно, Псевдо-Дионисий Ареопагит), внучатый племянник князя Вараза-Бакура Иберийского, основал в Иерусалиме монастырь. С 400 года грузинские монахи вместе с монахами других народов в иерусалимском монастыре Святого Креста (где найдена грузинская мозаическая надпись 430 года) отправляли церковные службы на своем родном языке. Скриптории, где грузинские монахи переводили с греческого, сирийского и армянского, появились в начале V века: в Палестине – Мар Саба, в Сирии – Антиохия, в Египте – Фивы.

В 338 году христианская Иберия подверглась испытанию: Мириан объявил войну северным кавказцам, которые без предупреждения перестали поддерживать Иберию наемными силами и совершали набеги с гор, разоряя страну. Годом раньше умер император Константин, который всем внушал страх; тогда персидсий шах Шапур II (309–379) затеял двадцатипятилетнюю войну, чтобы восстановить древнюю персидскую гегемонию в Анатолии и Закавказье. Армяне, как и Мириан III, старались угождать и Шапуру, и Риму. К 360 году армянские и иберийские цари получали субсидии и подарки от римлян, поощряющих сопротивление персам.

В 361 году Мириан умер. Хотя, судя по всему, в последние шестнадцать лет царствования он делил власть с сыном Ревом II, престол унаследовал не Рев, а Саурмаг, который был чужим и, судя по имени, осетином. Саурмаг II начал свое царствование с того, что вместе с Римом объявил войну Ирану. Император Юлиан осадил персидскую столицу Ктесифон, но атаку отбили, и Юлиан умер от ран два года спустя. Следующий император уступил Персии всю Армению, и в мирном договоре 363 года Иберия даже не упоминалась. Саурмагу II не осталось иного пути, кроме союза с армянским царем Аршаком II (ц. 345–367). Оба царя боролись против персидского нашествия. Аршака взяли в плен и казнили, а в следующем году персы вступили в Иберию, свергли Саурмага II и возвели на трон второго сына Мириана III, Вараза-Бакура (известного Западу как Аспакур).

Император Валенс считал, что этот переворот нарушил мирный договор 363 года. В 370 году он послал генерала Терентия с двенадцатитысячным войском в Иберию. Вараз-Бакур согласился на компромисс: раскол Иберийского царства на две части. Саурмаг II управлял правым берегом Куры вместе с территорией, граничащей с Лазикой и Арменией, а Вараз-Бакур и его наследник Михрдат III, который тоже считался вассалом Персии, управлял левым берегом Куры, то есть Северо-Западной Иберией. Раздел продлился восемь лет: 9 августа 378 года в городе Адрианополе римлян сокрушили готы и аланы: Рим уже не был в состоянии защищать Иберию. В 384 и 387 годах, подписав Акилисенский мирный договор, римляне отказались от Иберии и от большей части Армении, которая раскололась на Малую Армению (римский протекторат) и на большую Персармению (которая в 428 году, когда царя Арташира IV свергли, стала персидской провинцией).

К 378 году Вараз-Бакур окончательно прогнал Саурмага II: Иберия стала полностью сасанидским княжеским уделом. После смерти Вараза-Бакура недолго царствовал Михрдат

---

[29] *Gabashvili N.* La Georgia e Roma. Vatican, 2003. P. 452.

III, который завещал престол Варазу-Бакуру (Аспакур) II. Вараз-Бакур II, довел до конца дело Мириана III. От византийских императоров и патриархов Иберия получала епископов, священников и архитекторов. Строились церкви, в которых, по византийскому обычаю, отправляли службу и читали тексты (сначала Новый Завет, псалмы и литургию) на родном, то есть грузинском, языке. Даже по современным понятиям византийцы оказались блестящими лингвистами и каллиграфами: они создали для иберийцев, как уже создали для армян и создадут для кавказских албанцев, уникальную, идеальную азбуку, не только вдохновленную греческой и финикийской азбуками, но и хорошо приспособленную к своеобразным согласным грузинского языка: каждому звуку соответствовала одна буква. Единственный недостаток был в том, что эти буквы легче резать в камне, чем писать на бумаге[30]. Хотя первая грузинская надпись датируется 430 годом, вероятно, азбука была создана на несколько десятилетий раньше. Грамотность станет таким же важным двигателем политического объединения и религиозного обращения в государственную монотеистическую веру, каким являлся и союз с Римом-Византией. Как только Иберия приняла христианство, она начала распространять его. Недавно обнаруженный церковный язык Кавказской Албании – староудинский язык – заимствовал некоторые ключевые термины из грузинского: старогрузинский *агвсеба*, «пасха», – староудинский *ахсиба; мадли,* «благодать», – *мадил; савардзели,* «трон», – *са'оврзел; сахе*, «образ», то же по-староудински. Через грузинский язык в староудинский вошли и греческие слова. Кавказско-албанские цари славились набожностью: в 463 году царь Вачэ II отрекся от престола и принял монашество (хотя тремя годами раньше иранцы заставили его стать апостатом); в 489 году царь Вачаган II воздвиг памятник Григорию Просветителю. После кавказских албанцев очередь была за осетинами, которых еще пятьсот лет иберийцы старались с византийской помощью обратить в христианство.

Несмотря на Акилисенский договор 387 года, по которому Армения делилась между Римом и Персией, и преобладающее влияние Сасанидов, Вараз-Бакур II не прекращал строительства церквей. Персия колебалась, решая, подавлять или терпеть христианство и другие незороастрийские религии. Сам Шапур II мечом заставил армянских христиан почитать Зороастра, а его внук Шапур III (ц. 383–388) назначил христианина губернатором Персармении. После Акилисенского договора мир долго не нарушался; тем не менее Персия все это время могла подчинять Иберию своей воле, как уже подчинила Армению. Только на западе римляне удерживались: тайком они осваивали Кларджети, из юго-западных провинций Иберии самую близкую к Понту и к Черному морю.

В 394 году царем Иберии стал Трдат, брат жены Вараза-Бакура II; через двенадцать лет сын Вараза-Бакура Парсман IV взошел на престол. По сирийским источникам, Парсман служил, пока он был наследником, при константинопольском дворе, но ему пришлось вернуться домой, когда разоблачили его связь с императрицей Евдокией. Парсман IV царствовал всего три года, но успел утвердить независимость страны, отказываясь платить персам налоги и в то же время натравливая белых гуннов на римлян. Михрдат IV, младший брат Вараза-Бакура II, унаследовал престол и продолжил борьбу на двух фронтах. Ему удалось отнять у римлян Кларджети, но на восточном фронте его взяли в плен: он умер в плену у персов (точно неизвестно когда – не раньше 411-го, не позже 425 года). Сын Михрдата, Арчил I, царствовал около двадцати лет, а к концу своего царствования оказался лицом к лицу с гораздо более страшным врагом, сасанидским шахом Йездигердом II (ц. 438–457), который твердо решил навсегда отменить независимость и царства Кавказской Албании, и Иберии. Йездигерд вызвал знать всех трех закавказских стран в Персию и приказал их принять зороастризм: когда они возвращались домой, их сопровождала группа зороастрийских священников. Народные мятежи были подавлены, но один храм *(атеш-га)* V века, недавно

[30] *Gamqrelidze T.* Alphabetic Writing & The Old Georgian Script. Tbilisi, 1989 (по-грузински с резюме на русском).

раскопанный в Тбилиси, свидетельствует, что религиозная кампания Йездигерда прошла не без успеха. Следующий шах Пероз (ц. 459–484) формально аннулировал Кавказско-Албанское царство, но позволил сыну Арчила, Михрдату V, царствовать дальше в Иберии. По словам *Жизни Картли*, Арчил вел себя довольно дерзко, даже нападая на соседнюю Кавказскую Албанию. Возможно, из-за того, что Михрдат IV был женат на Сагдухте, дочери персидского князя Барзабода, враждебно настроенные сасанидские власти его щадили.

Весь IV век, пока Иберия отбивалась от травящих ее Западной и Восточной империй, Лазика извлекала пользу из сложного положения и сплачивала собственный народ, от пригородов Трабзона до Питиуса-Пицунды, от Черного моря до горы Лихи. К 395 году, когда император Феодосий умер, знать Лазики властвовала над смешанным населением – лазами, мингрелами, сванами и абхазами. Лазика даже отняла у Иберии пограничную провинцию Аргвети и ключевые торговые пункты Шорапани и Сканду. Лазское хозяйство расцветало: тогда река Риони была судоходна от самого моря до Шорапани, и лазские зерно, лен, лес, ремесленные изделия и сами ремесленники вывозились в Византию. Византия считала Лазику стратегически необходимой для своей безопасности. После нападений готов предгорьем Северного Кавказа владели хунны, и сванские, и абхазские перевалы, которые принадлежали лазам, служили воротами в Римскую империю: их надо было стеречь. Тем не менее в 395 году хунны проникли через Каспийские ворота и угрожали спокойствию всего Закавказья, пока через сто лет они не стали наемниками Византии.

В отличие от Иберии у Лазики не было независимости: для византийской казны она была источником доходов и поэтому должна была получать одобрение от Константинополя при восхождении нового царя на престол. К V веку, сообщает Прокопий Кесарийский, Лазика перестала платить налоги и поставлять рекрутов, а византийское утверждение нового лазского царя стало проформой. Лазский царь сам назначал людей из своей знати, чтобы править абхазами и сванами, и себастопольский (сухумский) гарнизон был уже не византийским, а лазским. Но у Лазики и Византии еще были общие интересы: надо было защищаться от нашествий хуннов, осетин и персов. В 456 году царь Губаз (или Гумбаз) I (его имя означает по-осетински «передняя нога быка») объявил независимость Лазики; византийские войска, которых отправили через море, чтобы расправиться с царем, не смогли устоять и отступили. Теперь обе стороны просили у Ирана поддержки, но зря, так как Иран тогда боролся с тюркскими эфталитами (белыми гуннами). Борьба была такой отчаянной, что на время Иран и Византия забыли взаимную ненависть и стали союзниками, пока тюркских кочевников не изгнали в Среднюю Азию. Губаз отправил уполномоченных в Константинополь и, чтобы умиротворить императора, передал лазский престол своему сыну (который уже был соправителем Лазики). В 465 году Губаз получил личную гарантию неприкосновенности и сам приехал в Константинополь, в персидской одежде и с «мидийской» свитой. Губаз очаровал императора Льва I остроумием и яркой христианской набожностью[31]: Лазика поплатилась за свой мятеж только тем, что она уступила Византии гражданскую власть на побережье от Трабзона до Батума. Следующие шестьдесят лет Лазика провела в мире и согласии с Византией. Единственный конфликт у Губаза возник со сванами, которые хотели завладеть собственными крепостями и тщетно искали поддержки у Ирана.

К середине V века в Иберии произошло возрождение: на престол вступил молодой Вахтанг I *Горгасали* (волчья голова). Он оказался таким же обаятельным и сильным царем, как Парнаваз I или Мириан III. Подобно Парнавазу, он объединил, пусть на короткое время и не полностью, западных и восточных картвелов в одно государство; ему тоже удалось сбросить персидское ярмо. Жизнеописание Вахтанга I, как и жизнь Парнаваза I или Мири-

[31] *Carile A.* Il Caucaso e l'Impero Bizantino (sec. VI–XI) // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 9–84.

ана III, – путаница из мифов, фактов и выдумок: *Жизнь Вахтанга*, написанная Джуаншером, может быть, в VIII веке и включенная в *Жизнь Картли*, оказывается нашим главным источником. По-видимому, Вахтанг был сыном Михрдата V и персиянки Сагдухт; он унаследовал престол в семь лет, под регентством своей матери. Царица Сагдухт, как послушная дочь, съездила к своему отцу Барзабоду, тогда иранскому *питиахшу* (генерал-губернатору) в кавказско-албанской столице Бардави, и уговорила его хлопотать перед шахом, чтобы Вахтангу разрешили остаться христианином. Барзабод и шах благородно ответили, что отныне и христианство, и зороастризм являются государственными религиями: они отправили в Мцхету верховного мага, который занял место рядом с христианским архиепископом. С 410 года Персидская христианская церковь пользовалась доверием иранских властей, так как ее несторианская и потом монофизитская доктрина отчуждала ее от враждебного Ирану византийского православия.

Семидесятипятилетнее царствование Вахтанга кажется сказочным: его смерть на поле битвы от стрелы, выпущенной бывшим рабом, который знал, где щели в панцире царя, будто бы случилась в 522 году. Получается, что Вахтанг погиб, когда ему было 82 года (с чем можно сравнить лишь хорошо засвидетельствованное участие в бою, тоже с персами и на лошади, семидесятипятилетнего царя Эреклэ II в 1795 г.). Не исключено, что иберийский царь Гурген, который, по словам Прокопия, помогал Юстину в 520 году бороться с персами, был не Вахтангом Горгасали, а его наследником, не упомянутым грузинским летописцем.

Как и прославленные предшественники, Вахтанг сблизил Иберию с обеими соседними империями, заключая династические браки. В девятнадцать лет он женился на Балендухт, возможно, дочери шаха Хормизда III (ц. 457–459). Она умерла, рожая царевича Дачи, и Вахтанг женился на Елене, родственнице, хотя и не дочери, императора Зенона (у Зенона были две дочери с другими именами, и вообще византийский закон запрещал императору отдавать своих дочерей чужеземцам). Джуаншер утверждает, что целью Вахтанга было сохранение политического равновесия: он являлся председателем закрытого совета, в котором вторым лицом был *спаспети* (главный командир), но в который входили и христианский епископ, и зороастрийский маг.

Прежде всего, однако, Вахтанг был бойцом. Он всю жизнь сражался против одной из двух империй или за нее, в зависимости от интересов Картли. Уже в 16 лет он отличился доблестью, нападая (как союзник персов) на осетин и гуннов, спасая свою сестру Мирандухт от гуннского плена и делясь добычей с кавказско-албанскими и персидскими союзниками. Потом осетины и гунны перешли на сторону иберийцев (их оружие найдено в общих братских могилах). Из-за этой войны Вахтанг мог надолго ограничивать или давать доступ осетинам, чеченцам и дагестанцам через перевалы Кавказского хребта. Без сомнения, именно за доблесть шах отдал ему свою дочь Балендухт.

Уверенный в поддержке шаха и даже персидской армии, в конце 460-х годов Вахтанг боролся за объединение Лазики-Эгриси с Картли. Он уже расширил свои владения на восток и на север, присоединив к царству и современную Кахетию, и Сванетию: следующей задачей было отвоевать у Лазики пограничную провинцию Аргвети. До этого он уже забрал у Византии свою юго-западную провинцию Кларджети, назначив Артаваза, своего молочного брата (в кавказских культурах молочный брат считается близким родственником), губернатором Кларджети и приказав ему строить церкви, монастыри и укрепленные города, из которых главным будет столица Артануджи. Несмотря на свою христианскую и прогреческую идеологию, Вахтанг все-таки дорожил персидским наследством: артануджские камни расписаны типичными сасанидскими мотивами – лани пьют у источника жизни, и латинские кресты переплетаются с зороастрийскими мотивами. Горный ландшафт Кларджети стал для грузин убежищем, недоступным персидским войскам, даже если им удалось преодолеть Центральное Картли; к тому же дороги и перевалы, ведущие к Черному морю и к реке Чорох,

шли через Кларджети. В то же время Вахтанг укрепил летний дворец Уджарму на дороге от Тбилиси в Кахетию, чтобы защищать Картли от Персии, Армении или Кавказской Албании. Эрети, крайняя восточная провинция, на границе Кавказской Албании, стала княжеством, управляемым царевичем.

Иберия была уже большой страной: власть надо было перераспределить. Столицами Мцхета и Тбилиси с окрестностями управлял *спаспети* с титулом великого князя; по Джуаншеру, назначили еще девять правителей провинций, которые властвовали над всеми недавно завоеванными Вахтангом территориями, включая Эгриси и Сванетию (правитель – князь Самнагир). Абхазия сохраняла автономию, и большая часть Лазики осталась под византийской опекой.

Как и византийцы, Вахтанг короткое время поддерживал шаха Пероза в борьбе против эфталитов, которые угрожали границам Северо-Восточного Ирана; в 472 году он даже принял сторону Персии против Византии, получив в награду власть над всей Лазикой. За пять лет до этой смены политики, в 467 году, когда Иран еще не воевал с Византией, Вахтанг попросил императора признать автокефалию иберийской церкви: он хотел, чтобы епископов назначал не патриарх в Константинополе, а царь в Мцхете. В результате епископы Иберии и потом Лазики теперь подчинялись царю, который часто назначал епископами своих родственников, тем самым объединяя церковь и государство. Утверждение автокефалии грузинской церкви можно считать неизбежным последствием *Энотикона* императора Зенона, который таким объявлением церковного единства хотел положить конец расколу между православными диофизитами и теми монофизитами, которые управляли армянской и другими восточными церквами. В 467 году Вахтанг поссорился со своим архиепископом Микаэлом: Микаэл ударом ноги сломал царю зуб; царь отправил его в Константинополь, чтобы Микаэла наказали за оскорбление царского величества. (Микаэла заточили в диофизитский монастырь.) В Антиохии, а потом в Константинополе помазали католикосом Иберии Петрэ, более гибкого церковника. Византийский патриарх по просьбе Вахтанга помазал Самоэла I (467–502) архиепископом и назначил еще двенадцать епископов, угодных царю. На долгое время иберийская церковь перестала быть яблоком раздора между константинопольским и антиохийским патриархатами. (Что касается грузинской литургии, например включения слов «который был распят» в *Трисагион (Трисвятое) (Свят, свят, свят)*, грузины предпочли константинопольским обычаям обычаи Антиохии и епископов Амасии.) Почему Вахтанг поссорился с Микаэлом, трудно сказать: может быть, потому, что царь осудил монофизитство (армянский историк Парбеци порицает Вахтанга за то, что тот «бросил армян на произвол судьбы»); может быть, царь решил подчиниться не Константинополю, а Антиоху; вероятнее всего, архиепископ противился царю, захватившему власть у церкви.

Чтобы удалиться от буйных епископов в Мцхете, Вахтанг назначил столицей Иберии Тбилиси, в тридцати километрах на восток, а в Мцхете построил новый собор, чтобы город оставался духовной столицей страны. (Летопись рассказывает стереотипическую легенду о том, как во время охоты Вахтанг спустил сокола, который сбил фазана над горячим источником («Тбилиси» значит «теплый (источник)»). Вахтанг построил еще один великолепный собор в Болниси (473–495), где, как в Артануджи, христианские мальтийские кресты переплетаются с пальмовыми ветками и изысканными зороастрийскими золотыми узорами.

Стратегически важные пограничные провинции, Кахетия и Эрети, тоже стали новыми епархиями. Там, где образовывали новые епархии, распространялись православная вера и грузинский язык, даже у национальных меньшинств, говорящих на чеченском или осетинском. Тем не менее лазские епископы все еще подчинялись не Самоэлу в Мцхете, а патриарху в Константинополе.

В 470-х годах царь Вахтанг Горгасали чувствовал себя вне опасности с политической, военной и экономической точки зрения, тем более что он был родственником императора:

теперь ему казалось, что можно смело отмежеваться от Персии. К концу этого десятилетия он изгнал зороастрийских магов из Картли, попросив военное подкрепление у Византии. Константинополь молчал целых четыре месяца, а за это время персидские войска успели прорваться в Центральное Картли: когда посол приехал из Константинополя, единственная помощь, которую он предлагал, – это посредничество в составлении мирного договора между Вахтангом и шахом Перозом. Иберии пришлось заплатить дань и предоставить Персии вооруженные силы; единственной уступкой Пероза было обещание больше не распространять в Грузии зороастрийскую веру.

В 482 году, однако, и иберийцы, и персы потерпели поражение в войне против эфталитов: это стало для Вахтанга предлогом отказаться от мирного договора. В Тбилиси он задержал и казнил персидского *питиахша* (генерал-губернатора), который давно принял зороастризм и стал скорее персидским наместником, чем чиновником Вахтанга. (В первом шедевре грузинской прозы *Мученичество Шушаник*, будто написанном епископом Иакобом Цуртавели, духовным отцом мученицы, Варскен предстает как неисправимый злодей, замучивший свою армянскую жену Шушаник за то, что она не захотела отречься от христианства.) Армяне восприняли казнь Варскена как благородную месть, а шах Пероз – как смертельное оскорбление: шах только что назначил Варскена *питиахшем* Кавказской Албании, где власти уже не смотрели дружелюбно на иберийского царя, с тех пор как его дядя Барзабод и двоюродный брат Вараз-Бакур умерли. Вахтангу казалось, что именно теперь настало время для конфронтации: шах Пероз только что отозвал армию из Армении, чтобы подавить восстание в Кавказской Албании; отец мученицы Шушаник, армянский князь Вардан II, поддерживал Вахтанга. Но армянский командир Вахан Мамиконян не доверял собственным войскам и говорил: «Я знаю силу и бесстрашие иранцев и слабость и коварность византийцев». Мамиконян все-таки послал Вахтангу подкрепления, и, с помощью отряда провизантийских гуннов, иберийцам сначала повезло на поле битвы: им удалось изгнать целую персидскую армию. Иранская месть была страшна: в 483 году армии Михрана и Атрнерсе полностью сокрушили силы Иберии и Армении. Вахтанг убежал в горы, умоляя армян помочь ему: сначала армяне одержали победу над иранцами, но гунны в этот раз дезертировали, и армянская знать разочаровалась. Когда готовились к бою на низких берегах Куры, армянская знать подослала к иранцам послов, предлагающих перейти на иранскую сторону. Покинутая на поле битвы, кавказская армия была полностью деморализована. Армяне отступили в Тао; Центральную Армению разорил персидский генерал Хазаравухт, который потом отправился в Иберию, чтобы задержать, выгнать или убить Вахтанга, а потом вернуться в Северно-Восточный Иран и напасть на эфталитов. Вахтанг оказался в отчаянном положении: собственная знать бросила его, и Византия, озабоченная борьбой в Италии с остготами, отказывала ему в помощи. Царь сбежал в Лазику. Он вернулся в Иберию, кажется, в 484 году, после того как шах Пероз погиб в бою с эфталитами. Генерал Хазаравухт уже вернулся в Персию, а следующий шах, Балаш, еще неуверенный в прочности его престола, добивался перемирия на северо-западном фронте.

Мир длился всего семь лет: в 491 году новый шах Кавад I затеял семнадцатилетнюю войну против Византии, после того как император Анастасий, потесненный на всех фронтах, отказался платить дань. Вахтанг не захотел присоединиться к Каваду, который сразу напал на Иберию. В этот раз Вахтанг отправил семью вверх по Куре в неприступное убежище, а сам собрал силы в Мцхете и в Уджарме. Персы выжгли всю Восточную Иберию. В конце концов (в 502 или в 522 г.) в Уджарме состоялась решительная битва: Вахтанг отбросил персов на восток, до Рустави, сам въехал в персидский лагерь и лично убил Бартама, сына шаха, но позже умер в Уджарме от ран. Смерть Вахтанга воодушевила персов: они взяли и Тбилиси, и Мцхету. В 520-х годах Византия и Иран наконец подписали мирный договор, по которому все старые границы восстанавливались. Уже в 518 году Тбилиси управлял персидский *марзпан*

(губернатор, как правило, из местного этноса), Пиран Гушнасп из знатного рода Михранов. Пиран только что обратился в христианство и вскоре стал мучеником.

Не исключено, что мифический царь Гурген, упоминаемый некоторыми историками, – это не искаженное имя Вахтанга Горгасали, а другой царь-лишенец, даже византийская марионетка. Прокопий рассказывает, что этот «Гурген» нашел приют в Лазике и что Пераний, Пакурий (по-грузински Бакур) и Фазас, отпрыски Гургена, служили в византийской армии. Рассказ Прокопия подтвердить нечем. Во всяком случае, археология доказывает, что грузинская армия тогда бежала вверх по реке Куре: там вдруг появляется множество каменных крестов и христианских стел[32].

Царствование Вахтанга кончилось неудачей, но он так близко подошел к победе и к полному объединению Грузии, что стал для следующих царей образцовым правителем, а его цели – стержневыми. В фольклоре он был легендарным. Странно, что от него вне Кавказа следов осталось мало. Фреску в иерусалимском монастыре Святого Креста побелили в XVIII веке; гемма, сохраненная в Британском музее, с надписью *в-р-танги* (среднеперсидское *варан-хосрв-танг*) была последним его изображением[33].

Пока Вахтанг Горгасали воевал за независимость, Лазика наслаждалась шестидесятилетним миром, если не учитывать передачу Аргвети Иберии или персидское нашествие 484 года. В 520 году Персия объявила широкомасштабную войну на суше и на море против Византии, и Лазика стала полем битвы двух империй. Лазские цари колебались, чью сторону принять, каждый раз уповая, что одна из них окажется менее жестокой и хищной, чем другая. Сама Лазика разваливалась. В Себастополе-Сухуме возникло уже в начале VI века наследственное княжество, поддержанное Константинополем: *архон* (губернатор провинции) Анос, вероятно, из абхазского племени Анчба, превратился в князя. Как абхазы, так и сваны пошли собственным путем. Уже в 542 году Византия обратила всех абхазов в Пицунде в христианство: под надзором императорского евнуха Эйфрата абхазы отреклись от обрезания и от торговли рабами. Себастополь и Пицунда стали основой новой Абхазии, которая постепенно разрослась, пока не окружила всю опустошенную Лазику.

Около 520 года лазский царь Цатэ I, отрекшись от христианства, просил подтверждения не у Византии, а у шаха Кавада. Накануне войны Сеос, персидский посол в Константинополе, объявил, что Лазика является по историческим законам персидской провинцией. В 523 году Цатэ вызвали в Константинополь, где он взял назад свою клятву Персии и вновь принял христианство. К счастью, Иберия уже восстала и помешала персидским силам отомстить Лазике. Все, что шах Кавад смог, – это жаловаться Византии на вероломство Цатэ. В 528 году иранская армия перешла через всю Иберию и взяла у Лазики пограничные крепости Шорапани и Сканду. Ответ императора Юстиниана (ц. 527–565) был решительным: византийцы захватили Лазику. Через четыре года не менее энергичный шах, Хосров Ануширван (ц. 531–579), унаследовал иранский престол. И Юстиниан, и Хосров царствовали долго и беспощадно, решительно расширяя свои империи, так что и Лазика, и Иберия оказались в продолжительной, изнуряющей войне, хотя в 532 году на короткое время персы признали, что Лазика принадлежит к сфере византийского влияния, и даже в мирном договоре разрешили иберийским гражданам, которые нашли убежище в Лазике, вернуться домой. Мирный договор даже не упоминает царство Иберия, подразумевая, что Персия в самом деле молчаливым согласием отменила независимость Иберии.

---

[32] *Machabeli K.* Early medieval stelæ in Georgia / Ed. T. Mgaloblishvili // Ancient Christianity in the Caucasus. Curzon, 1998. P. 83–96.

[33] [Sakartvelos ist'oria I] / Ed. N. Vachnadze. Tbilisi, 2008. P. 134. (Шалва Амиранашвили рассказывает, как он видел гемму коронованной особы (в профиль) в Британском музее: *T'qeshelashvili O.* [Tbilisshi aghmochenil gemma-sabech'davze gamosakhuli p'irovnebis vinaobistvis'] // [Sabch'ota xelovneba]. 1962. Vol. V. P. 58–60.)

В 532 году византийские гарнизоны заняли города Лазики, укрепили столицу Цихегуджи и основали главную военную базу в новой крепости Петра (еще неизвестно, где находилась Петра), не обращая внимания ни на интересы, ни на желания местного населения. Византия назначила губернатора-*стратега*, который оказался жуликом; его заменили Иоанном Цибэ, который вел себя еще хуже, забрав в свои руки всю лазскую торговлю. Царь Губаз II и лазская знать, ограбленные и обездоленные Цибэ, послали к шаху Хосрову своих уполномоченных, которые предлагали открыть персам доступ к Черному морю, если они освободят Лазику от византийцев.

В 542 году Хосров вступил в Лазику и был лично принят Губазом II: началась двадцатилетняя война (с короткими перерывами) между Ираном и Византией. Персы и лазы убили *стратега* Цибэ, заняли Петру и поставили там персидский гарнизон. Скоро персов отвлекло от оккупации Лазики византийское нашествие под руководством знаменитого полководца Велисария. Губазу и его народу пришлось быстро раскаяться в новом союзе. Персы привезли с собой большое число зороастрийских магов и установили и религиозный, и экономический гнет. ходили слухи, что Хосров собирался убить Губаза и переселить крестьян из Ирана в Лазику. В самом деле в 548 году персидские власти подослали убийц к Губазу, которого предостерег Парсман – человек из лазской знати. Испуганный Губаз направил послание Юстиниану, извиняясь за свое апостатство и умоляя императора помочь ему. В ответ Губаз получил армию из 7000 византийцев под командой Дагисфея и тысячу мингрельских наемников *(цанои)*: таким образом византийско-иранская война возобновилась. Губазу с византийцами, однако, не удалось захватить Петру, и они вдруг оказались лицом к лицу с персидским генералом Михр-Михрое (которого греки называли Мермерой). Дагисфея перехитрили, хотя Губаз смог удержать власть над большей частью Лазики и главные персидские силы отступили, чтобы сражаться в Армении. Тем не менее 5000 оставшихся персидских солдат перебили византийско-лазскую армию. В 550 году вторая персидская армия под командованием генерала Хориана вторглась в Лазику и была разгромлена на реке Цхенисцкали.

Несмотря на победу, Лазика переживала смутное время. Юстиниан заменил Дагисфея другим полководцем, Бессом. Против Губаза и Бесса восстали сначала сваны, потом абхазы. Абхазы были возмущены тем, что византийские генералы отменили их автономию. Вождь сванов, Сепарна, даже прибег к персидской протекции, а абазг Опситэ, потерпев поражение, сбежал от византийцев через Кавказ, чтобы искать убежища у гуннов. Вплоть до VII века Абхазия, которой правил виантийский *архон*, оставалась разгромленной и разоренной. Апшилы, разъяренные тем, что иранский генерал попытался изнасиловать командира их гарнизона, помирились с Губазом и с византийцами. В 555–556 годах произошел второй сванский мятеж: византийский генерал Сотерих провозил через Сванетию субсидию для осетинских союзников Византии, а сваны подозревали, что Сотерих намеревался передать осетинам сванские пограничные крепости. Сваны перегородили дорогу Сотериху; тот приказал высечь сванов. В ответ сваны убили Сотериха, его двух детей и свиту, забрали деньги, предназначенные для осетин, и попытались уговорить иранцев, которые теперь отступали в Персию, напасть совместно на византийцев. Византия отомстила, но Лазика непоправимо распадалась.

Защищаясь от персов, византийцы взяли крепость Петра и сровняли ее с землей, чтобы она не попала еще раз во вражеские руки. Скоро, в 551 году, Мермерой вернулся: сначала он осадил Археополь, но осада не удалась, и он окопался в Мухури, недалеко от Кутаиси, тем самым отрезав Северную Лазику от византийцев и изнуряя южные крепости голодом. Вся Северо-Восточная Лазика оказалась в руках персов. В 552 году по очередному мирному договору Византия признала персидский суверенитет в Лазике.

В следующем году Мермерой захватил еще больше территорий. Царь Губаз пожаловался Юстиниану, что византийское руководство не справилось. Юстиниан отозвал генерала Бесса, а два других византийских генерала, Мартин и Рустиций, донесли Юстиниану, что Губаз опять пытается договариваться с персами. Юстиниан приказал своим вождям привезти, если нужно – насильно, Губаза в Константинополь. В 554 году царя Губаза пригласили в Хопу на Черном море, арестовали и убили.

Лазскую и мингрельскую знать разгневало убийство царя: Агафий Миринейский докладывает, что созвали народный совет, на котором некий Эет предложил лазам принять сторону персов, а некий Фартаз (Партадзе) отговорил народ и рекомендовал известить Юстиниана[34]. Проголосовав, совет принял рекомендацию Партадзе и послал вестников, которые просили Юстиниана наказать Мартина и Рустиция за убийство и признать Цатэ II, брата Губаза II, тогда пребывавшего в Константинополе, царем Лазики. Византийский сенатор Афанасий заточил Мартина, Рустиция и брата Рустиция Иоанна, но в 555 году отложил суд за цареубийство, так как персидская армия вступила в Лазику и добралась до берега Черного моря в Поти. Через год византийцы уничтожили эту армию; побежденный генерал Нахораган отступил в Картли, и шах Хосров его казнил, заживо содрав с Нахорагана кожу.

После решительной победы Юстиниан устроил в Лазике показательный суд, по решению которого два генерала, которые, вероятно, просто исполняли императорскую волю, были публично обезглавлены (Мартина пощадили). Чтобы умиротворить нового царя Цатэ II, Юстиниан велел построить миниатюрное подобие собора Айя-София в лазской столице Археополе-Нокалакеви. Персы уже оставляли Лазику в покое: Хосров понял, что Лазика была защищена морем на западе и лесными дебрями на востоке и что еще одна неудачная война с Византией может стать катастрофичной для персидского престола. В 557 году начали обсуждать серьезный мирный договор и через пять лет подписали Дарашский мир, по которому Хосров признал византийский суверенитет в Лазике в обмен на ежегодную денежную компенсацию. Тем не менее Персия настаивала на своих правах в Сванетии. Дарашский мир отменил царство Лазики: страна стала просто византийской провинцией, а царь – просто *патрикием*. Центр власти перенесли на северо-запад, от Фазиса и Родополя до Себастополя и Питиуса-Пицунды; лазские и мингрельские солдаты поступили на службу в византийскую армию. Лазика освободится от византийского ига только через сто лет, благодаря арабскому нашествию.

Дарашский мир был нарушен через девять лет. В 571 году император Юстин II решил использовать смуту в Персии и мятежи в Армении и Иберии: к 575 году с помощью лазов, абхазов и осетин византийцы изгнали персов из Сванетии.

Персы давно – с тех пор, как Гурген, или Вахтанг, сбежал из Иберии в Лазику, – добивались в Иберии того, чего византийцы добились в Лазике. Уже в 570 году персы фактически отменили Иберийское царство. С тех пор все три закавказских царства, Иберия, Армения и Кавказская Албания, составляли часть северного края *(кустак)* Атрапатакана, который персы делили на десять провинций *(шахров)*, назначая в каждой провинции *марзпана*, под надзором которого командиры управляли гарнизонами укрепленных городов. Тем не менее грузинские летописи перечисляют не менее пяти царей после смерти Вахтанга Горгасали (или его наследника Гургена) с 522 по 580 год. Если эти пятеро царствовали, то неудачно, может быть, чисто символически, так как власть в течение юстинианских войн оказывалась монополией персидских *марзпанов*. В 540-х годах *марзпаном* Иберии был Эрванд Гушнасп, вероятно, сын того замученного Гушнаспа, которому автор *Мученичества Эвстатэ* приписывает абсолютную власть в Иберии; в 550-х годах *марзпаном* стал Вежан Бузмир. Жития

[34] *Миринейский А.* История войн Юстиниана, 3.9.10, 3.10.11.

святых этого периода указывают на то, что в Тбилиси иберийский царь считался лишь *мама-сахлиси*, «главой царского рода».

По словам летописца, в 522 году Дачи, состарившийся сын Вахтанга, унаследовал престол и царствовал двенадцать лет. Дачи будто бы достроил укрепления Тбилиси, но проживал в Уджарме на границе Кахетии, где старался обращать горцев в христианство. Леон и Михрдат, сводные братья Дачи, родившиеся от гречанки, второй жены Вахтанга, эмигрировали на юго-запад, где правили Кларджети и Джавахети. Кларджети осталось под византийским влиянием: именно оттуда начнется возрождение Грузинского царства.

Если верить летописям, в 534 году сын Дачи, Бакур II, начал царствование, продлившееся тринадцать лет. Византийский летописец Иоанн Малала пишет, что в 535 году в Константинополь приехал грузинский царь вместе со своей свитой, чтобы заключить союз с Юстинианом. Малала передает его имя как *Саманазос*, может быть пытаясь воспроизвести грузинскую фразу *дзма Дачиса*, «брат Дачи»: если так, то это был или Леон, или Михрдат. Грузинский летописец Джуаншер утверждает, что у Бакура II не было взрослого наследника; другие летописцы пишут, что сын Бакура II Парсман V царствовал с 547 по 561 год, его сменил племянник Парсман VI, а потом сын Парсмана VI Бакур III, который скончался в 580 году. Правление Бакура III не распространялось дальше его дворца в Уджарме, и абсолютная сасанидская власть в Иберии после его смерти просто узаконила реальный персидский суверенитет, который являлся последствием отмены Иберийского царства в 520-х годах. При этом дальними иберийскими провинциями, в которых персы не были заинтересованы или где персидские *марзпаны* считали народ неуправляемым, все еще правили князья царского племени – пращуры будущих правителей Грузинского царства и источник неустранимой проблемы для будущего Грузии: они становились феодальной знатью, которая не чувствовала себя обязанной подчиняться центральной власти и смотрела на свои уделы как на царства в миниатюре.

Своим возрождением Иберийское царство было обязано Византии. Иберийская знать попросила императора Маврикия назначить из числа царских родственников правителя и губернаторов. В 588 году византийское и иберийское признание получил некий Гурген (в грузинских летописях Гуарам). Гуарам-Гурген, если не был внуком Вахтанга Горгасали по матери от неизвестного нам отца, мог быть сыном князя Кларджети Леона, который сам был сыном Вахтанга Горгасали. Летописец Сумбат Давитисдзе посмертно объявляет Гуарама законным правителем, доказывая, что его отец был Багратидом армяно-еврейского происхождения. Гуарам присвоил титул *куропалат*, буквально «начальник двора», по византийской иерархии всего одним рангом ниже «цезаря» или «нобилиссимуса». С 572 года Гуарам-Гурген скрывался в Константинополе: до этого он был сторонником армянского князя Мамиконяна в восстании против персов. (Восстание было подавлено, несмотря на поддержку императора Юстина II и убийство Сурена, *марзпана* Двина, столицы Армении.) К 589 году, однако, Персия потеряла Иберию: воевода Бахрам Чобин сверг и ослепил шаха Хормизда IV и изгнал сына Хормизда Хосрова II, который сбежал в Константинополь и умолил императора Маврикия помочь ему вернуться к власти. Маврикий согласился, но дорогой ценой: Хосров II вынужден был обещать восстановить царя Иберийского, хоть с рангом *куропалата*. Гуарам-Гурген поселился в Мцхете, где основал монастырь Джвари, всего в тридцати километрах от персидского *марзпана* в Тбилиси. Гуарам-Гурген царствовал недолго, но уверенно: он был первым правителем Иберии, который сам чеканил монеты (сасанидские серебряные драхмы, перечеканенные буквами «Г» «Н»)[35].

---

[35] *Пахомов Е.*А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970*; Lang D.M.* Studies in the Numismatic History of Georgia в Transcaucasia. N. Y.: The American Numismatic Society, CXXX, 1955.

Восстановить верховную власть для куропалата труднее, чем для царя: после двух поколений князья Иберии считали себя помещиками, ода2ренными шахом или императором, а не губернаторами, поставленными грузинским царем. Провинциальная знать не хотела подчиняться столичному двору. Сын и наследник Гуарама-Гургена, Степаноз I, который властвовал с 591 года, когда Византия и Персия жили в мире, не смел провозгласить себя царем: его звали великим князем *(ериставе-еристави)*, то есть первым среди равных друг другу князей *(еристави)*.

Одна-единственная серебряная монета с надписью «Дж О» указывает на то, что до Степаноза I, пусть и короткое время, правил еще один великий князь, Джуаншер. Но Степаноз I оставил более конкретные следы в истории: мы видим его портрет на серебряных монетах 590-х годов и на каменном барельефе Джварского монастыря, который он достроил, его называют *патрикием* Картли. Впервые на монетах Степаноза I отчеканено не священное зороастрийское пламя, а христианский крест. Несмотря на этот крест, летописец Джуаншер называет Степаноза I «неверующим, Бога не боящимся»: может быть, он был монофизитом и сотрудничал с Персией, терпящей монофизитство; несомненно, он конфисковал бывшие царские земли, которые раньше были дарованы монастырю Мгвиме. В 604 или 605 году Степаноз I умер, и царем стал его родственник Адарнасэ. (До сих пор видно различимые на стене Джварского монастыря портреты и Адарнасэ, и рядом с ним Степаноза: судя по одеянию, у Адарнасэ был ранг византийского ипатоса (буквально «верховного правителя», а на самом деле «консула»). (Летописец Джуаншер пишет, что Степаноз царствовал до 627 года, когда император Ираклий взял тбилисский гарнизон и заживо содрал с его персидского командира кожу.) Адарнасэ уже приходилось отбиваться от персидского давления, так как в 604 году персы опять напали на Византию, расколотую внутренними мятежами и расшатанную аварским нашествием. В Тбилиси власть перешла в руки проперсидского *питиахша*, а Адарнасэ с двором переселились вверх по Куре.

Назло Персии, в угоду Византии, иберийский католикос Квирион II (595–610) списался с папой Григорием I, чтобы уточнить православную доктрину, и потом вызывающим образом объявил Иберию-Картли диофизитской христианской страной, то есть признал двойственную природу Христа – Божественную и человеческую[36]. Таким образом, иберийцы приняли роковое решение, навсегда отколов Иберию от своего самого близкого союзника Армении. Армения выбрала монофизитство, признающее только Божественную природу Христа, чтобы сохранить и христианское вероисповедание, и мир с Персией. Объявление в 608 году диофизитства и приверженности к Халкидонскому (451 года) собору значило объявление союза с Византией. До этого византийский раскол монофизитства и диофизитства мало влиял на отношения закавказских царств, так как собор закавказских церквей в армянской церковной столице Двин принял *Энотикон*, провозглашение терпимости императора Зенона. Если верить Прокопию, то к 525 году самыми верными диофизитами в Персидской империи являлись иберийцы. А в 551 году армянская церковь выбрала монофизитство и начала обращать в эту веру кавказских албанцев. (Результатом этой смены вех было вырождение кавказско-албанского письменного языка, так как их Священное Писание было диофизитское, для армян кощунственное, подчеркивающее полное воплощение Христа, вместе того чтобы отвергать его человеческую природу как «переодевание в человеческую форму»: с тех пор албанцы слушали обедню по-армянски.) Объявление Квириона II оскорбило армян тем глубже, что до 599 года он был армянским епископом. Мосей, армянский епископ Цуртави (епархия была смешанная, и грузинская, и армянская), в 605 году сбежал в Армению: оттуда началась сердитая полемическая переписка. В 608 году армянский католикос Абраам

[36] *Tamarati M.* L'*É*glise g*é*orgienne des origines jusqu'*a* nos jours. Rome, 1910. P. 244–245 (с римско-католической предвзятостью).

запретил любые отношения, кроме коммерческих, с иберийцами или албанцами. Грузинского католикоса Квириона заклеймили «лгуном и предателем»; грузин обвинили в том, что они убили «словно волка» епископа Петрэ, который отговаривал их от раскола с армянами[37]. В обратную сторону, в Грузию, сбегали армянские диофизиты, чтобы там основать свои церкви. Когда персидская церковь в Ктесифоне запретила диофизитство, еще одним потоком диофизиты эмигрировали в Иберию. К 700 году, когда армянским патриархом стал Саак III, раскол стал непоправимым, так как арабские победы над Византией поощряли монофизитство.

Когда Адарнасэ и Квирион объявили диофизитство, персы резко отреагировали, изгнав патриарха Квириона из Иберии. В Тбилиси Адарнасэ и так больше ни на что не влиял: он даже перестал чеканить монеты. Адарнасэ вернули к власти только в 622 году, когда император Ираклий отбросил персидскую армию, которая одно время осаждала пригороды Константинополя. Иберия вновь стала диофизитской страной, но Адарнасэ пришлось бороться со своими феодалами за власть. В 626 году Ираклий с хазарской армией, пришедшей из южнорусских степей, вторглись в Иберию. Тбилиси тогда охранялся гарнизоном, состоящим из тысячи персов и грузин-монофизитов. Целых два года гарнизон не сдавался, а со стен крепости солдаты глумились над императором, обзывая его «бородатым козлом», а хазарского генерала – «безобразной тыквой». Когда гарнизон в конце концов сдался, Ираклий оставил его солдат на произвол хазаров, которые заживо содрали кожу с командира, разграбили город и пролили реки крови. В 626 году шаха Хосрова II убили собственные сыновья, и ошеломленная Персия сдалась византийцам, которые теперь овладели и Лазикой, и Иберией. Грузинские государства теперь считались византийскими вассалами: их правителей называли *патрикии*. (Титул *василеос*, «царь», византийцы мало кому присваивали – персидскому шаху, Карлу Великому и болгарскому царю.) Тем не менее можно сказать, что император Ираклий на время объединил Грузию.

Около 570 года, когда умер царь Цатэ II, власть в Лазике перешла к *патрикию* в Абхазии. Эти абхазские *патрикии* незаметно сделались наследственными царями, получившими виантийское признание в VIII веке. Они были сильно эллинизированы: с 640 года они принимали греческие христианские имена: Деметрий, Феодосий, Константин. Но все они были из абхазского рода Анчба; их власть простиралась на всю Лазику-Колхиду-Эгриси, которая скоро стала известной иберийцам как Абхазия (старогрузинская *Апхазети*). В VII веке, пока Византия воевала с Персией, Абхазия жила мирно, хотя византийские и хазарские войска, проходящие через страну, должно быть, приносили немало вреда.

В Картли-Иберии жизнь, казалось, восстанавливалась. В 647 году сын Адарнасэ Степаноз II унаследовал престол. (Он изображен мальчиком на двух барельефах на стене Джварского монастыря.) Степаноза II летописец называет «самым набожным из всех царей Картли, верой чист и строитель церквей». Тем не менее джварский каменный барельеф, изображающий Адарнасэ, Степаноза и Деметрэ, брата Степаноза I, переплетает христианские с местными языческими традициями: Степаноз II одет по-сасанидски и опоясан тюркским поясом с металлическими заклепками, а Деметрэ носит парфянский халат, кавказские сапоги и войлочную бурку, как горец[38].

На решке своих монет Степаноз II чеканил крест и алтарь. Триста лет пройдут, пока другой грузинский царь не начнет чеканить монеты. Мир и единство, принесенные византийцами, внезапно кончились. Арабы появились, принеся с собой мусульманство. В 651 году арабы убили персидского шаха Йездигерда III и начали набеги на Закавказье. В последние

---

[37] *Mahé J.-P.* La rupture arméno-géorgienne au début du VII s. et les réécritures historiographiques // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 927–962.

[38] *Thierry N.* Iconographie sacrée et profane en Transcaucasie // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 963–1014.

годы Степанозу II все-таки пришлось признать верховную власть арабского халифа над Иберией.

4
Арабское нашествие

В Закавказье арабы вторглись так быстро – всего через двадцать лет после смерти пророка – и их непобедимая конница так ошеломила византийцев и персов, что пораженные народы не успели оказать сопротивление. Первый арабский конкистадор, молодой Хабиб ибн Маслама, появился в 643 году как разведчик и грабитель, но в 654–655 годах он вернулся завоевателем и наткнулся на отчаянное сопротивление византийской армии. Потерпев в Армении поражение, византийский генерал Мавриан окопался в Иберии, поставив ее правителя Адарнасэ II (сына Степаноза II, умершего в 650 г.) перед выбором: уничтожение или капитуляция, Адарнасэ II стал вассалом Арабского халифата. *Жизнь Картли*, однако, относит смерть Степаноза II к 663 году и считает Адарнасэ II просто правителем Кахетии, а сыновей Степаноза Михра (ц. 663–668) и Арчила (ц. 668–718, наследник Адарнасэ II) *патрикиями* Картли. Кто бы он ни был, правитель Картли должен был хорошо понимать, что арабы проявят милосердие к тем государствам, которые покорились добровольно, и беспощадность к тем, которые не сдавались (как, например, Армения и Кавказская Албания). Иберийские послы обещали Хабибу, что они сдадутся, и просили считать Иберию вассалом. Хабиб приехал в Тбилиси, договорился о *джизии*, налоге в один денарий с каждого христианского очага, и обещал неприкосновенность церкви и местному *патрикию* (по-арабски *батрик*). Арабы с терпимостью относились к христианам: обращение в мусульманство было добровольно для всех, кроме чиновников халифата, так как христиане платили *джизию*. Арабы ограничили размер *джизии,* при условии что *батрик* Иберии не будет объединять очагов, чтобы уменьшить налог, и пообещает поставлять трудовые ресурсы, материалы и даже солдат для арабских войн, платить налоги на караван-сараи и мельницы, селить и кормить мусульманских путешественников. Хабиб подписал охранную грамоту для Картли (*джурзан* по-арабски), уточняя: «Если на вас нападут и вас заставят подчиниться, мы не можем вам помочь, но мы не будем считать вас злодеями и не будем за это призывать вас к ответу».

В принципе *батрик* Картли был волен царствовать дальше. Но его власть ограничивалась Центральной Иберией, так как грузинская знать спасалась как могла, каждый по-своему властвуя над своим уделом и договариваясь отдельно с арабами. Арабы не возражали: разрозненной Иберией легче было управлять. Хабиб ибн Маслама заключал отдельные соглашения с князьями в Кларджети, Триалети, Кахетии и с горцами, которые платили налоги с очага и с пашни. Некоторые восточные княжества, например Кахетия, поставляли вместо денег товары.

Арабские успехи, однако, подрывала междоусобица 656–661 годов в Багдаде. Муавия и его Омейядская династия захватили халифат. Адарнасэ II воспользовался беспорядками и вместе с армянами и кавказскими албанцами подстрекал – исподтишка в 660-х годах, а в 681–682 годах насильно – народ, уже взбудораженный арабскими налогами. Три года подряд иберийцы отбивались от арабов; византийцы и хазары были введены в заблуждение мнимой слабостью халифата и сами вторглись в Картли с запада и с севера. Хазары грабили и порабощали народ: в 684 или 685 году Адарнасэ II, скорее всего, погиб в бою с этими работорговцами. Арабы назначили Гуарама II, тогдашнего князя Кларджети и Джавахети, наследником Адарнасэ. (Летописи противоречат друг другу: *Жизнь Картли* утверждает, что, когда в 668 году умер Михр, его брат Арчил, тогда правитель Лазики, вернулся в Кахетию *патрикием*.)

Византийцы торжествовали, и в 686 году халифат согласился на мирный договор: Багдад делил с Константинополем доходы от иберийских налогов. Но через два года Юстиниан

II и хазары вторглись в Иберию и объявили войну халифату. Гуарам II вышел из-под арабской опеки и получил от Византии титул картлийского *куропалата*.

Однако, когда к власти пришел халиф Абд ал-Малики, арабы полностью вернули себе все потерянное. Гуарам II умер около 693 года, когда арабские войска, на этот раз вместе со своими союзниками хазарами, захватили Закавказье. Гуарам III (сын или внук предыдущего Гуарама) стал *куропалатом* чисто номинальным: к 704 году арабы до такой степени укрепились в Тбилиси, что начали там чеканить свои монеты – дирхамы, которые будут находиться в обращении еще двести лет.

Второе арабское нашествие заново объединило всю Грузию, хотя и ненадолго: в 697 году *патрикий* Лазики, Серги Барнукисдзе, поссорился с Византией и пригласил в Лазику арабов. Между 707 и 711 годами арабы захватили всю Лазику, кроме некоторых портов и Западной Сванетии. Они опустошили Кутаиси и Цихегуджи, но, кроме кратковременного захвата порта Анакопии, к северу от Сухума, ни побережье, ни Абхазия были для них недостижимы[39]. Лазика долго терпела вероломство Барнукисдзе: контингент армянских военнопленных, освобожденных арабами из Ирака и отправленных в Константинополь, разорил Поти[40]. В конце концов, однако, власть в Лазике удержал *архон* Константин I и потом его сын Феодор, оба верные Византии. В отместку за захват Лазики византийцы отправили на восток против арабов армию, составленную из осетин, их новых союзников.

Вплоть до 730-х годов арабские карательные экспедиции то и дело мучили Иберию. Гуарам III умер в 748 году, никогда не став более чем декоративным *куропалатом*. Арчил, известный тем, что был замучен арабским генералом и прославлен летописцем Джуаншером, остался просто правителем Кахетии и дальше не продвинулся, несмотря на то что женился на правнучке Вахтанга Горгасали. Единственное, что достоверно известно об Арчиле, – это то, что он стал мучеником и святым. До сих пор идут споры о том, когда именно он был замучен. Некоторые относят его смерть к 786 году, когда арабы вели себя особенно жестоко и казнили святого Або и, вероятно, Степаноза III, и обвиняют Хузайму бин Хазима, который будто бы потому убил Арчила, что тот не захотел сказать, где император Ираклий спрятал свой клад. Другие источники утверждают, что в 736 году Арчил бежал в Лазику, чтобы поддержать абхазского *архона* Леона I и защитить Анакопию от арабов. Православная церковь убедительно относит мученичество Арчила к 744 году как последний зверский поступок Марвана Глухого до того, как тот вернулся в Багдад, чтобы стать халифом. Вполне возможно, что летописцы путают двух разных Арчилов: даты, приводимые историком Вахушти (718 г.) и церковным календарем (744 г.), исключают правдоподобность или даже возможность того, что святой Арчил стал зятем царя Тао-Кларджети Ашота Великого, который, по достоверным источникам, правил с 813 по 826 год.

В 720-х годах все Закавказье было сплошным полем битвы, где арабы боролись скорее с хазарами, чем с армянами и иберийцами. В 724 году генерал ал-Джара бин Абдуллах ал-Хаким предложил иберийцам вернуться к относительно мягким условиям Хабиба ибн Масламы: для арабов всего важнее стало обложение налогами, и они превратили *джизию* в поголовный налог на каждого немусульманского мужчину от 15 до 59 лет, но к этому налогу прибавили налоги на землю и на скот, так как Иберия больше не считалась добровольно покорившимся вассалом. В 725 году халиф послал своего незаконнорожденного сына Масламу бин ал-Малика, чтобы раз и навсегда укротить Закавказье. Хазар изгнали через Кавказ, а наследника хазарского хана убили. Война была жестокая, так как с иберийцами обращались как с врагами. Сам халиф сошел с ума, заковав своего победоносного генерала в

---

[39] *Seibt W.* Erfolge und Mißerfolge des Islams in der Kaukasregion // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 571–610.

[40] *Esbroeck M. van* Lazique, Mingrélie et Apkhazie IV–IX s. // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 195–223.

кандалы и отдав его побежденным хазарам. Но самое ужасное еще предстояло: в 733 году Маслама уехал в Дамаск, а на смену ему прислали его племянника и товарища Марвана ибн Мохаммеда, который прославился в Грузии как Марван Глухой, не слушающий ни советов своих офицеров, ни стонов страдающего населения и с крайней жестокостью подавляющий всех противников в Закавказье – и истинных, и мнимых.

Арабская оккупация стала более агрессивной: в 735 году Марван вторгся в Картли с такой многочисленной армией, что хазарский хан сразу обратился в мусульманство и присоединился к Марвану. Не только Картли, но и вся Грузия обезлюдела: летописцы пишут, что народ разбежался по всему Кавказу, скрываясь в лесах и ущельях. Арабы блокировали перевалы и сровняли города с землей. Восточная Иберия была опустошена, так как Марван очистил ее от кахетинцев и попытался переселить туда двадцать тысяч славянских семей (славяне тогда были вассалами хазаров). Но славяне убили собственного вождя и разбежались: Марван переловил и казнил всех, кого мог.

Пройдут века, пока люди отреставрируют города, которые разрушил Марван Глухой. Беженцы переселились в горы по верхнему течению Куры, а потом ушли на запад, в горы Кларджети, куда арабская конница не могла доехать. Гуарам III (или Михр, или Арчил, согласно разным летописцам) понял, что сопротивление бесполезно, и сам бежал со своим народом. Джуаншер пишет, что за *батриком*-беженцем скакал Марван, опустошая Лазику так, как он уже опустошил Иберию. В пограничной провинции Аргвети Марван сокрушил армию местных князей Давита и Константинэ и вблизи от Кутаиси казнил князей за то, что они не захотели принять мусульманство. По словам летописца Джуаншера, именно тогда арабы дошли до Абхазии, но отступили от Анакопии из-за сопротивления осажденных и эпидемии дизентерии. В битве за Анакопию, кажется, погиб царь Михр.

Летопись, наверное, не преувеличивает, жалуясь, что к 736 году «земли Картли, Армении и Кавказской Албании были разорены, и нигде не было ни домов, ни еды, ни корма для скота». Наконец в 744 году Марван отправился сначала на Северный Кавказ, а потом в Багдад, чтобы захватить халифат, и бойня в Грузии прекратилась. Везде царила анархия, кроме Тбилиси, где Марван назначил эмира, который был подотчетен не *вали* в Двине, а самому халифу в Багдаде. Эмир должен был сделать Тбилиси мусульманским городом, северным аванпостом халифата; такое преобразование будет оплачиваться из налогов, выжатых из скудного населения Иберии (так как арабы решили не оккупировать Лазику). Сердцевина Иберии теперь стала арабским эмиратом, сначала включавшим не только Тбилиси, но и Рустави и Манглиси и граничившим с самой Арменией. В политическом смысле Картли-Иберия передвинулась вверх по Куре до Тао-Кларджети.

Летописи относят возвращение Арчила в Иберию к 756 году, через двенадцать лет после ухода Марвана Глухого. Арчил начал восстанавливать свое царство, несмотря на аббасидскую гегемонию: он выдал своих племянниц (дочерей Михра) за феодальных князей. Таким образом, князья уже не чувствовали себя автономными правителями: родственные связи будто бы укрепляли единство Иберии. Вне зависимости от того, был ли Арчил еще жив, или уже умер, использование родственных связей и децентрализация были, вероятно, реальной политикой. Между 748 и 780 годами реальную власть в Иберии, кажется, делили тбилисский эмир и Адарнасэ II, зять Гуарама III. Мы можем быть уверены, что Адарнасэ III пользовался определенными правами, так как Византия пожаловала ему титул *куропалата*.

Постепенно, по мере того как Иберия в 760-х годах восстанавливалась после разорения Марвана Глухого, иберийцы стали оказывать арабам сопротивление все с большей смелостью. Сын Адарнасэ III Нерсэ разгневал халифа ал-Мансура, который в 772 году заточил его в Багдаде на три года. Нерсэ был освобожден следующим халифом ал-Махди, но через четыре-пять лет арабы изгнали Нерсэ из Иберии, и он просил убежища сначала у хазаров, потом у Леона II в Абхазии, где уже нашла убежище его семья. Халиф отобрал у

Нерсэ царские права и передал их его племяннику Степанозу III, но разрешил Нерсэ вернуться в Иберию простым гражданином. В 786 году Нерсэ стал свидетелем двух убийств. Сначала арабы казнили его секретаря, святого Або, араба, который принял христианство (и вдохновил Иоанна Сабанисдзе на написание блестящего жития); потом арабский наместник Хузайма ибн Хазим казнил племянника Нерсэ Степаноза III; о потомках Гуарама больше ничего не известно.

О столетии со времени ухода Марвана Глухого до карательной экспедиции не менее устрашающего Буги ал-Кабира ал-Шараби («Турок») не существует почти никаких достоверных записей. Тем не менее очевидно, что в иберийской политике произошел большой сдвиг. Разрушение Багдада в 813 году непоправимо ослабило халифат. Сама Картли-Иберия переместилась на юго-запад, в Тао-Кларджети, где разрасталась новая династия Багратидов[41]. Тбилисский эмират стал мусульманским торговым городом, самым крупным в Закавказье после Дербента; эмиры уже не передавали халифату доходы от налогов, а тратили их на себя, так как чувствовали себя защищенными от халифата соседними христианскими государствами: они утверждали независимость эмирата. Буга Турок вторгся с пятидесятитысячным войском не только чтобы угнетать армянских и иберийских христиан, но и испепелить деревянные дома Тбилиси и убить зазнавшегося эмира Исхака ибн Исмаила ибн Шуаба вместе с сорока тысячами граждан. На этот раз картвелы продемонстрировали единство: царь Абхазии-Лазики Теодоси II (или, если он умер в 837 году, его наследник Деметрэ II) вместе с кахетинским князем Костанти-Кахи и с эмиром Исхаком сражались с Бугой. Грузины и эмир потерпели ужасное поражение. Несмотря на пролитую кровь, кахетинцам позже удалось выиграть несколько битв, и Буга ушел из Иберии, чтобы опустошить Кавказскую Албанию. Он воевал в Двине в Армении, потом двинулся по Куре до перевала через гору Лихи и еще по Арагви до подножия Дарьяльского перевала, но не дошел ни до Лазики, ни до Северного Кавказа. Иберия вновь обезлюдела и лежала в развалинах, но арабы уже не могли удерживать власть в Закавказье.

Междоусобицы в Багдаде окончательно освободили Иберию от арабов, но последняя война расшатала Картли. Кахетия же укрепилась. Она теперь простиралась от Дарьяльского ущелья, отвоеванного у арабов, до Кавказской Албании. Три столетия войн между византийцами и персами, а потом между хазарами и арабами меньше сказались на Кахетии, чем на Картли. Кахетинские города, поля и виноградники уцелели. Джуаншер пишет, что царь Арчил даже построил себе столицу в Цукети в осетинских горах и крепости в верхней долине Иори, которые были лучше защищены от арабов, чем Уджарма в долине. После 770 года Кахетия была уже независимой страной, которую арабы называли *Санария* (от Цанаров, клана, владевшего Горной Кахетией), а термин *Джурзан* теперь обозначал остальную Иберию и Грузию. Цанары отказались платить *джизию*; бунтовали и кахетинцы в долинах. Когда в 770 году Хусейн ибн Кахтаба, арабский *вали* в Двине, попытался навести порядок, его армия потерпела поражение: арабам пришлось послать еще 20000 солдат, которые убили 16000 цанаров. В конце концов цанары согласились платить налоги не деньгами, а своими знаменитыми лошадьми и баранами[42]. Тем не менее Кахетия сохранила власть над дарьяльским торговым путем. Под господством Цанаров в горах, недоступных арабским карательным отрядам, Кахетия стала *хорепископатом*, то есть смесью епархии с княжеством, где вождь феодальной знати одновременно был и епископом, и князем. Багратидский историк Вахушти, который в 1750-х годах пользовался источниками, с тех пор утерянными, пишет, что первым князем Кахетии был Джуаншер, а за ним в 787 году правил Григол. Григол вла-

---

[41] *Toumanoff C.* The Bagratids of Iberia from the eight to the eleventh Century // Le Museon, LXXIV. Louvain, 1961.

[42] *Bibikov M.* Productivity and Social Organization in the Medieval Caucasus // Il Ca- ucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 363.

дел Кахетией до 827 года; он стремился овладеть всей Грузией и потому напал на Ашота, *куропалата* Тао-Кларджети, и на царя Теодоси II Эгриси-Абхазии. Эта междоусобица кончилась только со смертью Григола в 827 году, когда кахетинский престол унаследовал Вачэ (в летописях Дачи). В 829–830 годах нашествие араба Халида ибн Йазида заставило всех грузин помириться друг с другом. Халид вернулся в начале 840-х годов и напал на наследника Григола Самоэла (ц. 839–861), но в 842 году кахетинцы вместе с тбилисским эмиром Исхаком ибн Исмаилом заставили сначала Халида, а потом и его сына Махмеда ибн Халида отступить в Кавказскую Албанию.

Хотя в 853 году Буге Турку удалось убить тбилисского эмира, его армия не смогла подняться к горному убежищу цанаров: потерпевший поражение от кахетинцев, Буга повернул назад. Феодальная знать из Южной Кахетии (тогдашней Кухети, соседней с эмиратом страны) почуяла, что арабы обессилели, и смело свергла цанаров. Кахетия разрослась, отобрав территорию у восточного соседа князя Эрети Григола Хамама. Хорепископ Фадла (ц. 881–893) оказался особенно предприимчивым: он подружился с тбилисским эмиром, и оба порвали с халифатом. После 881 года появилась новая кахетинская династия, Аревманели: ряд хорепископов, Квирикэ I (ц. 893–918), Фадла II (ц. 918–929) и Квирикэ II (ц. 926–976), в результате либо войн, либо совместных действий с Абхазией-Эгриси захватили территории Эрети и Картли (но оставили эмират нетронутым). Эта политика не всегда удавалась: в 959 году брат Квирикэ II Шурта предательски отдал Уджарму абхазскому царю Гиорги II, Кахетия и Абхазия могли продолжать грабить крепости Картли только тогда, когда в Абхазии пришел к власти царь Леон III.

Самая восточная провинция Иберии, Эрети, оказалась самой уязвимой: Эрети раньше всех испытала арабское владычество. Народ в Эрети был смешанный – кавказские албанцы, различные дагестанские этносы, армяне, персы и грузины. Города разбогатели на торговле с Персией и с Арменией. К тому же Эрети была единственной провинцией, оставшейся верной монофизитству. В IX веке Эрети сделала попытку стать независимой: в 822 году первый ее правитель Сахил ибн Сумбат (ц. 815–840) перебил кавказско-албанскую царскую семью и объявил себя шахом Аррана (как тогда звали Кавказскую Албанию); Сахил пытался выслужаться перед халифатом, захватив и передав в Багдад еретика-зороастрийца Бабака Хоррамдина, и получил за свой подвиг царский венец, халат и лошадь. Потом арабы заподозрили Сахила в измене, арестовали и сослали в Багдад. Сахила сменил сначала его сын Адарнасэ I (ц. 840–865), а потом внук Григол Хамам (ц. 865–893). Наследнику Хамама, Адарнасэ II (ц. 897–943), византийцы пожаловали титул *патрикия*, его царство уцелело после нападений кахетинцев, но вынуждено было уступить Кавказскую Албанию ирано-тюркским соседям – саларидам[43]. Григол Хамам женился на Динар, дочери Адарнасэ Багратиона из Тао-Кларджети: Динар заставила Эрети отречься от монофизитства и присоединиться к Грузинской православной церкви. Когда Григол умер, Динар царствовала вместе со своим сыном Ишхаником: диофизитство осталось официальной религией. Внук Григола и Динар, царь Иоанэ Сенекерим (ц. около 965–995), хотя коронованный монофизитским архиепископом Кавказской Албании, был тем не менее благословлен диофизитским царем Давитом III Таоским, а также мусульманским саларидским ханом азербайджанцев. При широких религиозных взглядах Иоанэ Сенекерима Эрети смогла отбиться от притязаний кахетинских и мусульманских соседей и даже отвоевать часть Кавказской Албании и Кахетии, но в конце концов потеряла независимость, сначала попав под власть диофизитских епископов, а потом, в начале XI века, кахетинских и абхазско-эгрисских правителей.

После арабов над Восточной Грузией нависла новая мусульманская угроза – персидский эмират из современного Азербайджана. Мухаммад ибн Абу'л Садж и следующие за

[43] *Papuashvili T.* Ranta da kakhta samepo (VIII–XI s.). Tbilisi, 1982.

ним Саджиды вторгались несколько раз с 908 по 914 год, будто бы как представители халифата. Юсуф ибн Абу'л Садж (которого грузины называют Абул Касим абу Садж) выгнал правителя Армении в Абхазию, потом вторгся в Тбилиси, но заключил мир с эмиром Джафаром I ибн Али. Саджиды напали на Кахетию и разрушили Уджарму: только хорепископ Квирикэ сумел договориться о мире и спасти Кахетию. Захватчики повернули в Картли, которую тогда оборонял абхазский царь Костанти III (ц. 899–915): чтобы крепость Уплисцихе не попала в руки Саджидов, Костанти снес ее. Абул Касим позже осадил несколько крепостей в Тао-Кларджети и обезглавил гарнизонного командира крепости Квели, *азнаура* Микаэла Гоброна, который не захотел принять мусульманство (Абул Касим уже в 914 г. казнил по той же причине армянского царя Смбата). Главной целью Абула Касима, однако, было восстановление арабских налогов и гегемонии; как и Буга шестьдесят лет тому назад, он цели не достиг, но его лютая жестокость оставила Иберию в таком состоянии, что ей понадобилось два поколения, чтобы прийти в себя. К счастью, Саджиды поссорились с халифатом и после последнего вторжения 937 года в Кахетию просили мира в Закавказье.

К 1000 году войны за разъединение сменились войнами за объединение. Кахетинский хорепископ Квирикэ заключил союз с абхазским-эгрисским царем Костанти, и оба правителя отобрали часть территории у *патрикия* Адарнасэ: если бы не саджидская угроза из Азербайджана, Адарнасэ потерял бы все свои владения в Картли. Ссоры феодалов в Кахетии кончились тем, что южные кахетинцы из Гардабани умолили абхазского царя Гиорги II (ц. 915–960) помочь им: он отправил своего сына, будущего Леона III (ц. 960–969, после чего стал картлийским князем), который утихомирил Шурту, брата Квирикэ II, и заставил кахетинцев отдать столицу Уджарму, ключевые крепости и в конце концов всю провинцию Гиорги II. Картлийская знать испугалась. Но Леон не успел удержать того, что захватили абхазы: он заболел и умер. В любом случае в конце 950-х годов Кахетия пережила нашествие Иоанэ Сенекерима из Эрети; Сенекерим объявил себя царем цанаров, что объединило Кахетию и Эрети. Кахетинский хорепископ Деметрэ в ответ устроил анархию в Абхазии, подбив Теодоси III (ц. 975–978) на бунт против собственного брата Деметрэ III (наследника Леона III). По всей Грузии прокатилась волна таких беспорядков, что кахетинцы смогли вторгнуться в Картли, откуда *куропалат* Давит тщетно пытался их изгнать. После 1000 года стремление к централизации стало таким сильным, что эретской царице Динар и хорепископу Квирикэ пришлось подчиниться объединенной Грузии царя Баграта III.

Источником объединения Грузии стала расцветшая династии Багратидов из Тао-Кларджети, а укрепилось оно со сменой власти в Лазике-Эгриси, где после столетий войн и византийских поисков надежного союзника против восточных захватчиков политическая власть сдвинулась на север в Абхазию. Уже к 800-м годам племя Анчба, которое миновали арабские и хазарские ужасы, постепенно освобождалось от марионеточной зависимости и создавало царскую династию, тесно связанную с Византией, но уже не управляемую ею. Леон I (ц. 745–766) завоевал авторитет, остановив арабское наступление к Черному морю и кавказским перевалам; Леон II (ц. 766–811) подчинил себе почти всю античную Колхиду, от Чороха до Псоу, после того как эгрисский престол опустел благодаря смерти или дряхлости потомков царя Арчила, Иоане и Джуаншера. Леон II не зависел ни от арабов, ни от греков. Он был внуком хазарского царя и двоюродным братом византийского императора Леона IV, поэтому он посмел провозгласить себя «царем» абхазов, сванов, мингрелов и других картвелов, разделить свое царство на восемь княжеств и реставрировать внутри страны два крупных города, Шорапани в Аргвети (на границе Картли), и Кутаиси в сегодняшней Имеретии. (Уже в 790 году Леон II объявил Кутаиси столицей, но Византия еще не признала его царем: когда император пожаловал ему золотое кольцо, на нем было написано только *архон* или *эксусиаст* (губернатор), с прилагательным «сиятельный» (тогда правителя Великой Армении звали «самый сиятельный», а *куропалата* в Тао-Кларджети «самый благородный».) Таким

образом, Византия пока еще считала Абхазию рангом выше северокавказских, но ранга на два ниже других закавказских государств.

Несмотря на абхазское происхождение, род Анчба, по всей вероятности, использовал грузинский для государственного общения, и к тому времени абхазские подданные были, вероятно, большей частью картвелами. Церковь все еще была подчинена Константинополю, и церковным языком остался греческий. Леон II продолжал работу по укреплению северных и восточных границ: он выдал дочь за хазарского хана, который помогал ему сопротивляться византийскому давлению. (Этот абхазско-хазарский союз спас жизнь Нерсэ, картлийскому правителю, в 770-х годах изгнанному арабами.) Когда нужно было, абхазы вместе с армянами, лазами и славянами участвовали в антивизантийских мятежах, например в восстании Фомы Славянина 831–833 годов. Иногда византийцы напоминали абхазам, кто в Восточном Черноморье хозяин, отправляя флот к абхазским гаваням в 832 году и два раза в 840 году (хотя главным врагом, против которого направляли флот, были арабы). Византийские предостережения были неубедительны: у империи были другие, более неотложные дела, например борьба с иконоборцами и болгарами. Больше никаких попыток повлиять на абхазскую политику Византия не предпринимала.

Неприкосновенность нового государства и этнические соображения требовали, чтобы столицей стал расположенный внутри страны Кутаиси, а не приморский греко-абхазский Себастополь-Сухум. Вместе с государством преобразовалась и церковь: в начале X века лазская, абхазская и джикская (черкесская) епархии порвали с Константинополем и подчинились иберийскому патриарху в Мцхете (провинция Аргвети уже давно признала авторитет Мцхеты). Создавались новые епархии, среди которых самой влиятельной стала мингрельская епархия Чкондиди. Мцхета отправляла литургию не на греческом, а на более доступном прихожанам грузинском. Когда в 950 году царь Ишханик и царица Динар окончательно отреклись от монофизитства, Грузия объединилась духовно, что делало политическое объединение неизбежным. Самое убедительное определение Грузинского государства мы находим у Гиорги Мерчуле («церковный юрист») в IX веке: «Мы можем считать Великой Грузией любое место, где обедню и молитвы отправляют по-грузински».

Начиная с 750-х годов абхазскому царству удалось избежать самых тяжелых арабских нашествий, хотя императору Феофилу и его генералу Варде Фоке приходилось бороться с арабскими захватчиками в 830-х годах. Тем не менее арабский историк Масуди утверждает, что одно время Абхазия платила налоги халифату. В 853 году абхазский царь Деметрэ II помогал Картли в борьбе против Буги Турка, после того как тот казнил эмира Исхака Тбилисского. Когда в 907 году саджидский Абул Касим объявил войну Армении и вторгся в Картли, Абхазия предложила армянскому царю Смбату убежище, а правителю Картли помощь. Сама Абхазия прямого участия в войне не принимала и набиралась сил, пока Абул Касим громил Картли и Армению.

С 825 по 978 год, когда Баграт III стал первым царем всей Грузии, в Абхазии держалась стойкая наследственная монархия: некоторые цари, например Деметрэ II (ц. 825–861), Гиорги II (ц. 922–957), царствовали дольше тридцати лет. Изредка брат царя искал поддержки у феодалов Месхи на южной границе Абхазии, но перевороты удавались редко. Мятежные феодалы, например Липарит Багваш из Аргвети в 880-х годах, предпочитали перебираться в Тао-Кларджети. Границы – черноморские гавани, перевалы через Кавказский хребет и через Лихи – были хорошо защищены и укреплены. В Абхазии были в ходу и византийские, и арабские монеты, что свидетельствует о сильной экономике. Престол спокойно переходил от отца к сыну, за редким исключением, когда брат унаследовал трон вместо сына или после смерти царя Гиорги I Агцепели в 868 или 878 году, когда власть захватили два свана Шавлиани – Иоанэ, а потом его сын Адарнасэ. (Адарнасэ Шавлиани женился на дочери тао-кларджетского феодала Гуарама Багратиони и сражался на стороне своего тестя про-

тив местного *куропалата* Давита.) Законный наследник абхазского престола, Баграт I, сын Деметрэ II, отплыл в Константинополь; с помощью византийцев он вернулся в 887 году, убил самозванца Адарнасэ и женился на его вдове. В начале X века осторожный царь Гиорги II (ц. 922–957) сослал двоих из своих пятерых сыновей в Константинополь: «чтобы после моей смерти не было ссор между ними». Трое из них (Леон III, Деметрэ III, Теодоси III) успели поцарствовать до того, как Абхазия в 978 году слилась с объединенной Грузией; четвертого сына, Костанти, позже назначили правителем Картли, так как царь Гиорги II замышлял объединить Грузию сетью межплеменных браков, усыновлений и назначений. (В джавахетской церкви Кумурдо до сих пор существует барельеф, на котором дочь Гиорги II Гурандухт, которая родит первого всегрузинского царя Баграта III, изображена рядом с братом Леоном III.) Сам Костанти оказался слишком своевольным, и отцу пришлось его свергнуть. В 960-х годах, когда сын Гиорги Леон III смог назначить своего человека правителем Джавахети, влияние Абхазии стало еще крепче.

Уже в IX веке стало ясно, что Абхазское царство главенствует в Грузии: южные провинции Тао-Кларджети, Самцхе и Джавахети уже отчасти зависели от абхазов, которые к тому же предоставляли картлийцам убежище от арабов. В 880-х годах Баграт I помог своему зятю Насри вернуться из константинопольской ссылки и захватить Одзрхе и еще две крепости в Самцхе. После нашествия Абула Касима в 907 году Центральная Картли перешла в абхазскую сферу влияния. Заключив союз с Кахетией против Эрети, Абхазия получила не только новые земли, но и доступ к Кавказской Албании и к перевалам, ведущим к Дарьяльскому ущелью, что открыло для нее богатые торговые пути. В начале X века Костанти III послал армию к осетинам, где с помощью византийского патриарха Николы Мистика он предпринял очередную попытку обратить осетин в христианство. Никола Мистик попросил следующего абхазского царя Гиорги II самого назначить осетинского архиепископа. Именно Гиорги II превратил церковь в Чкондиди (по-мингрельски «великий дуб»), построенную в VII веке на развалинах храма, где язычники совершали человеческие жертвоприношения, в самый известный собор Западной Грузии. Под руководством абхазского царя грузины крестили осетин и черкесов и строили церкви.

То, чего боялся Гиорги II, сбылось: его сыновья боролись за престол. Деметрэ III первый унаследовал власть и сослал младших братьев Теодоси и Баграта в Константинополь. Теодоси сговорился с мятежными феодалами из Картли, Месхи и Абхазии, вернулся в Абхазию и попытался захватить власть. В борьбе участвовали еще правители Тао и кахетинский хорепископ. На время Деметрэ согласился уступить брату власть, но в 975 году он выколол ему глаза. Слепой Теодоси III царствовал еще три года, но его слепотой воспользовались кахетинцы, чтобы вторгнуться в Картли.

Если в IX веке Абхазия оказалась самой стабильной из грузинских земель, а Кахетия самой богатой, то Тао-Кларджети по праву считалась культурным центром Грузии. Здесь на троне восседали прямые наследники Гуарама III, Степаноза III и Адарнасэ III, иберийских царей, наделенных авторитетом Мцхеты и Тбилиси. Для арабской конницы Тао-Кладжети с ее узкими ущельями и страшнымии крепостями вроде Одзрхе была недоступна. В относительном спокойствии в Тао-Кларджети развивались культурные центры, монастыри Опиза, Зарзма, Хандзта. Хотя многие образованные грузины давно бежали за границу, на Синай или Афон, а самые талантливые генералы уже служили в византийской армии, в Тао-Кларджети осталось достаточно талантов, чтобы заново построить государство.

Главная причина возрождения Тао-Кларджети – вливание свежей крови. Дочь Гуарама III вышла за беглого армянина Васака Багратуна, по некоторым версиям – сына Ашота III, Ашота Слепого (690–762), армянского царя, признанного халифатом, а потом свергнутого и ослепленного феодалами из рода Мамиконян. (Некоторые историки утверждают, что грузинские Багратиды происходят не отсюда, а от уже существовавших иберийских Багратидов: во

всяком случае, прозвище Багратион (Багратун), вероятно, иранского происхождения.) После 807 года у Васака и его грузинской жены родился сын Адарнасэ I, который потом унаследовал Кларджети и Джавахети вместе с Джуаншером и Михрандухт, детьми замученного святого Арчила. Адарнасэ выдал свою дочь Латаври за своего соправителя Джуаншера, разгневав тем самым мать Джуаншера, вдову Арчила. По всей вероятности, она была возмущена не союзом с армянскими Багратунами, а единокровностью новобрачных (Латаври приходилась Джуаншеру племянницей – дочерью двоюродного брата). Багратуны-Багратиды, очевидно, считали, что их церковные запреты на инцест не касаются. трактат *Об управлении империей* Константина VII («Порфирородного») объясняет: «Должно знать, что ивиры, а именно – люди куропалата, похваляясь, утверждают, что происходят от жены Урии, прелюбодействовавшей с Давидом. <…> Поэтому мегистаны ивиров беспрепятственно берут в жены своих родственниц, полагая, что соблюдают древнее законоположение».

Как будто в наказание за инцест, Джуаншер и Латаври детей не имели, и в 813 году вся Кларджети-Джавахети перешла в руки брата Латаври и сына Адарнасэ, Ашота Великого (теперь Святого), первого Багратида с титулом «иберийский *куропалат*». В начале своего царствования Ашот спасался от арабов и искал протекции у византийцев, но у озера Паравани в Шавшети, в Западной Кларджети, он сумел за себя постоять: обезлюдевшая, чумная Шавшети стала вотчиной Ашота Великого. Здесь он очутился ближе к дружеским византийцам и к армянским княжествам, владениям его родственников Багратунов. По мужской линии Гуарамиды (династия Гуарама III), Хосроиды (династия Арчила) и Нерсэаниды (династия Нерсэ) выродились. Поэтому Ашот решил закрепить свое мнимое право на Картли, но встретил сопротивление тбилисских эмиров Исмаила ибн Шу'аиба, Мухаммеда ибн Атаба. Тем не менее, поскольку Ашота поддерживали Византия и абхазский царь Теодоси II, за которого он отдал свою дочь, он мог с уверенностью заселять свои земли пришельцами и расширять территорию. Скоро он управлял значительным царством, от только что отстроенной укрепленной столицы Тао-Артануджи, которая давала доступ через перевалы к Черному морю, вплоть до тех частей Картли, которыми не владел тбилисский эмир, и до Кахетии и даже Кавказской Албании. Ашот также стал хозяином торговых путей, связывающих Трабзон с Восточной Грузией и с Арменией. Теперь его владения назывались *самтавро* («княжество»), и собственные епископы называли его *мепе* («царь»). В 818 году Ашот столкнулся с тбилисским эмиром Исмаила ибн Шу'аиба, который тогда бунтовал против Багдада. Благодарный халиф признал Ашота «князем» Иберии и принял его сторону против кахетинцев. Но арабская милость была коварна, и когда армянский *вали* Халид ибн Йазид отстоял свои бывшие права над Восточной Грузией, Ашота оттеснили назад к Тао-Кларджети. В 826 или в 830 году Ашота убили феодалы, возможно подкупленные арабами, на алтаре вблизи слияния рек Чорох и Цхенисцкали (по другим источникам, в Гардабани, в Южной Кахетии).

Ашот Великий построил в Тао-Кларджети столько монастырей и церквей, что страна, естественно, испытывала сильное церковное влияние. *Житие Григола, аббата Хандзтского*, написанное Гиорги Мерчуле, ясно показывает, до какой степени церковь влияла на временную власть: «Но дьявол сбил властителя с праведного пути: он привел в крепость распутную женщину, с которой грешил, так как демон любви очень разжигал его. Его нрав прежде этим не отличался, но злой грех одолел его. Услышав о таком растлении души, блаженный Григол сильно огорчился. Старец святой Григол был признан церковью и почитаем и Богом, и людьми и пользовался репутацией чудотворца. Царь обратился к нему и имел с ним беседу, после которой дал обет оставить грех и отослать женщину туда, откуда он ее привел».

Ашот допустил и политическую ошибку: он завещал княжество всем троим сыновьям. Второй сын Баграт I (ц. 826–876) получил, вероятно от византийцев, престижный титул *куропалата* и управлял районом Кола и бо2льшею частью Тао, уже включавшей часть Анатолии

и поэтому составлявшей стратегическое ядро ашотовских владений: в будущем наследники Баграта I могли серьезно претендовать на всегрузинский престол. Старший сын Адарнасэ II (ц. 826–869) считался великим князем (по-грузински *ериставт-еристави*) и управлял столицей Артануджи, провинциями Шавшети и Западной Кларджети, где Ашот начинал свое правление. Младший сын Гуарам (ц. 826–882) владел севером: Самцхе, Джавахети и Триалети (в Западной Иберии): ему пожаловали самый скромный титул *мампали* («правитель»).

Как только Ашот умер, арабы захватили картлийские земли его наследников и потребовали, чтобы все трое сыновей платили налоги на остальное имущество. К тому же тбилисский эмир начал сеять раздор между братьями. Баграт поступил крайне хитро: он заключил союз с генералом халифата, Халилом ибн Йазидом, против тбилисского эмира Исхака и кахетинцев; в 842 году ему пожаловали титул «князя картлийского», но, когда эмир одержал победу, титул отобрали. В 853 году Баграт поддержал Бугу Турка и еще раз завоевал Картли, но его изгнал абхазский царь Деметрэ.

Из трех сыновей Ашота Великого больше всех повезло Гуараму *мампали*. В 880 году он похитил Габулоца, последнего эмира-Шаибанида в Тбилиси, заковал его и отправил в Константинополь. За такой трофей ему присудили Западную Картли (Триалети) и Джавахети. Женившись на сестре армянского царя Ашота V, Гуарам приобрел территорию и в Армении. Тем не менее история помнит только альтруизм Гуарама: он дарил землю братьям и своему армянскому шурину; он передал Клдекари, главную крепость Триалети, феодалу Липариту Багвашу под суверенитетом будущего Давита I *куропалата* (своего племянника и сына Баграта). Таким образом, Липарит Багваш, который уже владел Аргвети на границах Абхазии и Картли, стал опасным и мощным. То, что Гуарам сделал не сына, а племянника верховным правителем Триалети, глубоко оскорбило старшего сына, Насри. Сам Гуарам, очень набожный, отрекся от всего, что выиграл или отыграл у соседей. Он постригся в монахи, ничего не завещав Насри, который в 881 году попытался захватить Триалети и убить своего двоюродного брата Давита I *куропалата*. (Младший сын Гуарама *мампали* умер до отца, а дочь Гуарама вышла замуж за абхазского самозванца Адарнасэ, а потом за абхазского царя Баграта I, казнившего ее первого мужа.)

Из сыновей Ашота Великого первым умер старший, *ериставт-еристави* Адарнасэ II. Он уже заточил свою жену, дочь абхазского царя Баграта I, в монастырь, а его второй сын рано умер. Его удел Тао-Кларджети перешел к двум еще живым сыновьям, Гургену I (таоскому *куропалату*, после того как в 881 г. Насри убил старшего сына Баграта Давита I) и Сумбату, который взял в свои руки Кларджети.

Гурген I *куропалат* управлял Тао всего десять лет: он умер в 891 году от ран, сразившись со своим двоюродным братом (сыном Давита I), Адарнасэ IV, который сам тогда стал *куропалатом*. До этого Византия считала Адарнасэ слишком молодым, чтобы властвовать. Смертельная ссора Гургена и Адарнасэ была неожиданна: раньше Гурген поддерживал Адарнасэ, и вместе с армянским царем Ашотом они захватили и казнили Насри, убийцу Давита *куропалата*. (Насри сам рисковал жизнью, вернувшись из византийского политического убежища, потому что надеялся на абхазскую поддержку, чтобы отвоевать свои картлийские земли – ведь царь Баграт I приходился ему зятем.) Адарнасэ IV оскорбил Гургена *куропалата* тем, что, подражая армянскому царю Ширака, он присвоил себе царский титул.

Женившись на дочери армянского царя Смбата VIII Багратуна, за десять лет своего правления Гурген смог расширить свои владения. Благодаря счастливому браку сыновья Гургена считались как по отцовской, так и по материнской линии Багратидами, но этой таоской багратидской династии суждено было закончиться через два поколения. Один сын Гургена I, великий князь Ашот *Кухи* («неспелый»), который умер в 918 году, прославился тем, что построил замечательную церковь в Тбети. Там до сих пор стоит его статуя-монолит. Он заказал у Степанэ Тбетского прекрасное житие *Мученичество Микаэла Гоброна.* Заслуга

другого сына Гургена, великого князя Адарнасэ III, в том, что его сын Гурген II Великий, который унаследовал престол от Ашота *Кухи* в 918 г., напал на своих двоюродных братьев и зятя и захватил бо2льшую часть Тао, Кларджети и Джавахети, что дало ему возможность финансировать постройку собора Хандзта. Гурген II умер в 941 году: его вдова оказалась первой, и последней, грузинской царицей-воеводой: она довела до конца завоевание своего родного города Артануджи, но ее девери и зятья отобрали у нее Артануджи, и потомство Гургена II выродилось.

После казни Насри в 888 году и смерти Гургена I в 891 году Византия признала Адарнасэ IV *куропалатом*. Присвоив территорию Гуарама, он провозгласил себя царем и Картли, и Тао-Кларджети, то есть фактически всей Южной и Восточной Грузии. После того как Тао, совместно с Арменией, напали на закавказского арабского *вали*, армянский царь Смбат I в 899 году венчал Адарнасэ IV на царство. Затем оба царя напали на абхазского царя Костанти III, состязаясь в стремлении отхватить у Костанти как можно больше картлийской территории. Их союз развалился, когда растущее влияние Адарнасэ внушило Смбату столько подозрений, что он освободил пленного царя Костанти. В конце концов жадным и безжалостным союзникам пришлось дорого поплатиться. В 914 году сажидский захватчик Абул Касим, совершив набег из Азербайджана, захватил царя Смбата и замучил его, по всей вероятности по просьбе Адарнасэ IV. Затем Абул Касим выгнал царя Адарнасэ из Картли, несмотря на то что раньше Адарнасэ помог Абулу изгнать оттуда Костанти III. Адарнасэ IV опять оказался правителем одной лишь Тао, хотя византийцы позволили ему расширить Таоскую провинцию на юг, почти до Эрзурума. До смерти в 923 году Адарнасэ IV спасался, занимаясь строительством бесчисленных церквей.

Давит II, старший сын и наследник Адарнасэ, претендовал на царское звание, хотя византийцы признавали его даже не *куропалатом*, а *магистром*: его власть простиралась только на Нижнюю Тао и на Джавахети. Младший брат Ашот II стал *куропалатом* и владел Кларджети, где он превратил монастыри Хандзта и Опиза в знаменитые скриптории[44]. Когда в 937 году Давит II умер, Тао-Кларджети и претензии на часть Картли перешли к брату, Сумбату I, ставшему *куропалатом* только в последний год жизни, после смерти Ашота II в 954 году. В 958 году Баграт II, сын Сумбата I, унаследовал все отцовские титулы, кроме куропалатства: когда он пришел к власти, ему был только 21 год, и всю жизнь его звали Баграт *Регвени* («простодушный»).

Вместо Баграта *куропалатом* стал его двоюродный брат Давит III Таоский (внук Ашота II и правнук Адарнасэ IV). Рожденный в 930-х годах, Давит III унаследовал в 966 году таоский престол от «простодушного» Баграта, стремительно поднялся из незначительной ветки багратидского племени и стал славным Давитом Великим, благодаря своим войскам, которые выручили грозного императора Василия II Болгаробойцу и отвоевали византийскую Анатолию у восставшего генерала Варды Склира. Вместе с армянско-византийским генералом Вардой Фокой император Василий с трудом выманил грузинского *иеростратига* (монаха-военного) Иоанэ Торникэ из иберийского монастыря на Афоне, чтобы тот убедил Давита III, что Варда Склир представляет смертельную опасность не только для империи, но и для Южной Грузии. Генерал Варда Фока, Давит III, Иоанэ Торнике и Пери Джоджик, во главе двенадцатитысячной грузинской конницы, а также византийской и армянской пехоты, разгромили Варду Склира в Панкалийской битве (недалеко от сегодняшнего Кайсери), заставив его искать спасения у мусульман. (Надписи древесным углем на стенах церкви Зарзма в Самцхе гласят, что церковь построена Давитом III, но строителей забрали сражаться с Вардой Склиром.) Благодарные византийцы поэтому признали Давита III *куропалатом*, и император пожаловал ему пожизненное, если не наследственное владение «верхними зем-

[44] *Djobadze W.* Early Medieval Georgian Monasteries in historic Tao, Klarjeti and Shavsheti. Stuttgart, 1992.

лями» – то есть Южной Тао вплоть до Карну-Калаки (сегодняшнего Эрзурума) и до источников Евфрата, Аракса и Чороха. Иоанэ Торнике император разрешил оставить за собой и передать иберийскому монастырю на Афоне все то, что он награбил в этих «верхних землях».

К несчастью, Давит возобновил союз с генералом Вардой Фокой именно тогда, когда тот сам поднял восстание против императора (в начале Фока сотрудничал с бывшим врагом Склиром, а потом заточил своего союзника в тюрьму и действовал один). Очень скоро Варда Фока завоевал всю анатолийскую часть Византии: поэтому Давиту III показалось разумным вступить в союз с Фокой и послать ему 10000 солдат. В 989 году Фока потерпел поражение, и его союзников ожидала месть императора Василия. Давит III спасся, дав императору клятву, что после смерти завещает все свои владения Византийской империи. До сих пор не ясно, завещал ли он только ту Верхнюю Тао (включая армянские княжества и мусульманские эмираты до озера Ван и реки Аракс), которую благодарная Византийская империя уступила ему, или Василий II толковал это обещанное завещание как возврат всей Тао-Кларджети в империю после смерти Давита. (Может быть, это «завещание», которое упоминает только один арабский историк XI века, Яхья Антиохийский, но о котором умалчивают армянские и грузинские летописцы, является фальсификацией.) В любом случае, будто закрепляя сделку, в 990 году Василий II еще раз пожаловал Давиту *куропалатство*.

Пока он еще владел и Верхней, и Нижней Тао, Давит III богател от пошлин на торговый путь, пролегающий через его земли из Армении в Трабзон. Доходы он тратил на города, крепости, монастыри и церкви, например Ишхани, Ошки, Тбети. Почти на каждой горе в сегодняшней турецкой провинции Артвин есть развалины собора или монастыря, построенных Давитом III. Археологи считают, что в Тао-Кларджети, на общей территории площадью 10000 квадратных километров, до 1000 года было построено около 300 церквей, монастырей и крепостей, не говоря уже о бесчисленных мостах, больницах и караван-сараях, которые почти бесследно исчезли[45]. Каменщики у Давита были настоящими мастерами, строившими стены так, что не было видно скрепляющего их цемента. Знаменитая церковь Ошки была подобием константинопольской Айя-Софии в миниатюре, не только архитектурой (новой формы *триконха*) и материалами (алебастровыми окнами), но и использованными ресурсами: судя по надписям, на стройку ушло целых десять лет и она обходилась ежегодно в 20000 драхм, 5000 амфор с вином, 250 телег с зерном; в работе участвовало 70 каменщиков и кузнецов, 80 чернорабочих, 30 волов и 30 ишаков[46]. К таким соборам, как Ошки, пристраивали семинарии, где готовили ученых монахов. Тао-Кларджети стала духовным центром Грузии, у нее появилось собственное Министерство иностранных дел: например, в 937 году ишханского архиепископа Степанэ помазали не в грузинской церковной столице Мцхета, а в Трабзоне. К 950 году, когда грузинские монашеские центры за рубежом получили не только всегрузинское, но и мировое культурное значение для православных, Иоанэ и Эквтимэ основали Иверский монастырь на Афоне. Именно оттуда Давит III заказывал переводы главных греческих религиозных текстов на грузинский.

Давит сделал Артануджи (сегодняшний город Ардануч, в тридцати километрах на восток от Артвина) настоящей столицей. Со времен Сасанидов, он стал первым грузинским правителем, который чеканил монеты (на аверсе было написано «Христе, помилуй Давита», на реверсе были изображены крест и инициалы Давита *куропалата*). Наконец Давит завершил процесс объединения Грузии, но нечаянно. Так как детей у него не было, он посоветовался с влиятельным картлийским феодалом Иоанэ Марушидзе, который, как и Давит, мечтал о единой Грузии. Марушидзе убедил Давита, что тот должен найти наследника и для

[45] *Djobadze W.* Op. cit.

[46] Ibid.

себя, и для Внутренней (*шида*) Картли, не то страна будет раздроблена феодальной знатью и соперничающими государствами, Абхазией, Кахетией или Тбилисским эмиратом. В 975 году Давит III усыновил своего племянника, пятнадцатилетнего Баграта, будущего царя Баграта III. Молодой Баграт был сыном Гургена (который сам в 994 году провозгласит себя «царем царей», *мепет-мепе*); его матерью была Гурандухт, княгиня Абхазская; деды – абхазский царь Гиорги II и Баграт II Простодушный, который был еще жив и являлся титулованным картлийским царем и правителем Северной Тао. Давит увез молодого Баграта вместе с его родителями Гургеном и Гурандухт в крепость Уплисцихе, которую осаждали кахетинцы. Кахетинцам стало ясно, что вся Западная и Южная Грузия объединились против них: и они покорно приняли объявление Давита, что Баграт «есть наследник Тао, Картли и Абхазии, сын, воспитанный мною, а я являюсь его руководителем и помощником», и отступили в Кахетию. Но через некоторое время картлийские и кахетинские феодалы еще раз заняли Уплисцихе и увезли Баграта, Гургена и Гурандухт в Кахетию. Давиту пришлось вернуться и принять решительные меры. Уже в 980 году молодой Баграт вел свои войска через перевалы в Северо-Западную Картли: на битве Могриси он разгромил содружество *азнауров*, которыми руководил Кавтар Тбели, известный буйным своеволием. Часть *азнауров* погибла, часть сбежала, остальных лишили доходных уделов и мест. Баграт назначил других, более верных феодалов правителями Картли, освободил мать от царских обязанностей в Уплисцихе и увез ее с собой в Кутаиси.

Давит действовал так решительно, чтобы Баграт смог унаследовать и абхазский престол. По матери Гурандухт молодой Баграт приходился племянником и наследником слепому и бездетному абхазскому царю Теодоси III. В 975 году, пока Теодоси еще был жив, Давит пригласил армянского царя Смбата Багратуна сопровождать его, Баграта и Гурандухт в Кутаиси, где Баграта торжественно помазали на абхазское царство (хотя Теодоси не переставал называться царем, его сослали в Тао на три еще остававших ему года).

Баграт оказался не по летам прозорливым и беспощадным до такой степени, что Давит жалел, что усыновил его. В 989 году Давит даже подозревал, что Баграт, теперь уже тридцатилетний абхазский царь, замышлял нашествие на Тао и убийство приемного отца. Мнительного Давита успокоило только личное уверение Баграта, что на самом деле тот посылал армию не в Тао, а в Картли, чтобы осадить крепость Клдекари и покорить мятежного феодала Рати (сына бедокура Липарита). В любом случае Давит уже принял меры и разгромил армию, посланную в Клдекари Гургеном (настоящим отцом Баграта): на несчастного Гургена набросились собственный отец (Баграт II) и брат, и ему пришлось искать убежища в крепости Шхепи в Эгриси. Не зря Давит подозревал молодого Баграта в измене: Баграт вел свою армию не на восток, а на запад (чтобы обмануть Рати, объяснял он): возможно, что император Василий II подкупил Баграта, чтобы наказать Давита за предательство в отношении империи. Однако Рати Багваш сконцентрировал столько власти в Центральной Картли, что серьезно угрожал соседям. Баграт закончил тем, что обессилил племя Багвашей, пусть и ненадолго, сослав Рати с семьей в родную провинцию Аргвети. Вместо Рати, Баграт назначил верного Звиада Марушиани князем Триалети.

Баграт II, дед молодого Баграта III, помог Давиту III и армянским войскам лишить курдских и азербайджанских эмиров своих владений. Даже подчинившись императору Василию, Давит III продолжал с жадностью расширять свое княжество, изгоняя мусульман (особенно только что пришедших тюркских кочевников) и заселяя освобожденную территорию грузинами и армянами. Он не брезговал никакими средствами: при осаде Хлата, города с армянским населением, но под мусульманской властью, Давит превратил армянскую церковь в конюшню и штаб: даже мусульманские власти были оскорблены, услышав, что Давит считал, что монофизитская церковь не лучше, чем мечеть. Тем не менее с армянскими князьями, их соперниками и наследниками Давит III сумел поддерживать хорошие отношения и часто

выступал посредником. Например, в 980 году, когда царь Смбат из Ани попытался захватить Карс у племянника Мушега, Давит с миротворческими войсками вмешался в конфликт.

В конце концов завещание-обещание, данное раскаявшимся Давитом императору Василию II, погубило его. Накануне Страстной пятницы 1000 (или 1001) года заговорщики отравили царскую чашу вина для причастия. Кто бы ни нанял убийц – Василий II, Баграт II или даже обозлившаяся картлийская знать, – им надоело дожидаться, когда они завладеют территорией или престолом, завещанным Давитом III. Как только император Василий, зимовавший с армией в Тарсусе, узнал, что Давит умер, он проехал всю Восточную Анатолию, чтобы взять в руки свое «наследство», то есть бо2льшую часть Тао. Грузинская и армянская знать сдалась византийцам, но только после кровопролитной ссоры с 6000 русских (тогда известных как «варяги»), наемников византийцев, которые убили тридцать грузинских феодалов за украденный фураж.

Завещание Давита III в пользу императора Василия было оспорено Багратом II, но император уступил обделенному наследнику – приемному сыну лишь титул *куропалата*. Отец Баграта Гурген, *магистр* в Северной Тао, попытался отнять у императора захваченную территорию: в 994 году, за шесть лет до убийства Давита, Гурген *магистр*, будучи наследником Баграта Простодушного, до того зазнался, что провозгласил себя «царем»; Гурген еще решил назначить себя регентом своего сына Баграта в Картли, а когда Баграт стал в 978 году абхазским царем, Гурген вел себя, как будто он уже соправитель Картли, конфликтуя с необузданной картлийской знатью. Гургеном двигало оскорбленное самолюбие: он не мог забыть унижения, которое ему нанесла Византия, произведя его сына Баграта в *куропалаты,* а его назначив всего лишь *магистром*, и в 1001 году он спровоцировал византийцев, осадив Олтиси, но был отбит генералом Никифором Ураном. К несчастью, таоские феодалы, среди которых был Пери Джоджик, любимый генерал Давита III, связали свою судьбу с византийцами, которые наградили их имперскими землями и чинами; к тому же мусульманские эмиры, например Мумадид ал-Даула из Апахуника, который сильно пострадал от нападок Давита, тоже поддерживали византийцев против Гургена. Конфликт кончился тем, что император Василий занял крепость Хавачичи в Южной Тао, куда он вызвал Гургена. Император уступил символическую территорию и восстановил на десять лет мир между Византией и обиженными грузинами.

Сам Баграт терпеливо ждал, пока его отец Гурген не умер в 1008 году, и только тогда провозгласил себя царем Западной и Центральной Грузии – Картли, Тао-Кларджети, Абхазии-Эгриси. За это время Тао-Кларджети расцветала, благодаря византийской оккупации: Василий II опекал города и церкви, например заплатив вместе с братом Константином VIII за новую крышу для собора в Ошки. К тому же императоры охотно назначали грузин и армян, например самого Пери Джоджика, губернаторами вновь присоединенных земель.

После смерти Гургена в 1008 году никто не оспаривал прав Баграта III на престолы Тао-Кларджети, Картли или Абхазии. Идея объединенной Грузии показалась осуществимой. Кахетия и Эрети неизбежно в конце концов сдадутся, и только тбилисский эмират еще влачил существование. (С 970 года было еще одно маленькое царство, Лоре, или Ташир-Дзордзоргети, на границе Армении и Южной Картли: там правила династия Квирикэ I, как назвал себя некий Гурген, сын ширакского царя Ашота III. Лоре удалось отхватить часть Тбилисского эмирата и даже чеканить свои монеты, но ее политика зависела целиком от Давита III в Тао и от следующих всегрузинских царей, и через сто лет Лоре влилась в единое Грузинское царство.)

Точно так же, как сегодня Китай терпит Гонконг, несмотря на напоминания, как страну унижали иностранцы, так и грузинские цари терпели Тбилисский эмират, хотя власть халифата давно ослабла. Арабские путешественники с восхищением вспоминают эмират, особенно под властью джафаритских эмиров 880-х годов с гораздо более передовыми, чем в

любой другой стране Закавказья, правосудием, полицией, чиновничеством, таможней, блюстителями нравственности и городским управлением. Важность Тбилиси как центра торговли перевешивала неловкость оттого, что бывшая столица страны все еще находилась под чужой властью. Город удивительно быстро оправился после того, как Буга Турок перебил половину населения. К 1000 году население Тбилиси составляло около ста тысяч человек, почти столько же, сколько в Париже или Самарканде. Его «лимонообразные» бани подогревались горячими источниками; через Куру был переброшен понтонный мост; эмир чеканил серебряные дирхамы, которые находились в обращении по всей Грузии. Судя по надписям на стенах, отмечающим нашествие Буги Турка, христианский собор все-таки остался открытым. На левом берегу Куры жила мусульманская знать со своей крепостью; на правом берегу – грузинские мещане со старшинами и собором. Для торговцев X века недостатками Тбилиси были ужасные дороги в Картли и в Армении, по которым приходилось проезжать земли неверных, пока не доберешься до этого островка суннийского мусульманства[47], и встречи на улицах с женщинами без вуали и без сопровождения. Ибн Хаукаль – арабский географ и путешественник X века из Багдада – так описывает свое пребывание в 977 году[48]: «В Тифлисе – плавучие мельницы, на которых мелют пшеницу и зерновой хлеб. Жители Тифлиса отличаются радушием и очень пекутся о безопасности иностранцев, они питают дружеское расположение ко всякому, пришедшему к ним случайно… Они придерживаются веры приверженцев сунны… Тифлис, в отличие от Армении, целиком мусульманский город… Гость не может провести ни одной ночи дома [*так щедро гостеприимство*]». В любом случае Баграт III и его наследники еще не были в состоянии завоевать эмират, несмотря на то что халифат в Багдаде уже не интересовался этим аванпостом. Арабский Тбилиси был не только источником коммерческого процветания, он служил защитой против притязаний картлийской знати, например Багвашей. К тому же нападение на эмират могло повлечь за собой стычку с другими мусульманскими эмиратами, с которыми Грузия была не в силах воевать.

[47] СМОМПК 29, 1–73.

[48] СМОМПК 38, 1–130.

5
Объединение

Новое десятилетие в Грузии с самого начала обнадеживало всех: десять мирных лет, энергичный, молодой, неоспоримо законный царь, вновь обустроенные города, процветающие сельское хозяйство и культура. Народы Грузии, по-видимому, одобряли единое самодержавие. Язык обогащался арабскими и армянскими заимствованиями: *калаки* (город), *убани* (пригород), вытеснили старое *цихе (*крепость), отражая ускоренный процесс урбанизации. Города, раньше центры для паломников или беженцев, становились центрами торговли и ремесел. Купцы объединялись в гильдии под руководством *вачартухуцеси* (главного купца). Возникли новые города: на юге Ахалкалаки и Ахалцихе («новый город», «новая крепость»); на востоке – Телави. В Абхазии-Эгриси старые столицы, например Цихегуджи, уступали место Кутаиси, Сухуму (тогда Цхум) и Анакопии. Развивалась новая промышленность: Тбилиси и Рустави прославились стеклом и глазурью; крепость Дманиси превратилась в фабричный город, производящий стекло, сырой шелк и ткани. Нижняя Картли, Сванетия и Аджария славились чугуном и булатом. Благодаря арабам, которые ввели *гутани*, глубокорежущую железную соху, которую тянули восемь или даже шестнадцать волов, крестьянам приходилось сообща владеть тягловым скотом (*гутани* пахали в Грузии до середины XIX века). Крестьяне также занимались шелководством, одевая господ, или пчеловодством, производя церковные свечи и мед. Феодализм пускал глубокие корни, личная свобода низших слоев ослабевала, производство росло. Политическая и экономическая стабильность, новые центры для молитвы и науки, не говоря уж о доходных земельных участках, принадлежащих церкви, привлекали грузинских монахов и ученых с Афона, Синая, из Антиохии и Иерусалима на родину, где они слагали гимны и жития. В Кутаиси Баграт III чеканил монеты, которые провозглашали его политические цели: на аверсе было написано по-грузински «Христос, возвеличь Баграта, абхазского царя» и по-арабски «Нет Бога, кроме единого Бога», а на решке «Мухаммед пророк Бога»[49].

Баграт начал царствование с усмирения таких мятежников, как Рати Багваша. Баграта поддерживали не только мать Гурандухт, вдовствующая царица Абхазии, но и картлийский князь Звиад Марушиани (феодалы Марушиани, в отличие от остальной картлийской знати, одобряли централизованную монархию: именно Иоанэ Марушисдзе убедил таоского царя Давита III усыновить Баграта и таким образом объединить две главных царских семьи). Ключевым помощником царя оказался им же в 1001 году назначенный патриарх всей Грузии, Мелхиседек I, который заменил иберийского католикоса Симеона III. Баграт решил, что церковной столицей будет Бедия в Абхазии, но все-таки, как только страна успокоилась, разрешил Мелхиседеку в 1011 году восстановить патриархию в ее первоначальном центре Мцхете. Затем Мелхиседек поехал в Константинополь, чтобы еще раз утвердить автокефалию грузинской церкви, символом чего явилась реконструкция церкви Живого Столпа в Мцхете[50]. (Эта поездка, вероятно, состоялась около 1022 года, когда на время утих конфликт между императором Василием II и грузинским царем Гиорги I.) Баграт заказал постройку еще нескольких церквей, в особенности чуда средневековой архитектуры – Никорцминды в Раче. В Кутаиси он построил царский дворец, а новый собор на правом берегу Риони стал самым великолепным зданием Грузии. Длиной в сорок пять метров и шириной в тридцать

---

[49] *Pakhomov E.A.* Monety Gruzii. Tbilisi, 1970; *Lang D.* M. Studies in the Numismatic History of Georgia // Transcaucasia. N. Y.: The American Numismatic Society, CXXX, 1955.

[50] *Какабадзе С.С.* Грузинские документы в собрании ленинградского отдела Института востоковедения. М., 1987, № 6 (Дотации Мелхиседека и императора Василия Мцхете).

пять он представлял собой увеличенную копию церкви в Ошки, построенную таоским царем Давитом III. (Это здание является первым в Закавказье, где год постройки отмечен арабскими цифрами.) На торжественное открытие собора приехали многочисленные грузинские и иностранные знаменитости. На камнях фундамента есть только имена Баграта и Гурандухт, хотя еще одна надпись просит, чтобы Христос «много увеличил могущество Баграта», и упоминает всю его ближайшую родню. Мы также видим только имена Баграта и Гурандухт на золотом алтарном потире, подаренном патриаршему собору в Бедии.

После смерти Гургена *магистра* Баграт продолжил дело объединения, вторгнувшись в Кахетию и Эрети. (Вполне возможно, что он уже предпринял попытку вторжения в 1003 году, так как рукопись этого года из Шаори близ Ткибули кончается колофоном, отмечающим, что именно в этом году разорили Кахетию.) Но первый раз Баграт воевал в 1010 году против кахетинского хорепископа Давита; через год Давит умер, и хорепископом стал Квирикэ III Великий, который провозгласил себя царем Кахетии и Эрети. (В монастыре Зедазени есть барельеф, изображающий Квирикэ III, заключающего мирный договор с осетинским правителем Урдурэ.) Штаб Баграта находился в Мцхете; кахетинцы сдавали крепость за крепостью, но два года отбивались от Баграта III, пока не признали его суверенитета. (У Квирикэ III Баграт все-таки не отнимал царского титула.) Арранский (кавказско-албанский) эмир Фадл I ибн Мухаммад, увидев бедственное положение Кахетии и Эрети, напал с востока, но Баграт вместе с армянским царем Гагиком I завоевал Шамкор, столицу эмира, и сделал его своим вассалом.

Баграт III отличался беспощадностью, энергией и везением. Даже когда бушевала война с Кахетией, он улучил время, чтобы съездить в свою таоскую крепость Панаскерти, куда вызвал двух своих троюродных братьев, кларджетских князей Сумбата и Гургена, для «совещания». В Панаскерти братьев с детьми арестовали, перевезли за сто пятьдесят километров через горы и заточили в Тмогви – новой крепости на верхней Куре. Сын Сумбата, Баграт, и сын Гургена, Деметрэ, сбежали к византийцам, а самих Сумбата и Гургена умертвили. После искоренения кларджетских Багратидов у наследников Баграта больше не было соперников. На всякий случай Баграт потом заказал себе родословную «Диван абхазских царей», доказывающую, что он – законный наследник трехсотлетнего абхазского царского рода Анчба. Следующее его сочинение было «Свод законов Баграта», который впервые составил список всех преступлений против личности, от оскорбления до убийства, и денежной кары за каждое преступление. (Из всех царей по имени Баграт от 1000 до 1400 г. именно Баграт III считается вероятным заказчиком этого свода.)

Баграту было всего пятьдесят два года, когда 7 мая 1014 года он умер именно в Панаскерти, куда заманил своих обреченных троюродных братьев. Верный придворный Звиад Марушиани увез его тело на север, чтобы похоронить Баграта в Бедийском соборе. О семье Баграта мы знаем мало. О жене Марте, которая играла меньшую роль в правлении, чем его мать Гурандухт, мы знаем только, что она родила ему двух сыновей, наследника Гиорги I и Басилэ и что она, вероятно, умерла раньше мужа. За короткое время Баграт достиг большего, чем даже Вахтанг Горгасали пятьюстами годами ранее. Грузия наконец стала единой, с сильной центральной властью и свободной от иностранного господства. Конечно, Баграт свершил этот подвиг только благодаря тому, что Византийская империя была озабочена болгарской угрозой и что новая волна тюркских кочевников отвоевывала халифат у арабов.

Гиорги I, как и его отец, был ребенком, когда пришел к власти (в средневековой Грузии шестнадцатилетний подросток считался взрослым). Как только Баграт III умер, царство его стало расшатываться: Квирикэ III опять объявил себя суверенным царем Кахетии и Эрети, хотя продолжал поддерживать остальную Грузию против внешних врагов. Гиорги начал неудачно, поссорившись с советником отца Звиадом Марушиани и арестовав его. Поэтому мятежные Багваши опять подняли голову. Хотя Гиорги вернул Триалети Липариту (внуку

того Липарита, которого Баграт лишил этого удела), молодой Багваш сбросил маску преданного феодала и проявил наследственные жадность и честолюбие.

Вступив на престол, Гиорги нанес внешнему врагу удар в самой уязвимой точке, в Южной Тао. Четыре года подряд он побеждал, отвоевывая у византийцев ранее уступленные им крепости. Но в 1018 году император Василий II уже подавил болгар и смог предъявить грузинам ультиматум. Гиорги отказался от переговоров: он завербовал египетского Фатимида султана ал-Хакима, который взялся атаковать византийцев на море и на суше. Но султан скоропостижно умер, и атака не состоялась. Затем Гиорги обратился к армянскому царю Гагику, которого, вместе с другими армянскими царями, византийцы в 960-х годах тоже лишили территории. Гиорги был тесно связан с Арменией: его первая жена Мариам была дочерью царя Сенекерима II Арцруна из Васпуракана, и он дружил с ширакским царем Ованэ-Смбатом, который был обязан своим престолом грузинскому посредничеству.

Наконец, в 1021 году император Василий собрал огромную армию, чтобы овладеть всей территорией, когда-то принадлежавшей таоскому Давиту. Нападение застало Гиорги врасплох: от первой конфронтации в Басиани (в Южной Тао) он отступил в крепость Олтиси, которую поджег, чтобы византийцы не могли ею воспользоваться. Потом император разгромил тыл грузинской армии у озера Чылдыр и гнал грузин вплоть до Триалети, сжигая и грабя все по пути. В Триалети, с кахетинской поддержкой, армия Гиорги смогла сплотиться. Император заставил армянских союзников Гиорги сдаться: Ованэ-Смбат дал византийцам клятву верности, а Сенекерим завещал свое царство империи, взамен назначения губернатором своего бывшего царства. Тем не менее Василий II временно отступил, чтобы перезимовать в Трабзоне на берегу моря.

Весной следующего года византийский флот штурмовал грузинские гавани на Черном море: Гиорги согласился на мирный договор. Ему показалось, что он будет спасен неожиданным переворотом: Никифор, сын мятежника Варды Фоки, с помощью грузинского генерала Андроникэ (который приходился Гиорги шурином, а Пери Джоджику, генералу Давита III, – сыном) организовал заговор против императора. Заговорщиков предали и казнили, и Василий воевал дальше, захватив у Гиорги не только Тао, но и Кларджети, Колу и Джавахети. Византийцы объединили эти провинции вместе с захваченными армянскими землями в новую Иберийскую провинцию и назначили наместником императорского губернатора (правда, грузина по происхождению). Затем Гиорги потерял сына: трехлетнего наследника Баграта, рожденного ему Мариам, взяли заложником на три года в Константинополь.

В 1024 году Гиорги еще раз попытался отобрать потерянную территорию. На этот раз он воспользовался дипломатическими средствами, но вдруг заподозрил в двурушничестве своего уполномоченного, епископа Закарэ Валашкертели, и запретил ему возвращаться из Константинополя. (Закарэ в ссылке занимался заказами рукописей для грузинских церквей.) Затем Гиорги прибег к военным мерам. С помощью византийского губернатора Васпуракана Никифора Комнина, чьи родственники вскоре узурпируют византийский престол, Гиорги отвоевал Триалети и Джавахети. Василий II умер в 1025 году, и его брат Константин VIII сразу выслал карательную экспедицию. Константин прозевал, однако, похищение молодого заложника Баграта, которого грузинские посланники тайно забрали домой. Гиорги еще не исполнилось тридцати лет, когда 16 августа 1027 года он неожиданно умер во время этой затяжной войны. Грузия оказалась беззащитной: враги нарушали границы, а запутанная семейная жизнь Гиорги осложнила престолонаследие. Судя по всему, он развелся с Мариам, которая родила ему одного сына и трех дочерей (из этих дочерей одна, Гурандухт, стала наложницей похотливого императора Константина IX Мономаха). Сама Мариам стала игуменьей, когда Гиорги женился на осетинской княжне, Алдэ, которой он подарил дворец в Анакопии на берегу моря. Алдэ, как член осетинской царской семьи, вряд ли была простой наложницей: византийские летописцы считают ее дочерью союзника империи, кото-

рой император определил уделом Анакопию, так как по завещанию Гиорги она была совершенно обездолена. Алдэ родила Гиорги сына Деметрэ, которого феодальная знать выдвинет на престол в попытке свергнуть следующего царя, Баграта IV.

Когда Баграт IV унаследовал престол, его мать Мариам вышла из монастыря, чтобы помогать ему и давать советы. Как его отец и дед, Баграт IV начал царствовать еще мальчиком. Его помазали в великолепном таоском соборе Бана[51], построенном Адарнасэ в конце 800-х годов именно для царских коронаций и похорон. Как и дед, но в отличие от отца Баграт мог доверяться матери, способной давать деловые советы: она была и дочерью, и вдовой царей. Мариам оказалась незаурядной советчицей и дипломатом, легко справляясь с феодалами, особенно с Липаритом IV Багвашем, с которым на время ей приходилось делить регентство над мальчиком-царем. Как игуменья, она владела греческим так же свободно, как грузинским и армянским. Она продемонстрировала свои таланты в 1028 году, когда император Роман III напал на Тао и некоторые феодалы и епископы перебежали к византийцам, как и крестьяне, с которыми Византия обращалась намного мягче, чем грузинская знать. (В Кларджети те Багратиды, которых Баграт IV лишил земель, но не успел убить, в особенности Деметрэ Кларджи, который претендовал на престол, естественно, поддерживали византийцев.) Из знати лишь немногие, например Эзра Анчели да Саба из Тбети, остались верными Баграту IV. Императорскую армию остановил Липарит IV в Триалети, а полностью поразил Саба из Тбети в Шавшети. Именно Мариам с регентами добились перемирия: она пригласила всеми уважаемого игумена Гиорги Мтацминдели, который покинул Афон и собрался приехать в Грузию похлопотать о перемирии (и вдобавок преобразовать грузинскую церковь).

Вооруженные стычки помешали приезду Гиорги Мтацминдели, но в 1031 году Мариам сама поехала в Константинополь, чтобы лично договориться о мире с Романом III Аргиром. Ей это удалось блестящим образом: наступил мир, император пожаловал Баграту IV *куропалатство*, и Мариам вернулась домой с гарантией долговечного мира, с девушкой-невестой для сына, Еленой, племянницей Романа. Как только Мариам с Еленой высадились на берег Грузии, императорскую племянницу и молодого царя обвенчали в том же соборе, Бана, где четыре года тому назад его короновали.

К несчастью, через несколько месяцев невеста заболела и умерла. Византийцам больше незачем было дружить с Грузией. Императорский флот захватил Анакопию, где жил Деметрэ, сводный брат Баграта IV, с матерью, осетинской княгиней Алдэ. Деметрэ с Алдэ (которые, вероятно, боялись – не без причины, – что Мариам и Баграт лишат их жизни) привезли в Константинополь, где они стали марионеточной второй грузинской царской семьей. В последующие двадцать лет византийский двор избегал открытых конфликтов с Грузией, но поощрал всякие заговоры с феодалами, заинтересованными в свержении Баграта IV.

Молодой Баграт IV скоро опять женился, на этот раз на Борене, сестре будущего осетинского царя Дорголела. Борена родила ему наследника, будущего Гиорги II, и дочь, которая будет оберегать Грузию от византийских претензий, выйдя замуж (под именем Марии Аланской[52]) за императора Михаила VII Дуку. Два стратегических брака, Баграта IV, а потом Марты, вселили в грузин новый оптимизм: в 1032 году церковь Ишхани, построенная в 650 году беглым армянским патриархом-диофизитом Нерсесом III, и расширенная грузинами в 830 и 954 годах, превратилась в настоящий собор, как и тбетская церковь, знаменитая своей суровой каменной скульптурой, изображающей кларджетского Ашота Великого.

---

[51] *Djobadze W.* Early Medieval Georgian Monasteries in historic Tao, Klarjeti and Shavsheti. Stuttgart, 1992.

[52] *Garland L., Rapp Jr. S.H.* Mary of Alania: woman and empress between two worlds // Byzantine Women: varieties of experience / Ed. L. Garland. Aldershot, 2000. P. 89–121.

Оптимизм подорвали, однако, феодальные клики. В 1032 году Липарит IV Багваш и Иване, один из пятерых братьев Абазасдзе, вторглись в Тбилисский эмират и захватили не только нового эмира Джаффара III ибн Али, но и крепость Биртвиси, которая охраняла Тбилиси с юга. Феодалы доставили пленника к Баграту и Мариам, но царь и его мать спохватились, что Липарит и Абазасдзе, ставшие слишком мощными, представляли угрозу куда как более опасную, чем просто корыстный тбилисский эмир. Царь вернул Джаффара в Тбилиси. Разъяренный Липарит в последующие двадцать пять лет сделает все от него зависящее, чтобы подорвать царствование Баграта. Липарит не сразу раскрыл свои карты: в 1037 году, когда Баграта сочли взрослым и способным командовать армией, царь с Липаритом дружно осаждали Тбилиси. Но в 1040 году, когда эмир собирался покинуть голодающий город, Баграт предложил ему мир в обмен на Парцхиси, южный аванпост эмирата. Джаффар сохранил свой эмират, а Липарит кипел от досады. Если бы он не боялся, что эмир Гянджи пришлет подкрепления в Тбилиси, Липарит ослушался бы царя и напал на эмират.

Даже в Тбилиси от мусульманства оставались лишь символические следы. На аверсе монет Баграта IV мы видим Богородицу с греческой надписью, а на решке уже нет арабской надписи: есть только грузинские инициалы, хотя в искаженной форме, что подразумевает, что на монетном дворе еще работали арабские мастера. Баграту IV было выгодно приберечь послушный мусульманский эмират, так как с помощью тбилисского эмира легче было запугивать Кахетию и Эрети. В 1040 году он сжег укрепленный дворец Бододжи в верхней долине Иори: усыновленный наследник Квирикэ III, Гагик (ц. 1039–1058), назначил Бододжи своей столицей. Кахетинцам пришлось сделать Телави на реке Алазани своей новой столицей. Но Липарит вдруг перебежал к кахетинцам и заставил Баграта отступить, хотя и понимал, что не может победить без византийской помощи. Чтобы угомонить буйного феодала, Баграт назначил его правителем всей Картли: но честолюбие Липарита не было удовлетворено, и завистливые братья Абазасдзе чувствовали себя обиженными.

Не достигнув цели на востоке, на юго-западе Баграт IV воспользовался небрежностью византийцев, оставивших свою иберийскую *фему* в руках наместника грузинского происхождения и войск, состоявших из местного населения. Баграт без труда отобрал у византийцев Тао, отрезав морской путь от Константинополя захватом порта Хопа. Империя ответным ударом послала Липарита-мятежника и Деметрэ-самозванца с наемными варягами[53], говорят, под командой будущего норвежского короля Харалда III Хардрады. Усиленные кахетинцами, варяги в Картли одержали победу над Багратом в Сасирети, недалеко от Каспи. (Хронология противоречит летописцам: сасиретская битва состоялась между 1045 и 1047 годами, но Харалд к тому времени, по-видимому, вернулся в Россию.) Затем Липарит вместе с Давитом, «царем» Лоре, византийцами и озлобленными грузинскими феодалами совершили попытку государственного переворота, но все развалилось: самозванец Деметрэ умер в 1042 году, и крепость Атени (на юге от Гори) отбила нападение Липарита.

Повернув на запад, Баграт опередил византийцев, захватив прибережную Анакопию, но на поле битвы ему сообщили, что умер Джаффар III, тбилисский эмир. Баграт предоставил поле битвы своему абхазскому генералу Отаго Шервашидзе (Чачба). Доскакав до Дигоми, на окраине Тбилиси, Баграт соединился с конницей тбилисских грузинских старшин: вместе они подъехали к дворцу эмира – последнему мусульманскому зданию на правом берегу Куры. Там Баграт поставил царский гарнизон. На левом же берегу мусульмане оказывали сопротивление именно тогда, когда прибыли войска Липарита, который намеревался взять Тбилиси для себя. Армии Баграта пришлось выехать из города, чтобы отбить Липарита.

---

[53] *Met'reveli R., Samushia J.* Mepet mepe Giorgi II. Tbilisi, 2003. P. 20–21 (утверждает, как и другие историки, что варяги сражались на стороне Баграта).

Липарит был неистощим: в 1047 году он добился поддержки кахетинцев, армян и византийцев и еще раз вторгся в Картли, на время поселившись в Уплисцихе, пока Баграт IV не пошел в контратаку. Липарит уже открыто принял сторону Византии, управляя всей территорией, захваченной византийцами в 1020-х годах, помогая генералу Катаколону Магистру и армянину Весту Аарону защищать иберийскую *фему* от турок-сельджуков. Баграт несказанно обрадовался, когда в 1049 году сельджуки захватили Липарита в плен. Все будто бы наладилось: после столкновения с грузинскими старшинами сыновья Джаффара III, Мансур и Абу'л-Хаиджа, были свергнуты: в 1050-х годах Тбилиси был эмиратом только номинально, а в действительности республикой. Ближайший эмир, Али бин Фадл в Гяндже, не угрожал грузинской власти ни в Тбилиси, ни в Лоре: он сам оказался лицом к лицу с сельджуками и нуждался в союзнической поддержке Баграта.

На юге Баграт наступал не вооруженной силой, а дипломатией: он отправил свою мать Мариам в Армению. Как дочь царя Сенекерима она добилась получения девяти крепостей около Ани и там оставила грузинские гарнизоны. Даже византийцы начали признавать преимущество Баграта и повысили его ранг с *куропалата* до *нобелиссимуса*. Но лавров Баграт пожать не успел: в 1051 году византийцы заплатили выкуп и сельджуки освободили Липарита, который пробрался в Грузию.

Вместе с матерью и придворными Баграт поехал в Константинополь, чтобы прояснить отношения. Пока он был в разъездах, мальчик-наследник, будущий Гиорги II, царствовал в Кутаиси. Но поездка превратилась в трехлетнее заложничество, и коварный Липарит уговорил доверчивую царицу Борену, что Баграт больше никогда не вернется. В результате Борена разрешила Липариту перевезти Гиорги в Иберию в собор Руиси, где Липарит венчал Гиорги на иберийское царство под регентством Гурандухт, сестры Баграта, и себя самого, взявшего роль дядьки нового царя. Борена, должно быть, затосковала: муж был заложником византийцев, а сын марионеткой Липарита; ей приписывают строки, написанные некой Бореной под образом Богородицы в одной сванской церкви:

> О Дева, которая смыла вину Евы, сказав Габриэлу:
> «Я есмь раба Господня», спаси меня, твою сторожевую,
> Многострадальную Борену, бродящую по земле.
> Пусть та сила ослабнет, что пили с первой кровью[54].

Византийцы, естественно, хотели, чтобы Грузия раскололась точно так же, как раскололась Армения, хотя единое сильное грузинское самодержавие против сельджукской угрозы им было бы больше на руку, чем мешанина из сварливых маленьких княжеств. К середине 1050-х годов Византия поняла, в чем состоит выгода: по просьбе Гурандухт они освободили Баграта, но при условии, что его не по чину умная мать останется еще на два-три года в Византии. Мариам ездила по святым местам и монастырям Анатолии: ее с трудом отговорили от поездки в Иерусалим, на который уже покушались сарацины. Византийцы продолжали признавать царство Баграта, к 1062 году называя его даже *севастом*. Липарит тем временем делал вид, что подчиняется: у него были влиятельные друзья среди сельджуков и греков, он решал судьбу наследника Гиорги и сам объявил себя пожизненным царем *(архонтом)* Самцхе, то есть почти всей Юго-Западной Грузии.

Судьбу Липарита предопределило именно это заявление. Местная знать в Самцхе, в особенности Сула Калмахели и его родня, возненавидела наглого выскочку. В 1058 году году Баграт без сопротивления арестовал Липарита вместе с сыновьями Иванэ и Няней, повез

---

[54] *Silogava V.* Borenas ts'arts'era-leksis garshemo // Lit'erat'uruli Sakartvelo. 2.01.1999 (доказывает, что та Борена, которая сочинила эти строки, была сванской женщиной XIII века).

их в Кутаиси и, лишив самозванца потомственного удела (Триалети), привязал к виселице. Вместо того чтобы казнить мятежника, Баграт сжалился, постриг его в монахи и сослал в Константинополь. Сыновей тоже сослали: Няня умер в Армении, Иванэ, хотя его пустили на исконные земли Багвашей в Аргвети, добровольно поехал в Византию. Из Константинополя Липарит написал Баграту, предлагая отдать царю все владения Багвашей, если только Баграт позволит сыну Иванэ опять поселиться в Грузии. Согласившись, Баграт допустил роковую ошибку.

Упрочив государство, в 1060-х годах Баграт IV мог спокойно обратить свое внимание на культуру. Сопоставление и редактирование легенд и ранних летописей, входящих в *Жизнь Картли* (главного, а иногда и единственного, источника наших сведений), были осуществлены Леонти Мровели, епископом Руиси, при несомненной поддержке царя в 1060-х годах (запись, свидетельствующая о постройке грота епископом Мровели, относится к 1066 г.). В то же время Баграту удалось заманить в Грузию с Афона престарелого Гиорги Мтацминдели, с которым теперь дружила его мать. На Афоне Гиорги превратил Иверский монастырь в такой деятельный центр науки, что завистливые греческие монахи, которые науке предпочитали пассивное созерцание или сельскохозяйственный труд, начали травить «чрезмерно эрудированных еретиков» грузин и выгонять их с Афона. Вернувшись домой, Гиорги взял на себя преобразование грузинской церкви, и Баграт послал его назад в Византию вместе с восемьюдесятью грузинскими сиротами, которые пополнили бы контингент ученых монахов. (Об этом мы узнаем из латинской редакции *Жития Гиорги*, к которой надо относиться иногда с недоверием, так как она повествует, что византийский император, всего через десять лет после раскола восточной и западной церквей, восхищается доводами Гиорги, утверждающего, что армяне – еретики, греки – в заблуждении, а римляне – единственные верные христиане.) Грузинские монахи в монастыре Святого Симона на Черной горе вблизи Антиохии тоже преследовались греками, которые доносили на них антиохскому патриарху; патриарх, однако, объявил, что такие грузины, как Гиорги Мтацминдели, являются настоящими учеными и православными. Реальным источником разлада на самом деле было то, что грузинская церковь продолжала настаивать на своей автокефалии, независимости от Антиохии, а тамошний патриарх стремился подчинить Грузию, ее царя и епископов своей власти. Гиорги Мтацминдели предъявил доказательство, что грузинская церковь искони была автокефальной, но напряжение стало невыносимым. К 1100 году грузинские монахи повально возвращались на родину, где они могли свободно трудиться и молиться. Сам Баграт проявил личный интерес к монастырю Креста в Иерусалиме. Основанный Прохором Грузином, монастырь получил в 1040-х годах щедрое пожертвование от царицы Мариам, так что он заменил древний палестинский монастырь Мар Саба: именно в монастырь Креста стремились теперь паломники, там переписывали и переводили рукописи, а после латинского завоевания в 1099 году там встречались грузинские и европейские уполномоченные.

Баграт никогда не пренебрегал военным делом: он опять начал завоевание Кахетии. Сначала он помешал кахетинцам, напавшим на Тбилиси, когда старшины города искали у соседних правителей защиты от сельджуков. Тбилисцам отказал Абул Асуар, шеддадидский курд, который владел Ани, хотя он благоволил к христианам: Абул Асуар боялся Баграта. Агсартан, кахетинский и эретский царь с 1058 года, заинтересовался судьбой Тбилиси, но Баграт подкупил его и ввел в Тбилиси собственный гарнизон и посадил своего наместника, по-арабски *шихна*. Затем Баграт объявил войну Агсартану. Испуганный Агсартан в 1064 году договорился с очередным сельджукским султаном Алп-Арсланом, принял мусульманство и ценой обрезания добился тюркской протекции.

Последние восемь лет своего царствования Баграт боролся с Алп-Арсланом. Когда сельджуки вторглись в Тао, Баграт, Мариам и вся семья только чудом избежали плена. Баграт

не успел достроить укреплений Ахалкалаки[55]: Алп-Арслан взял город, в три дня перебил или поработил обитателей и потом отступил в Армению. По условию мирного договора Алп-Арслан потребовал, чтобы Баграт IV отдал ему свою племянницу Марехи. Баграт был не против, но по матери несчастная Марехи приходилась племянницей и лорскому царю Квирикэ: тот уперся. (Квирикэ был женат на Гурандухт, сестре Баграта[56].) Раздраженный отказом шурина, Баграт послал в Лоре войска под командованием близкого помощника Вараза-Бакура Гамрекели, который уговорил лорскую знать задержать и Квирикэ, и его брата Смбата. Как Липариту, так и Квирикэ угрожали казнью: в конце концов ему пришлось в виде наказания не только отдать Алп-Арслану Марехи, но и сдать картлийцам свою северную крепость Самшвилде. (Вскоре Алп-Арслан уступил Марехи своему визирю, мудрому Низаму ал-Мулку.)

В то же время, в 1065 году, Баграт добился равно полезного и совершенно добровольного союза, отдав свою дочь Марту в Константинополь: там ее назвали Мария Аланская и выдали замуж за Михаила VII Дуку, сына Константина X. В детстве Марта вместе с отцом была заложницей в Константинополе; тогда грузинский монах Гиорги Мцире предсказал, что она вернется императрицей. На самом деле императрицей она стала дважды, так как в 1078 году после свержения и пострижения в монахи Михаила Дуки Марта вышла за его врага, Никифора III. Последнюю часть своей жизни Марта-Мария посвятила всяким козням, чтоб ее сын Константин стал императорам, и набожной благотворительности, направленной на процветание грузинских монастырей на территории Византии. Судьбы Марехи и Марты показывают, что благосостояние Грузинского царства зависело настолько же от выгодно выданных замуж дочерей и племянниц, насколько от удач царских сыновей и племянников.

В отличие от византийских императоров, однако, Алп-Арслан, если ему казалось это политически выгодно, пренебрегал семейными узами. Когда Баграт IV успешно воевал на востоке против Кахетии, Алп-Арслан вторгся с востока и оттеснил его в Картли. Алп-Арслана поддерживал не только его вассал, кахетинский Агсартан, которому уже вернули крепости в Кахетии, но почти каждый, кого Баграт когда-нибудь оскорблял: униженный Квирикэ III; ал-Фадл ибн Мухаммад, который благодаря сельджукам стал эмиром и Кавказской Албании, и Тбилиси и командовал 33000 войск. Турки и союзники глубоко проникли в Картли, причинив огромный ущерб, и дошли до Свири, всего в шестидесяти километрах от Кутаиси. Царство Баграта спасла невыносимая для Алп-Арслана невиданно лютая зима, длившаяся с 10 декабря 1068 года по февраль 1069-го. Баграт IV послал к врагам прощенного мятежника Иванэ Багваша, чтобы договориться о мире. Сначала Алп-Арслан требовал дань, но морозы так его одолели, что он уехал, не дождавшись ответа. По пути на восток он заново захватил Тбилиси и Рустави и передал их во власть эмира ал-Фадла. Постепенно Баграт отвоевал потерянное: он вторгся в Тбилиси и изгнал ал-Фадла. Несчастного эмира тогда захватил кахетинец Агсартан, который, поощренный Алп-Арсланом, перепродал эмира Баграту в обмен на несколько крепостей. В Тбилиси посадили другого, более кроткого эмира.

Теперь Баграту пришло в голову попросить подкреплений у шурина, осетинского царя Дорголела Великого: брат царицы Борены прислал через Крестовый перевал десятки тысяч осетинских конных, которые помогли Баграту ограбить Гянджу и вернуть почти все потерянные города и крепости. Баграт даже осмелился перестать платить сельджукам дань: он утолил жадность Алп-Арслана одноразовой посылкой подарков. К счастью, Алп-Арслан уже наметил более богатую добычу, Византийскую империю, и потерял интерес к закавказским победам. Торжество Алп-Арслана наступило в 1071 году, когда в ходе битвы при

---

[55] «Ахалкалакский уезд в археологическом отношении», SMOMÏK, 25. С. 1–136.

[56] *Met'reveli R., Samushia J.* Op. cit. P. 42–43.

Манцикерте он захватил в плен императора Романа IV: император умер в плену, и византийское господство в Малой Азии было обречено. 24 ноября 1072 года умер Баграт IV, уже давно болевший животом. (По иронии судьбы через три недели на берегах Амударьи Алп-Арслана заколол взбунтовавшийся военнопленный.) Баграта IV похоронили в Чкондидском монастыре. Царица Мариам пережила всех своих детей.

В восемнадцать лет наследник Гиорги II получил, как ему казалось, мирное царство и благополучный престол. К тому же Византия уже признала его *куропалатом* и сразу пожаловала титулом *нобелиссимуса*. Советники у Гиорги были превосходные, хоть и престарелые: бабушка царица Мариам и знаменитый церковник Гиорги Мтацминдели. Вплоть до середины 1073 года враги Грузии затихли: новый вождь сельджуков, Малик-шах, еще собирал силы. Но летом Гиорги прошел испытание характера: Иванэ Багваш вступил в заговор с двумя мощными феодалами – Няней Куабулисдзе и сванским князем Варданом. Бунтовщики заняли часть Картли и захватили Кутаиси, ограбив царскую казну. Армия Гиорги разгромила бунтовщиков, но Гиорги начал политику умиротворения, которую он потом продолжит, не наказывая предателей, а откупаясь от них. Естественно, Багваши еще раз восстали, на этот раз вместе с Орбелиани: опять они потерпели поражение, но им подарили две ключевые крепости в Картли – Самшвилде и Клдекари. Липарит (сын Иванэ) Багваш тогда захватил еще одну крепость, Гаги, в двадцати пяти километрах от Тбилиси вниз по реке, и продал ее гянджскому эмиру. Тем же летом Малик-шах набросился сначала на Гянджу и потом на Грузию. Предательство Багвашей превзошло все границы: Иванэ послал своего сына Липарита V к султану Малик-шаху, но мнительный султан задержал Липарита. (Он уже задержал гянджинского эмира ал-Фадла, которого освободил, когда ал-Фадл вместе с двинским и дманисским эмирами соединились с сельджуками.

Липарит понял свою ошибку и порвал с Маликом: мстительные сельджуки разорили прежде всего территорию Багвашей, а потом уж остальную Грузию. У Гиорги II пока был один союзник, кахетинский царь Агсартан, и осенью 1075 года они отбили атаку сельджуков в битве при Парцхиси[57] (на реке Алгети, на юго-востоке от Тбилиси). Подбодренный успехом, Гиорги повернул на запад, чтобы занять без боев грузинские земли, раньше отнятые византийцами; в Абхазии он захватил Анакопию и еще несколько крепостей, а на юге широкую полосу от Кларджети до Джавахети. Византия уже не претендовала на закавказскую территорию: Грузия была ей нужна больше всего как союзник против сельджуков: император провозгласил Гиорги II *цесарем* и подарил ему Карс, который византийцы покинули, оставив город в руках своего *доместика* Григолу Бакуриани (Григория Пакурианоса), грузина по происхождению. Гиорги подарил Карс мощному феодальному племени Шавшели.

Грузины два года одерживали победы. Однако в 1077 году Малик-шах убедился, что Византия уже не в состоянии помогать Грузии, и сокрушил сначала Тбилиси, потом Эрзурум и Олтиси, крайний аванпост страны. 24 июня 1080 года сельджуки заняли замок Квели в Северной Тао: они захватили государственную казну и арсенал и чуть не схватили царя. Некоторые феодалы даже связали свою судьбу с турецким генералом эмиром Ахмадом: Гиорги загнали на север в Абхазию, чуть не в Черное море. Турки тоже добрались до берега моря, но им важнее было ограбить Кутаиси и Артануджи, превратив и новую, и старую столицы Багратидов в необитаемые развалины. Такая кампания стала обычаем для Малик-шаха: он зимовал к югу от гор, а весной возвращался, чтобы истреблять и порабощать грузинских крестьян, в то время как новый сельджукский султанат расширял свои границы по всей Анатолии до Черного, Средиземного и Эгейского морей. Сельджуки приходили вместе с табунами и со скотом, заселяли землю и портили пашни и виноградники. Из-за пере-

[57] *Met'reveli R., Samushia J.* Op. cit. P. 75–82 (заново датирует битву при Парцхиси, которую историки раньше относили к 1074 году).

боев в сельском хозяйстве голод распространялся даже на горные места, куда турецкие войска не дошли. Три года подряд повторялось катастрофическое нашествие: летопись царя Давита Строителя, наследника Гиорги II, гласит: «Запустела страна и превратилась в лес, и вместо людей зверь и дичь полевая поселились в ней. И было бедствие нестерпимое над всеми жителями страны, несравненное и превосходящее когда-либо бывшие и прошедшие опустошения. Ибо святые церкви сотворили домом коням своим, алтари же Божии местом мерзости своей. И священники некоторые при самом принесении священной жертвы там же мечом принесены были в жертву, и кровь их смешалась с Господнею. И некоторые в горькое отданы были рабство, старцы не были пощажены, девы же поруганы, юноши избиты, младенцы расхищены». Как в Грузии, так и в Армении наступило полное отчаяние.

В 1083 году анонимный монах кончает свою рукопись колофоном: «Я – ученик во времена горя и тоски, преследования и рабства, разорения и смерти, когда вся Самцхе полностью разрушена… и остатки ее крепостей внушают только жалость и волнение»[58]. Ни Гиорги, ни его царство не были в состоянии дольше терпеть; они не могли даже созвать армию, чтобы отбиваться от захватчиков. Гиорги посовещался со своими министрами: было решено предложить Малик-шаху дань. В Исфахан поехал сам Гиорги: его принял сельджукский двор и обещал прекратить нашествия на Грузию в обмен на крупную ежегодную дань и на отбывание военной службы. (На такую же унизительную капитуляцию в 1086 году пошли Филарет Варажнун, армянский правитель Киликии, и Фарибурз, правитель Ширвана.) Летописец Давита IV, который противопоставлял гениальность сына безалаберности отца, описывает, как униженного Гиорги II встретил Малик-шах, по словам летописца «несравненный, образом сладости и благости возвышенный над всяким человеком, о котором много есть и других бесчисленных известий – правосудия, милости, любви к христианам». В самом деле под влиянием своего мудрого персидского визиря Низама ул-Мулка Малик-шах умел вести себя не только как кровожадный кочевник, но и как благодетельный монарх.

Тюркские нашествия и грабеж, однако, не прекращались. Гиорги II еще раз походатайствовал перед Малик-шахом. На этот раз, по чьему наущению – мы не знаем, Малик-шах придумал новые условия: он признает Гиорги II царем Кахетии, если Гиорги присоединится к сельджукскому вторжению в Кахетию. Даже по макиавеллиевским обычаям Закавказья такая смена вех показалась неслыханно циничным поворотом. В октябре 1084 года сельджуки и картлийцы вместе осаждали крепость Веджини в Южной Кахетии. Коварная атака стала просто нелепой комедией после того, как тяжелые снегопады свели на нет тактику осаждающих. Гиорги II вдруг стало скучно, и он уехал, чтобы охотиться в близлежащих лесах[59], а сельджуки проводили время, грабя долину Иори. Затем Малих-шах и царь Агсартан вдруг сговорились. Кахетинец еще раз подтвердил, что принял мусульманство, и вместе с сельджуками набросился на Картли, преследуя армию Гиорги вплоть до перевалов через Лихи. К кахетинцам присоединились и некоторые картлийские феодалы: Дзаган Абулетисдзе передал Агсартану замок Мухрани и пограничную крепость Зедазени.

Двор в Кутаиси мог простить Гиорги коварство, но полная его некомпетентность была невыносима. Грузинское царство быстро сократилось: осталась практически только Абхазия-Эгриси: Картли и Тао вырождались из-за зверской жестокости сельджуков. Это ужасное десятилетие стало известно, как уже упоминалось, «Великим турецким игом». Напрасно Гиорги пытался умиротворить свою знать, жалуя им землю, деньги, привилегии. 1089 год начался страшными землетрясениями, которые всем показались знамениями гнева небесного. В Сирии город Пальмира был уничтожен, и Грузия оказалась на пороге полного краха.

---

[58] *Met'reveli R., Samushia J.* Op. cit. P. 111.

[59] *Met'reveli R.* Saist'orio nark'vevebi. Tbilisi, 2009. P. 202–203 (дает более положительную оценку крутого политического поворота Гиорги II).

Министры Гиорги, по инициативе его главного советника епископа Чкондиди, заставили царя отречься от престола и уступить власть своему шестнадцатилетнему сыну Давиту, уже проявлявшему удивительные политические и военные способности. Не исключено, что Давит сам сыграл роль в свержении отца, но, в отличие от своих предшественников, в собственной семье новый царь Давит был лишен мудрых и опытных советников. Жена Гиорги II Елена, о которой ничего не известно, уже умерла. Рядом с новым царем стоял только его учитель и первый министр, Гиорги, епископ Чкондиди, коему Давит был обязан своим не по годам развитым умом.

6
Давит Строитель

Ни один правитель Грузии не достиг таких успехов, как Давит IV *Агмашенебели* («Строитель» или «Восстановитель»). За его царствование с 1089 по 1125 год он заново объединил царство и изгнал всех захватчиков, создал процветающее гражданское управление, воскресил армию, правовой порядок, преобразовал церковь и феодальную иерархию и вдохновил светскую культуру, превратив Грузию на сто лет во всеми признанную мощную державу. Давит был незаурядного ума лингвистом и ученым, но в то же время решительным военным, способным на самокритику, с творческим прозрением, которое помогало ему уловить в политике или в войне редкие, но всё решающие моменты. Он смог оживить разрубленное, смертельно больное государство, которое унаследовал[60]. Давита Строителя вообще считают IV, считая его предшественниками Давита III Тао-кларджетского (930–1000/1), Давита II, титулованного царя Картлийского (ц. 923–937) и Давита I Куропалата (ц. 876–881). Отец Давита IV, Гиорги II, изображенный на атенских стенных росписях монахом-царем, за которого молились еще в 1103 году, называя его «царь царей» и «цезарь», отошел на задний план: он дожил, может быть, до 1112 года[61].

В 1089 году царь Грузии владел только западной частью страны: когда Давит в первый раз охотился на востоке от горы Лихи, пришлось выслать разведчиков на тот случай, если сельджукские мародеры подстерегут царя. Летописец вспоминает, что тогда «в городах и поселках ни души не было видно». В 1190-х годах Давит еще откупался от сельджуков, но Малик-шах прекратил свои грабежи в Грузии. Крестьяне, которые скрывались в лесах и в горах, начали возвращаться домой, чтобы пахать в долинах и строить в городах. В 1092 году кто-то убил мудрого сельджукского визиря Низама ул-Мулка, и сам Малик-шах умер при загадочных обстоятельствах. Среди сельджуков завелась смута: шла борьба за престол, крестьянство бунтовало, новые секты, среди них исмаилиты, соперничали друг с другом. Давит IV сбросил чужеземное ярмо. Он отрекся и от своих византийских титулов, даже перестав быть *иперсевастом* («верховным правителем»). Уже не тревожащийся из-за соседей, Давит решил обуздать своих мятежных феодалов: в 1093 году он обвинил в заговоре Липарита Багваша, правителя Клдекари и, таким образом, почти всей Триалети. Липарит признался и получил прощение. Через два года Давит арестовал его за предательство и в 1097 году сослал в Константинополь. Такими мерами Давит дал понять знати, что вся земля принадлежит царю и что они могут владеть своими уделами только при условии, что честно будут служить государю. Самые коварные феодалы выражали раскаяние преувеличенной набожностью: не один Багваш заказывал переводы святого Иоанна Златоуста на грузинский или жертвовал крупные суммы монастырю Шио-Мгвиме.

Чтобы предупредить дальнейшее предательство, Давит создал службу безопасности, *мстоварни* («доносчики»), которые подчинялись *мандатуртухуцеси* («главный полицейский», или «министр внутренних дел»). *Мстоварни* разоблачали заговоры феодалов и давали царю полную картину того, что происходило и в армии, и в церкви. Благодаря мудрым советам епископа Гиорги Чкондиди Давит уничтожал вредные планы в зародыше. Его летописец признает: «Во-первых, о лицемерии и лукавстве и какой-нибудь измене никто из великих или малых не дерзал и вспомнить, не то что высказать кому-нибудь, хоть бы супруге

---

[60] *Met'reveli R.* Davit Aghmashenebeli. Tbilisi, 1990, до сих пор стандартная биография; см.: *Дзидзигури Ш.В.* Летопись Картли. Тбилиси, 1982.

[61] *Met'reveli R.* Saist'orio nark'vevebi. Tbilisi, 2009. P. 211–212; *Zhordania T.* Kronik'ebi I. Tbilisi, 1893. P. 239.

и сожительнице своей, или ближнему своему, или отрокам своим. Поскольку твердо ведал всякий человек, что при самом исходе из уст слов царю неизменно сделается известно. И многие были наказаны и обличены за таковые. Потому-то никогда никто и не помыслил измены во дни его, но от всех имел почтение и боязнь». Виновных карали выкалыванием глаз, оскоплением или казнью.

Неожиданно, впервые почти за тысячу лет, для Грузии открылось окно в Западную Европу. В 1095 году объявили Первый крестовый поход против мусульман, захвативших Святую землю, и к 1097 году крестоносцы вторглись через Западную Анатолию, захватив Дамаск в 1098-м и Иерусалим в 1099 году. Европейское нашествие объединило всех мусульман Ближнего Востока – турок, арабов, курдов, – защищавших сельджукских султанов. Война на двух фронтах была бы губительна; поэтому мусульманские враги Грузии оставили Закавказье в покое, чтобы спасти Сирию и Палестину. В 1099 году Давит перестал платить сельджукам[62]: сбереженное Давит тратил на восстановление разваленных городов и разложившейся армии. Сначала пришлось обеспечить верность армии не феодалам, а царю, а потом начинать хорошо продуманные кампании. В 1103 году Давит смог захватить Кахетию, сразу вернув себе пограничный замок Зедазени[63], который мятежный картлиец Дзаган Абулетисдзе отдал кахетинцам. Давит лишил Дзагана его владений (он уже наказал брата Дзагана, архиерея Модиста, противостоявшего церковным реформам). Дзаган попросил убежища в монастыре Шио-Мгвиме, но игумен его передал в руки Давита, за что монастырь получил фонды на постройку новой церкви. В том же году умер Рати, сын Липарита Багваша, и Давит конфисковал все наследство, включая замок Клдекари и провинцию Триалети. Падение крупных феодалов Абулетисдзе и Багвашей отрезвило честолюбивую картлийскую знать.

Царская армия вошла в Кахетию без сопротивления. Кахетинский царь Квирикэ IV умер в 1102 году, и его неопытный сын Агсартан II был захвачен кахетинскими и эретскими аристократами, которые, не видя проку в сопротивлении, сдали несчастного Агсартана Давиту. (С тех пор об Агсартане II ничего не известно.) Одна группа кахетинских феодалов попросила поддержки у мусульманского атабага в Гяндже, но армия Давита блестяще выиграла битву в Эрцухи (в Западном Азербайджане) и разгромила войска Гянджи и Кахетии. К 1105 году все провинции Грузии объединились. Кахетия обогатила Грузию: благодаря мирному договору между Агсартаном I и сельджуками Кахетию миновало разорение; ее неисчерпаемые сельскохозяйственные и человеческие ресурсы воскресят экономику всей Грузии. К тому же завоевание Эрети дало Давиту доступ к прибыльным пастушьим тропам, по которым зимой из Дагестана ходили бараны и возвращались обратно летом.

Эрцухская битва придала Давиту почти божественный ореол: царь сам вел войска в бой, под ним пало три боевых коня, а когда он вернулся в штаб и снял пояс, кровь хлынула потоком, приведя его придворных в ужас, пока они не поняли, что кровь – от разрубленных Давитом кахетинцев и гянджан. Все его царствование беспокойный и бесстрашный Давит рисковал жизнью, будь то в бою или на охоте: раз он упал с лошади и три дня находился на грани жизни и смерти.

Даже до того, как он отвоевал Кахетию, Давит начал коренным образом переделывать и государство, и церковь. Одной из первых решительных мер, о которой свидетельствуют источники, был созыв церковного собора в Руисской церкви и монастыре Урбниси в 1104 году[64]. Давит сам присутствовал на всех обсуждениях, будто бы скромным мирянином, но в действительности был режиссером собора. Цель собора заключалась в том, чтобы навсе-

---

[62] *Met'reveli R.* Saist'orio nark'vevebi. P. 206–208; Davit Aghmashenebeli. Tbilisi, 1990. P. 82–86.

[63] *Met'reveli R.* Ibid. P. 208–209 (в те времена западной границей Кахетии считали реку Ксани).

[64] *Met'reveli R.* Davit Aghmashenebeli. P. 121–124.

гда покончить со злоупотреблениями, которые, несмотря на реформы, проведенные Гиорги Мтацминдели в 1060-х годах, теперь превратили церковь в «притон грабителей». Рукописные протоколы собора показывают, что Давит хотел помешать феодалам накапливать через церковь богатства и власть: знатные люди назначали своих безграмотных недорослей епископами, которые, в свою очередь, возводили в священнический сан за взятки невежд священников, а те венчали единокровников, занимались мужеложством и т. д. Собор запретил такие злоупотребления и указал минимальный возраст и образовательный ценз для венчания несовершеннолетних, возведения в сан священников, помазания епископов, чем «огорчил» многие монастыри, которые давно привыкли вести себя как развратные республики. Собор также установил канон литургических книг и признанных святых и утвердил строгую иерархию епископов под властью католикоса и главного министра Давита, епископа Чкондиди. Арсен Монах (позже игумен академии Икалто и ближайший соратник Давита) отредактировал заключения собора в трактате, который состоял из введения и девятнадцати статей. Восемнадцатая статья, самая длинная, осудила мужеложство как самый мерзкий грех, который «низвел к уровню диких зверей высокое царствование персов и вечное царствование римлян».

В 1104 году Давит объединил епархию Чкондиди (которую создал в 920-х гг. абхазский царь Гиорги) с постом главного секретаря *(мцигнобартухуцеси*), впервые назначенного Багратом IV. На самом деле *мцигнобартухуцеси* стал и премьер-министром, и прокурором Священного синода. Первым таким министром-епископом стал Гиорги, уже бывший главным советником царя и остававшийся на посту до самой смерти в 1118 году. После Гиорги главой правительства стал Свимон, который тоже долго держал бразды правления (до 1141 г.). Давит не только обеспечил стабильность режима: ему удалось подчинить церковь государству еще более тесно, чем Вахтангу Горгасали или Баграту IV. Так же тесно он связал восток с западом, объединив картлийские епархии Ацкури и Самтависи с мингрельской Чкондиди и подчинив западную епархию Хони центральной архиепархии Мцхета.

Чтобы одновременно поднять престиж церкви и добавить ей обязанностей перед государством, в 1106 году Давит основал академию-монастырь Гелати вблизи Кутаиси. За тридцать лет Гелати стал интеллектуальным центром христианского Закавказья. Монастырь был и царским мавзолеем, и университетом, который обменивался учеными и учащимися с Константинополем и заманивал домой из болгарских, греческих, иерусалимских, кипрских, антиохийских монастырей грузинских монахов, среди которых был знаменитый богослов и переводчик Иоанэ Петрици. Эрудиция и красноречие Петрици способствовали дотоле невиданному развитию синтаксиса грузинского языка и философии. Монастырь Петрицони, где Петрици учился, был основан в 1083 году в Болгарии недалеко от Пловдива таоским грузином Григолом Бакуриани: сначала монастырь служил мавзолеем для брата и сына Григола, но вскоре приобрел больницу, три гостиницы, рыболовное озеро и большую территорию; тогда он начал готовить грузинских мальчиков к принятию духовного сана. Именно Петрицони вдохновил Давита на создание Гелати. Поэт Иоанэ Шавтели называл Гелати «новым Римом, Элладой, где покоятся мощи святых». В Кахетии появился близнец Гелати, монастырь-академия Икалто, где советник царя, Арсен, преподавал по византийской программе геометрию, арифметику, музыку, риторику, грамматику, философию и астрономию. И в Гелати, и в Икалто приходили грузины, получившие первую степень в *Магнаура Пандидактерион*, университете Константинополя.

Нашествие крестоносцев и в самом деле гнало грузинских ученых и монахов домой. В начале XII века латинские короли Иерусалима начали вымогать налоги у православных монастырей, а иногда даже конфисковали и грабили их: сам Петрицони был разорен крестоносцами во время Третьего Крестового похода в 1189 году.

Постоянные военные действия Давита IV, оказалось, плохо сочетались со старыми традициями царского двора, где было принято встречаться с царем и с министрами в одном и том же месте, по расписанию. Поэтому Давит организовал более современное министерское правительство в Кутаиси: там был апелляционный суд *(сааджо кари)*, который слушал серьезные уголовные и гражданские дела, раньше находившиеся в царском ведении. По понедельникам *мцигнобартухуцеси* слушал вдов, сирот и нищих. По другим дням другие министры, особенно *мандатуртухуцеси* (министр внутренних дел) слушал петиции граждан.

С 1100 года Давит постоянно повышал эффективность армии, которая все меньше зависела от солдат, поставляемых феодалами, и сосредоточивался на 5-тысячной царской гвардии, *мона спа* (служебная рать), на которую он мог положиться. Первым заданием армии было очистить Картли от последних тюркских гарнизонов и поселенцев. Гарнизон Самшвилде на юге от Тбилиси захватили войска, под предводительством Тевдоре, племянника епископа Гиорги Чкондиди, и верного кахетинца Абулети: они уже разоружили бо2льшую часть гарнизонов около Тбилиси. Тюрки, которые зимой пасли лошадей и рогатый скот в долине Куры от Тбилиси до Бардави в Кавказской Албании, были изгнаны: их пастбища опять стали пашнями. Христианская власть еще десять лет наступала на восток, захватывая крепость за крепостью и замок за замком: в мусульманских руках пока оставался только город Тбилиси (в 1116 г. тбилисцам пришлось платить Давиту ежегодный налог в 100000 денариев, и Давит ввел в город символический гарнизон из всего десяти человек под номинальным губернатором). В 1115 году пал город Рустави, в двух часах езды на лошади от Тбилиси; в 1117 году – главная крепость Эрети, Гиши. В следующем году грузинские войска повернули на юг и захватили Лоре, армянскую пограничную территорию. Тюрки собрали армию на берегах Аракса, но их атаку отбили.

Захватив огромную территорию и ограбив богатые города, раньше порабощенные турками, Грузия обогатила свою казну. В те времена весь Ближний Восток страдал от дефицита серебра: несмотря на добычу, которая влила целый поток византийских драхм и арабских дирхамов в денежный оборот Грузии, Давиту пришлось уменьшить свои собственные драхмы от трех до одного грамма или меньше и чеканить медные монеты с номинальной стоимостью серебра. Обесценение не уменьшало, однако, самоуверенности казны: монеты все еще провозглашают Давита «царем кахетинцев, абхазов, кавказских албанцев», и только на решке написано по-арабски предупреждение *хусам ал-масих* (меч Мессии).

В то же время Давит упрочивал политические союзы посредством разводов, новых браков и стратегической выдачи замуж своих дочерей. Около 1106 года он обеспечил безопасность восточных границ с Ширваном (Ширванское государство, тюркское по языку, иранское по культуре, выросло на почве развалленной Кавказской Албании), выдав старшую дочь Тамар за наследника ширванского престола, будущего Манучехра III (тот придет к власти в 1120 году и прославится как основатель города Баку). В 1113 году Давит добился еще более блестящего альянса, отправив младшую дочь Кату в Константинополь (где она приняла имя Ирина) и стала женой Исаака Комнина, второго сына императора. Давит мог теперь хвастаться тем, что он – родня в византийском императорском доме.

К 1109 году у Давита была постоянная армия с 40000 верных царю войск, с элитной, хорошо обученной конной гвардией в 5000 человек, отрядами особого назначения для гранизонов в только что захваченных городах, не говоря уж о традиционных батальонах феодальной знати и группах наемников (часто из крестоносцев, сбежавших из мусульманского плена или не стремившихся вернуться домой). Армия, всего двадцать лет назад истощенная и разложившаяся, была заново снаряжена, приведена в порядок и ободрена: храбрых награждали, на трусов надевали женскую одежду. Запрещали ругань, драки и «бесовские» песни. Дисциплина была строгая. Армия уже не жила грабежом: солдатам давали жалованье и хорошо

кормили. Служба безопасности, *мстоварни*, занималась и военной разведкой. Над армией надзирал *мандатуртухуцеси*. Пост занимал сначала Варданисдзе, а потом феодалы из семьи Орбели, которых обыкновенно назначали и *амирспасалари* (главнокомандующим). В 1110 году эта новая армия оправдала заботы и расходы царя, отобрав у турок Самшвилде, крепко укрепленный город огромного символического значения, и целиком освободив долины Куры и Иори. Сельджукский султан собрал 100-тысячную армию, которая была разогнана в течение одной ночи сравнительно маленькой армией Давита, к удивлению самого царя. В 1115 году епископ Гиорги Чкондиди не только захватил Рустави, тем самым отрезав Тбилисский эмират от моря, но и овладел всем торговым путем от Каспийского до Черного моря. Зимой 1116 года, скорее хитростью и обманами, чем подавляющей силой, Давит одержал победу над турками в Тао. Два следующих года отмечены смелыми захватами в Джавахети и в Лоре. И все-таки, несмотря на большую подвижность, огромное число телег, вьючных лошадей и ишаков, хорошие осадные орудия, грузинская армия была несравненно меньше мусульманских, которым оставалось только объединиться, чтобы ее одолеть. Чем сильнее становилась Грузия, тем неизбежнее было нападение мусульманской коалиции.

Европейские Крестовые походы отвлекли сельджуков и дали Давиту передохнуть. Еще более широкие возможности открыл для Грузии великий князь Киевской Руси Владимир Мономах: в 1103 году шаткий союз русских князей загнал за Дон кипчаков (или половцев), тюркских кочевников, которые угрожали русским княжествам, а теперь собирались в северокавказском предгорье, борясь с местными осетинами за пастбища. В 1118 году Давит повел до главного перевала через Кавказ достаточно войск, чтобы покорить осетин; затем он при помощи ловкого дипломатического хода помирил кипчаков с осетинами и сделал кипчакам предложение, от которого они не были в состоянии отказаться. В Грузии было расселено 40000 кипчакских семей, которым были пожалованы участки и пастбища, летние и зимние; в обмен каждый кипчакский очаг обязывался поставлять царской армии по одному мужчине с лошадью.

Кипчаки уже были известны как наемные солдаты: даже русские князья иногда пользовались их услугами в своих междоусобных войнах, а арабские правители ценили кипчаков так высоко, что офицеры халифата учили кипчакский язык; позже кипчаки будут служить в венгерских и в египетских армиях и сольются с местным населением. Кипчаки, которые переехали в Грузию, отправлялись в те места, где Давит предполагал возникновение конфликта, – на юг и на восток, чтобы напугать мусульманские эмираты, или во Внутреннюю Картли, чтобы обуздать ропщущих феодалов. Без сомнения, потребовалась дипломатическая тонкость, чтобы убедить великого князя Владимира Мономаха, что Давит не приютил, а устранил самого страшного врага Киевской Руси. Вряд ли Давит когда-либо встречался с Владимиром, но Грузия не могла не посылать своих уполномоченных в Киев, чтобы согласовать переселение кипчаков. Русские летописи утверждают, что именно великий князь Киевский открыл «железные ворота» (из Дарьяльского ущелья на перевал) и через них прогнал кипчаков. Арабский историк Павел из Алепа, который в XVIII веке осматривал русские документы, с тех пор исчезнувшие, заключил, что русские солдаты помогли Давиту IV переселить кипчаков[65].

Чтобы увековечить свои связи с кипчаками, Давит развелся с царицей Русудан, армянской матерью своих детей, и женился на Гурандухт, дочери кипчакского вождя Отрока (или Атраки). Новый альянс еще сильнее укрепился, когда Давит сосватал свою дочь Русудан (тезку матери) за Джадарона, наследника Осетинского царства, и таким образом обеспечил грузинский суверенитет на Северном Кавказе[66]. Бывшая царица Русудан отправилась со сво-

---

[65] *Метревели Р.В.* Внешняя политика Грузии в средние века: XII век. Тбилиси, 1995.

[66] *Golden P.B.* The Case of Pre-Chingisid Rus' and Georgia' / Eds. A. Khazanov, A. Wink // Nomads in the Sedentary World.

ими придворными и подарками в Иерусалим, в монастырь Креста, где она получила протекцию иерусалимского короля Бодуэна I. Отверженная царица ввела крестоносцев в заблуждение, убедив их, что она не брошенная жена, а вдова царя Давита; ее подарок, серебряный крест, в который будто был вложен осколок Истинного Креста, был переслан с благодарностью и благоговением парижскому архиепископу вместе с довольно бестолковым письмом: «Давит, царь Грузинский, который, как и его предшественники, держал и стерег Каспийские ворота, сдерживающие Гога и Магога, и чье дело продолжено его сыном, чья земля и царство для нас является своего рода валом против мидийцев и персов, всегда жил с глубочайшим благоговением и восхищением перед этим Крестом. Теперь, когда он умер и его сын унаследовал царство, его вдова, которую набожность отличает больше, чем благородное происхождение, постриглась и облачилась в монашескую рясу и, принеся этот Крест и много золота, приехала в Иерусалим, чтобы никогда не вернуться домой, а дожить здесь свою жизнь в молчании, мире и молитвах, и она попросила, чтобы часть того золота, которое она принесла, отдали соборам Священного города, а часть чтобы раздали милостыней нищим и паломникам»[67]. (Письмо, присланное вместе с крестом, от *прецентора* (главного певчего) Иерусалима к архиепископу Герберту (или, возможно, Галону), раньше относили к 1108 году, но теперь известно, что крест получили в Париже именно в воскресенье 1 августа 1120 г.[68], так что мы можем отнести развод Русудан с Давитом к 1117–1118 гг.).

К кипчакам изначально относились с большим недоверием: из 40000 воинов никогда не ангажировали больше 16000. Но благодаря кипчакским подкреплениям Давит легко мог участвовать в международных войнах. Кипчаки постепенно превращались в христиан, говорящих по-грузински, но в течение нескольких поколений грузинский народ считал их разбойниками, на что намекает народная баллада *Повстречался кипчак мне*: «Он вина попросил – дал вина я ему… Он жену попросил – как отдам я жену, коль везу ее в гости к родителям? <…> Замахнулся я саблей и вместе с конем разрубил вероломного надвое»[69]. Еще досаднее было *сакивчако*, налог, которым облагали народ еще двести лет, чтобы платить за этих новых наемников.

Вылазка Давита IV на Северный Кавказ надолго повлияла на судьбу Грузии: осетины, элита которых была христианской и уже тесно связанной с Багратидами прежними браками, приняли грузинский суверенитет, и даже чеченцы на время поддались грузинскому влиянию[70], о чем свидетельствуют развалины древних церквей по всей Чечне и грузинские заимствования в чеченском языке (например, *кира* (воскресенье), как и грузинское *квира* из греческого «день Господа») и, наконец, сегодняшние 2000 бацбийцев или цова-тушинов в Северной Грузии, чеченцы, чьи язык и культура многим обязаны христианству и грузинскому языку.

Неизбежная международная война готовилась к концу 1110-х годов: армия Давита, подкрепленная кипчаками и сотнями «франков» (бывших крестоносцев), представлялась соседям Грузии настоящей угрозой. Теперь, когда умер престарелый епископ Гиорги Чкондиди, Давит назначил на его место Свимона с еще более широкими правами: Свимон стал епископом и Бедии в Абхазии, и Алаверди в Кахетии. В 1120–1121 годах армия Давита носилась из одного конца страны в другой, от Пицунды на Черном море до Ширвана и Бардави в бывшей Кавказской Албании, постоянно аннексируя чужие земли. Независимый эми-

---

Richmond, U. K., 2001.

67 *Lasteyrie R. de.* Cartulaire générale de Paris. P., 1887. P. 172; *Avalishvili Z.* The Cross from Overseas // Georgica. 1936. Vol. 1. № 2–3.

68 *Bautier G.* L'envoi de la relique de la Vraie Croix a Notre-Dame de Paris en 1120 // Bibliothèque de l'école des chartes. 1971. Vol. 129. P. 387–397.

69 *Rayfield D.* The Literature of Georgia. L., 2010. P. 225–226.

70 *Чантиева М.* История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958. С. 18.

рат Тбилиси чуял, что обречен. Мусульманские граждане предлагали город Наджму ад-Дин Илгази, правителю некогда армянской провинции Маяфарикина на верхнем Тигре: Наджм ад-Дин отказался, опасаясь отмщения со стороны Давита. Потом тбилисские и гянджинские купцы вместе воззвали к сельджукскому султану: тот с братом Тугрулом из Нахичевани сколотил антигрузинскую коалицию под командой Наджма ад-Дин Илгази. Они даже завербовали зятя Давита, ширванского правителя Манучехра III, возмущенного набегами тестя Давита на ширванские земли.

В августе 1121 года у Давита насчитывалось около 56000 воинов, включая 16000 кипчаков и нескольких крестоносцев: они разбили лагерь в ущелье Ничаби в сорока километрах к западу от Тбилиси. Обе стороны объявили священную войну. Армия противника состояла из сельджуков и была, вероятно, в три, может быть, в пять раз больше грузинской. Основную часть армии Давит оставил в самом ущелье, а сына Деметрэ послал наверх с левым и правым крыльями, чтобы окружить врага. Он обеспечил победу беспощадными предупредительными мерами: завалив ущелье деревьями и глыбами, чтобы его собственным воинам некуда было отступить; затем он послал в сельджукский штаб двести конных, вооруженных до зубов. Конные выдали себя за дезертиров, а когда их привели в штаб, начали рубить мусульманских вождей, приведя армию в полную панику. Тяжелая конница, включая франков-крестоносцев, завершила победу. Эта Дидгорская битва 12 августа 1121 года длилась всего три часа, но она уничтожила мусульманскую гегемонию над Грузией и Арменией. За последние три с половиной года царствования Давит обустроил свое государство на основе этой победы. Грузия стала неприступной христианской крепостью, которая еще сто лет будет властвовать на территории от Черного моря до Каспийского и от северных кавказских степей до Восточной Анатолии.

Через год после Дидгори Тбилиси вернули, не без кровопролития, в Грузинское государство: три дня подряд грабили северную, мусульманскую, часть города, а потом учредили свободный режим, терпевший все вероисповедания: христиане даже платили больше налогов, чем мусульмане. (В год мусульмане платили три денария, евреи четыре, а грузинские христиане пять: весь город обязался выплачивать каждый год в казну 10000 денариев.) В угоду мусульманам и евреям в Тбилиси было запрещено резать свиней. Вместо совета старейшин город управлялся наместником *(шихной)*[71].

В 1123 году, несмотря на стычку между грузинскими и кипчакскими солдатами на подступах к ширванской столице Шемаха, Давиту удалось захватить весь эмират Ширван: западную, преимущественно христианскую часть он включил в состав своего царства и назначил Свимона, епископа Бедии и Алаверди, наместником; восточную, преимущественно мусульманскую, часть Давит отдал своей дочери с мужем Манучехром. Через год Давит стоял на берегу Каспийского моря и захватил Дербент; тогда армянское население города Ани пригласило Давита прийти и властвовать над ними. 60-тысячное войско Давита три дня осаждало город, пока он не сдался. Давит сослал мусульманского правителя и передал Ани в руки своего генерала Абулети и его сына генерала Иванэ Абулетисдзе. Давит теперь считался освободителем Армении, и его гербы объявляют его царем не только всех грузин, но и всех армян: ведь он вернул великой мечети Ани ее первоначальные формы и назначение христианского собора. Захватив столько спорных вассальных владениий вокруг грузинских границ, Давит был вынужден ввести новый военный и сословный ранг, монапире (пограничник): как немецкие маркграфы, *монапире* охранял границы, разведывал смежную вражескую территорию и снабжал царя данью и разведданными. В свою очередь, *монапире* получал феодальные права и даже мог завещать свой ранг сыновьям.

---

[71] *Brosset M.-F. É*claircissements *a* l'histoire de la G*é*orgie depuis l'antiquit*é*. P., 1851. P. 243.

В то же время Давит председательствовал новым церковным собором, который пытался примирить армянские монофизитские и грузинские диофизитские христологические концепции. Грузинский католикос Иоанэ и выдающиеся богословы, например Арсен Икалтоели, который блестяще выступал на Руис-Урбнисском соборе, девять часов обсуждали вопросы раскола. Как можно было ожидать, две церкви не смогли объединиться, тем более что сам Арсен переводил на грузинский много антимонфизитских трактатов; тем не менее на армянских территориях, которые вошли в Грузинское царство, Давит IV сумел на время создать обстановку терпимости.

Если верить *Собиранию милостыни*, своеобразному сочинению из смеси фактов и вымысла, написанному в начале XIX века Иоанэ Батонишвили, использовавшим документы, тогда доступные Багратидам, а теперь утерянные, иерусалимский король Бодуэн II, переодетый дервишем, встретился с Давитом IV. Хотя это маловероятно, будущий Бодуэн II в 1117 году действительно находился в Гаргаре, части Армении, только что освобожденной грузинами: от Гаргара до Двина, столицы Армении, рукой подать[72]. Весть о победных битвах Давита уже дошла до Иерусалима, когда первые крестоносцы начинали опасаться, что мусульманские силы возродятся: западным летописцам казалось, что грузинский царь воплощал собой легендарного царя-священника пресвитера Иоанна, грядущего с востока, чтобы спасти христианские народы.

Давит оставил своим потомкам только одно неоконченное дело, взятие Гянджи, мусульманского коммерческого и культурного центра. Его остальные завоевания уже привели к результату большого политического значения – появилось новое, неуничтожаемое слово, *Сакартвело*, буквально «земля картвелов», всеобъемлющее определение Грузии. Наследство Давита распространялось не только на политику. Грузинская культура была преобразована: Ширванский эмират, где слились кавказские албанцы, арабы и турки с иранцами, стал цветущим центром персидской культуры[73]. Новоперсидский язык пользовался арабским шрифтом, и грамотность была теперь доступна не только эрудированным магам, а любому образованному человеку. Политическая мощь Персии ослабевала, зато поток персидской поэзии в новоиспеченных тюрко-ирано-арабских государствах был неисчерпаем. Ширван, когда Давит захватил его, был родиной поэта Хакани; в смежном эмирате Гянджа появилась череда придворных поэтов, самым гениальным представителем которой стал Низами Гянджеви. Вместо строго суннитского ислама распространялись терпимые исмаилитские и суфийские секты. Низам ал-Мулк, визирь сельджукского султана Малик-шаха, написал блестящий трактат об управлении. До 1100 года грузинская литература, подражая византийской, оставалась преимущественно духовной, но завоевание Ширвана открыло для Грузии новую, светскую культуру лирики, эпоса, философии, мистики с героической и романтической тематикой. Персия опять выдавливала Грецию из грузинского сознания, но в культурной, а не политической сфере. Влияние, однако, было взаимное: мусульманские правители, особенно ширванские, обращались к грузинскому царю с изысканным подобострастием, называя его «царем абхазов, осетин, и русских»; поэт Хакани даже заявляет: «Я стал носителем грузинской речи»[74]. Грузинская религиозная литература не переставала быть византийской по жанру и мировоззрению, но смыкание с восточным миром оживило и православные жанры: например, буддистская легенда *Лалита-Вистар*, преобразованная в христианскую повесть *Балахвар и Джосафат,* проникла через арабский вариант в грузинский, прежде чем распространиться, в переводе с грузинского на греческий, на Запад. Переводы

---

[72] *Khubashvili L.* Davit Aghmashenebelis presk'is zogierti sakitkhisatvis / Ed. B. K'udava. // [Ist'oriani: sametsniero k'rebuli]. Tbilisi, 2009. P. 181–193.

[73] *Крымский А.Е.* Низами и его современники. Баку, 1981. С. 157–161.

[74] *Todua M.* Kartul-sp'arsuli et'iudebi III. Tbilisi, 1979. P. 33.

с персидского сначала порождали грузинские подражания, а затем самостоятельное творчество, прославляющее царствование Тамар, правнучки Давита. Как ни странно, рыцарские ценности персидской поэзии сближали грузинскую культуру с миром крестоносцев и трубадуров, в отличие от сурового византийского духовного мира. Арабское слово *раинди*, раньше «обуздатель лошадей», теперь в грузинском недаром обозначало «рыцарь».

Именно в царствование Давита грузинский язык подвергся коренным изменениям: сдвинулись времена глаголов, у глаголов появились приставки, но, что более существенно, под влиянием Ширвана в лексику влился персидский запас слов, хотя предыдущие арабские и тюркские нашествия оставили относительно слабые следы на языке. Так же как церковнославянское влияние на русский, или норманно-французское на английский, иностранный язык обогатил грузинский бесчисленными синонимами и новшествами. К тому же, когда царский двор переселился из моноязычного Кутаиси в космополитичный Тбилиси и обстановка стала не церковной, а мирской, у феодальной знати пробудилась жажда к рыцарской литературе и веселому времяпрепровождению. Даже старый алфавит вышел из употребления и для мирян и солдат был заменен новой прописью *мхедрули* (для конных), больше подходившей для пера и бумаги нетерпеливых солдат и придворных, чем монументальный *асомтаврули*, созданный, чтобы писать долотом на камне. Замечательно, что одним ранним примером нового алфавита является записка, написанная самим Давитом.

Давит возил с собой библиотеку, даже когда воевал: он был одержим богословием, астрологией и историей, «деяния которой», по словам летописца, «он знал лучше любого другого царя». Судя по всему, и Коран, и персидские стихи он читал в подлиннике. В поэзии, как и в политике, Давит стремился к совершенству и создавал образцы для подражания для многих последующих царей Багратидов. От творческого наследия Давита остались только его одиннадцать *Гимнов покаяния*, свободных подражаний псалмам библейского царя Давида. Он отождествлял себя с ним и считал своим предком, потому что власть обоих покоилась на совершенных ими смертных грехах. Может быть, мы не должны толковать эти стихи как биографическую исповедь (например, чувство вины за то, что он сверг собственного отца)[75], но они доказывают, что Давит был одаренным поэтом, способным на самокритику и обладавшим прозрением:

Каинов убийственный помысел,
Сифа сынов бесчиние,
непотребство исполинское,
скверну жителей пятиградия
многократно умножил я,
уподобясь потоку зла,
неудержимо вспять стремящемуся.
Египтян жестокосердие,
обычаи ханаанские,
и жертвоприношения,
и кудрей сплетение,
колдовство, волхвование —
все, что претит воле Твоей, —
перенял я кощунственно,
превзойдя примеры бесчиния.
…грешники,

[75] *Жордания Ф.Д.* Завещание Давида Обновителя. М., 1895 (для толкования чувства вины у Давита IV за то, что он насилием взял власть); *Met'reveli R.* Saist'orio nark'vevebi. P. 213–214.

средь которых – и первый я,
и средний, и последний,
как пучина бездонная
вобравший в себя потоки мерзости.

Изредка *Гимны покаяния*, возможно, намекают на политическую карьеру Давита: «Я пределы нарушил дерзостно, и прибавил дом к дому, и присоединил поле к полю, у немощных отнял их долю, об одном лишь лелея помыслы, чтоб соседей у меня не было, чтобы только один я населял всю эту землю»[76].

Давит предвидел, что рано умрет, и умер 24 января 1125 года. Его похоронили в Гелати, в комплексе собора, монастыря и семинарии, который он основал и который еще строился. Царь приказал, чтобы его тело положили под порогом, чтобы каждый входящий наступал на него. Он оставил два завещания *(андердзи)*: первое, составленное в 1124 году по наущению его духовного отца Арсена Икалтоели, передает монастырю Шио-Мгвиме земли, конфискованные у мятежников, с просьбой поминать его в каждой службе[77]. Второе завещание, написанное накануне смерти, короче и более спорное: Давит выражает свое удовлетворение тем, что оставляет после себя царство от Никопсии (сегодняшнего Туапсе) до Дербента, от Осетии до Арагаца (горы между Ани и Ереваном) и хвалит сына и наследника Деметрэ как самое дорогое ему благословение от Бога: «мудростью, и мощью, и мужеством превосходящего меня, и святостью». Но завещание самым неожиданным способом распоряжается престолонаследием:

«И детям, и царице моей вменяю, при посредничестве Божием, чтобы Деметрэ брата своего Цвата воспитал, и, если пожелает Господь и будет хорош, после себя сделал царем над отечеством, и сестер своих почтил, как детей моих возлюбленных». [Слово «цвата» бо2льшей частью специалистов толкуется как вариант наречия *цота* (немножко), но некоторые заключали, что «Цвата» – это прозвище Вахтанга, мальчика, которого родила вторая жена, Гурандухт.]

Второе завещание дошло до нас только в виде копии XIX века. Не исключено, что оно является подделкой. Само условие «если пожелает Господь и будет хорош» неуместно, когда говорят о престолонаследии Богом помазанного царя, и даже мысль о том, что наследник престола должен быть регентом младенца-брата, а не передавать престол своему собственному сыну, противоречит всему, что Давит и его предшественники делали, чтобы обеспечить неоспоримый переход власти от царя до царя. Спрашивается, не вставила ли это условие кипчачка Гурандухт, вторая царица, и ее сторонники, чтобы в конце концов ее шестилетний Вахтанг, наполовину кипчак, унаследовал престол? (У Гурандухт была и дочь Тамар, еще моложе Вахтанга, которая потом, как ее сводная сестра, тоже Тамар, вышла замуж за члена осетинской царской семьи.) Сознательно или нет, Давит, по-видимому, завещал бомбу замедленного действия, которую его сын и внук смогли обезвредить с огромным трудом. Арсен Икалтоели, тридцать лет дававший Давиту «надежду и путеводство», сочинил для Давита эпитафию, в 1127 году высеченную на надгробной плите в Гелати. На ней до сих пор можно прочитать:

Некогда в Начармагеви я угостил семерых царей,
Турок, персов, арабов из границ своего царства изгнал.
Рыб из здешних рек перебросил в тамошние.

---

[76] *Агмашенебели Д.* Покаянный канон // Пер. А.А. Гогешвили, Л. Григолашвили. Тбилиси, 1989. С. 30–39.

[77] Davit Aghmasheneblis anderdzi Shiomghvimsadme / Ed. A. Gogoladze. Tbilisi, 2000; *Silogava V.* Anderdzi Davit Aghmasheneblisa Shiomghvimisadmi. Tbilisi, 2003.

Все это исполнив, я сложил руки на груди.

Сам Давит написал эпитафию попроще: «Вот мое покоище между одной вечностью и второй. Этого я желал, и здесь я поселился».

7
Деметрэ и Гиорги III

Когда в 1125 году двадцативосьмилетний Деметрэ I пришел к власти, он оказался в сложном положении. Во-первых, отец умер, не успев венчать его на царство перед духовенством и знатью; во-вторых, существовало второе завещание, по которому Деметрэ являлся просто регентом младшего брата. Грузия была фактически боевым фронтом с соседними мусульманскими государствами от Черного моря до Каспийского, сквозь Центральную Армению и Азербайджан: угроза превосходила силы даже крайне подвижной грузинской армии, несмотря на то что Давит IV своими завоеваниями оставил наследнику объединенное и хорошо защищенное царство. Давит завещал сыну «знамя мое счастливое, и доспехи мои царские, и хранилища мои верхние и нижние». Враги нового царя решили ковать железо, пока горячо: уже в 1125 году Деметрэ пришлось сражаться с сельджуками, которые осаждали Дманиси, крепость, охраняющую Тбилиси с юга (в 1130-х гг. Деметрэ потеряет, а потом вернет себе Дманиси). Все-таки Деметрэ смог захватить Хунани, на полпути к Гяндже, и таким образом превратить Триалетские горы в преграду дальнейших нашествий.

В следующем году Ширван восстал против грузинской власти, хотя эмиратом управлял зять Деметрэ Манучехр III. Ширваншаха и его мусульманский народ, искавших полной независимости, поддерживали сельджуки. С помощью своей сестры Деметрэ пошел на компромисс, и в 1129–1130 годах Ширван заново разделили, проведя новые границы по реке Тетрицкали (Аксу). Северо-западную область, частично христианскую, включили в Грузинское царство, а Манучехра признали эмиром юго-восточной, ограничив его независимость условием, что он будет платить Деметрэ налоги и в случае войны поставлять «столько тысяч человек, сколько потребуется». С другой стороны, такое подчинение оказалось спасительным для Ширвана, так как Грузия теперь защищала его от таких соперников, как Дербентский эмират. Деметрэ до некоторой степени стеснил свободу и Дербента, выдав свою дочь (имя неизвестно) за эмира Абу ал-Музаффара. Деметрэ доверял эмиру: все свое царствование тот держал важного дидгорского военнопленного в дербентской крепости. Ладить с мусульманскими соседями было для Деметрэ нетрудно, и не только потому, что он унаследовал обаяние отца: Грузия, как и Ширванский эмират, тогда гордилась своей религиозной терпимостью. На время Деметрэ нанял своим секретарем Ибн ал-Азрака, летописца Маяфарикина. Ибн ал-Азрак почти с недоумением вспоминает, что по пятницам Деметрэ ходил в тбилисскую мечеть, выслушивал проповедь от начала до конца и раз подарил мечети 200 золотых денариев: «От него я видел такое уважение к мусульманам, какого они не испытывали, даже будучи в Багдаде». Как Давит, так и Деметрэ чеканил монеты с арабскими надписями, освобождал мусульман от тяжелых налогов и жаловал им религиозные привилегии.

Для Деметрэ и его наследника Гиорги III труднее всего было удерживать армянскую столицу Ани. В то время как армянские христиане обрадовались освобождению от мусульманской власти, армянская и грузинская знать боялась, что потеряет автономию, и считала, что мусульманское вассальство для них будет более выгодным. Деметрэ отреагировал быстро, выпустив из тюрьмы Абулсуара, мусульманского губернатора, которого задержал Давит. В 1126 году Фадл, сын Абулсуара, вернулся из ссылки в Хорасане; он дал Деметрэ ложную клятву верности, чтобы взять в свои руки власть над Ани у грузин Абулети и Иванэ Абулетисдзе. Спрашивается, почему Абулети и Иванэ, возможно, без согласия Деметрэ, но, без сомнения, при потворстве местных старшин без протеста сдали город Фадлу? Армянские историки оговаривают сдачу тем, что Абулети сначала хотел спасти только себя самого, а

потом свою семью и христианских сограждан. Но через несколько лет стало ясно, что Иванэ Абулетисдзе уже задумал свержение Деметрэ.

В 1130 году Насир ад-Дин Сукман, султан Хлата (тогда столица Шах-Армении на озере Ван, а сегодня Ахлат), предпринял первую попытку изгнать грузин из остальной Армении: эти попытки будут повторяться еще тридцать лет. Эмир Фадл тоже старался расширить свою территорию, захватив сначала Двин, а потом Гянджу. Деметрэ пришлось договариваться с этим энергичным захватчиком, и они решили, что собор Ани останется христианским храмом и что Деметрэ будет «защитником» местных христиан. Напряженное противостояние длилось двадцать лет, пока еще более могучий мусульманский правитель, эрзурумский эмир Салдух, не пришел и не взял Ани.

Сдав город Фадлу, Абулети с сыном бежали в Дманиси. Почти сразу стало понятно почему. В 1131 году Абулети узнал, что его сын Иванэ вместе с тринадцатилетним самозванцем Вахтангом, сводным братом царя, замышлял убийство Деметрэ. Абулети разоблачил сына, но и отца, и сына заточили в Дманиси, пока не поймали третьего заговорщика, после чего их всех вместе отдали под суд. Суд оправдал Абулети и, к общему удивлению, учитывая, что каждое второе поколение семьи Абулети было изменниками, простил Иванэ Абулетисдзе. Прощение было, однако, показное: Иванэ назначили военным командиром в Гарни, вблизи от Еревана, и там по приказу Деметрэ его благоразумно обезглавили. Сын Иванэ Тиркаши бежал в Шах-Армению, где эмир назначил его губернатором Аршарунической провинции, и двадцать лет дожидался смены политического климата. Вахтанга Деметрэ не пощадил: он приказал выколоть ему глаза, и искалеченный двадцатилетний Вахтанг в 1138 году умер.

Деметрэ выдался передых всего на два-три года. В 1137 году на границах Грузии образовалось могучее новое государство: Шамс ад-Дин Элдигюз (бывший кипчакский раб, женившийся на вдове султана Тугрула)[78] основал династию, которая охватит Южный Азербайджан, Северо-Западный Иран и бывшую Кавказскую Албанию. Деметрэ спасло землетрясение 1139 года, разрушившее Кавказскую Албанию, сровнявшее Гянджу с землей, унесшее больше 20000 жизней[79]. Деметрэ сразу вторгся в разоренную страну, разграбил развалины, уничтожил оставшихся в живых обитателей, снял ворота Гянджи с петель и перевез их в монастырь Гелати, где высек на них: «Я, царь Деметрэ, разбил Кавказскую Албанию и взял навсегда эти ворота». Ворота он повесил у гроба отца.

Сельджукский султан и азербайджанский Атабаг решили отомстить и в 1143 году попытались вернуть Гянджу. Деметрэ выиграл битву, но потерял город по мирному договору: выдав дочь Русудан за мосульского султана Масуда Темирека, он сделал Гянджу ее приданым. (Масуд умер в октябре 1152 г.; Русудан затем стала последней женой хилого хорасанского султана Гияса ад-Дин Санджара-шаха, умершего в 1157 г., так что бездетная Русудан вернулась в Грузию, обогащенная опытом мусульманских дворов, и стала советницей своего брата Гиорги III и племянницы царицы Тамар.) В 1154 году, к концу своего царствования, Деметрэ таким же неудачным способом выдал свою младшую дочь (имя неизвестно) за волынско-владимирского князя Изяслава Мстиславовича. Альянс был многообещающим: Изяслав приходился внуком великому князю Владимиру Мономаху. Но как только медовый месяц закончился, Изяслав умер, и никакого политического союза между православными странами не последовало. Как в шахматной игре, Деметрэ двигал тремя дочками: по крайней мере одна из этих пешек стала в конце концов влиятельным ферзем.

В 1140-х годах грузинские феодалы уже подозревали, что Деметрэ невзлюбил своего старшего сына Давита и назначил младшего Гиорги наследником. Почему отец с сыном

---

[78] *Brosset M.-F. É*claircissements *a* l'histoire de la G*é*orgie depuis l'antiquit*é*. P., 1851. P. 247.

[79] *Brosset M.-F.* Op. cit. P. 243.

поссорились, неизвестно. Может быть, у Давита были пороки; не исключено, что семья Абулети и статус города Ани оказались яблоком раздора. Те феодалы, которые раньше поддерживали самозванца Вахтанга, теперь возмущались, что Деметрэ лишает Давита наследства, но агитировали за сдачу Ани мусульманам. Недовольство было подпольным, ибо *мстоварни*-разведчики работали так же хорошо при Деметрэ, как при Давите. Впервые оно проявилось в 1155 году.

Еще раз из-за Ани вспыхнула война. Арабский историк ал-Фарик (который находился при дворе у Деметрэ в 1154–1155 гг.) отмечает, что в 1153–1154 годах правитель Ани, Фахр ад-Дин Шаддад, нарушил клятву верности и пригласил эрзурумского эмира Салдуха взять город под опеку, так как Эрзурум обещал брать с граждан меньше налогов, чем Тбилиси. Когда Деметрэ узнал об этом приглашении, он уже стоял так близко от Ани, что за один день его армия дошла до городских стен. Грузины схватили эрзурумского эмира и отвезли его в Тбилиси, но по непонятным причинам освободили в обмен на выкуп в 100000 денариев. Феодалы (включая некоего Васака с братом), устроившие выкуп эмира, были именно те, которые поддерживали царевича Давита против отца и младшего брата. Соборяне и старейшины Ани все-таки не угомонились: через год они свергли Фахра ад-Дина и назначили его брата Фадла правителем города.

К концу 1155 года грузинские бунтовщики нанесли удар: против своей воли Деметрэ постригся в монахи, и престол перешел к Давиту V. Давит сразу наградил сторонников, пригласив Тиркаши, внука Абулети, вернуться из ссылки, чтобы стать главнокомандующим *(амирспасалари)*. Двоих из мятежников, братьев Сумбата и Иванэ Орбели, продвижение Тиркаши разгневало. Через шесть месяцев Давита V отравили братья Орбели, подстрекаемые то ли бывшим царем Деметрэ (который будто бы в монастыре все молил Бога, чтобы его старший сын погиб), то ли младшим братом Давита, Гиорги. На это темное дело документы света не проливают. По установленному порядку и по закону, после смерти Давита престол должен был унаследовать его молодой сын Демна. Согласно одному источнику, Деметрэ, узнав о смерти Давита, вышел из монастыря, чтобы венчать своего младшего сына Гиорги на царство; другие источники утверждают, что Деметрэ, как и Давит, неожиданно умер не своей смертью, а Гиорги III незаконно забрал власть в свои руки. Армянские летописцы не осуждают Давита V, а утверждают, что Давит на смертном одре назначил Гиорги регентом молодого Демны: последнее неправдоподобно, учитывая взаимную ненависть братьев. На самом деле Деметрэ то ли вернулся в монастырь Давита-Гареджа, то ли никогда не покидал его: он переименовал себя в Дамианэ и писал гимны, из которых самый известный – чрезвычайно красивый и трогательный *Хвала Богородице*: «Ты – виноградная лоза, вновь распустившаяся; ветвь нежная, в Эдеме посаженная; и сама собою ты солнце сияющее». Единственные следы Деметрэ-Дамианэ после 1156 года – это персидская ода на его смерть, сочиненная ширванским поэтом Фелеки (небесный) в тюремной камере (Фелеки сам умер в 1160 г.), а также портрет 1194 года, изображающий покойного царя в монашеской рясе. Деметрэ умер одновременно со своей сестрой Тамар, бывшей в то время игуменьей в монастыре Тигва.

Когда в 1156 году Гиорги III унаследовал престол, то ли благодаря убийству, то ли по всем законам престолонаследия он уже женился на изумительно красивой Бурдухан, дочери осетинского царя Худдана. У них долго не было детей, а когда наконец Бурдухан начала рожать, она рожала только дочерей. (Две дочери Гиорги III, Тамар и Русудан, были воспитаны его два раза овдовевшей сестрой Русудан.) Так как не было сына-наследника, Гиорги III знал, что само существование его племянника Демны, сына Давита V, подвергало его царствование опасности и возбуждало у феодальной знати желание утвердить потерянные права. Тем не менее феодалы решились на попытку государственного переворота лишь через двадцать лет. Они откладывали бунт, потому что Гиорги сразу принял меры: он преследовал

всех, кто поддерживал Давита V. Тот Васак, который помог эрзурумскому эмиру Салдуху избежать плена и потом принял сторону Давита, вместе с братом уехал в Эрзурум, где благодарный Салдух назначил его командующим армией и приказал ему предпринять наступление против Грузии. Братья Орбели, убившие царя Давита V, негодовали, что им тем не менее отказали в повышениях и наградах (Иванэ Орбели уже служил главнокомандующим), и сами участвовали в заговоре против Гиорги. Молодой Демна перестал казаться Гиорги опасным только после того, как его удалили из Тбилиси в дом Иванэ Орбели, обязавшегося воспитать молодого цесаревича. Гиорги тешился мыслью, что честолюбие Иванэ Орбели утихло. В любом случае, когда Демна стал взрослым, он женился на дочери Иванэ Орбели, и это исключило для него возможность престолонаследия, так как грузинские цари могли жениться только на дочерях или сестрах иностранных царских семей, иначе грузинские феодальные семьи могли бы либо кичиться родными связями с царским домом, либо завидовать тем, у кого такие связи были.

Пока бунтующие феодалы только кипели, Гиорги III занимался военными достижениями. Ани уже был в его руках, так как Васак взял его для Грузии, прежде чем сбежать. Не обращая внимания на угрозы эрзурумского эмира, в 1160 году Гиорги вдруг потребовал у эмира Гянджи будто бы годами неоплачиваемые налоги и приказал недоимщику-эмиру самому явиться с наличными. Эмир ответил, что он идет не с деньгами, а с армией, которая будет осаждать Тбилиси. Гиорги проиграл и битву, и недоимку. Через год город Ани обманул его надежды: Гиорги назначил губернатором Садуна, который ему казался верноподданным. Как только Садун приехал в Ани, он укрепил город, и Гиорги пришлось арестовать и казнить его. Ани отдали двум феодалам, Иванэ Орбели (приемному отцу и будущему тестю Демны, и Саргису Мхаргрдзели (длинноплечий), члену могучего полугрузинского, полуармянского рода. Саргис Мхаргрдзели, как многие его потомки, стал и *амирспасалари* в армии, и *мандатуртухуцеси* в государстве.

К 1162 году турки в Диярбакыре, Эрзуруме и Хлате объединились против Грузии, и Гиорги пришлось собрать коалицию из военных, министров, главного секретаря *(мцигнобартухуцеси)*, конного командира и горстки надежных феодалов, чтобы отразить их и отогнать от грузинских границ. Блестящая и кровавая победа над более многочисленными силами, чем грузинские[80], кончилась тем, что Гиорги освободил всех горожан Ани и передал им свои доходы от грабежа, чтобы заново построить церкви и дворцы. Эта победа заставила Шамса ад-Дин Элдигюза и его азербайджанские войска отказаться от замышлявшегося ими нападения на союзный Гиорги Ширван. Однако зимой 1163 года Элдигюз повернул на запад, соединился с эрзурумскими войсками и разрушил армянскую крепость Гаги; направляясь к Ани, Элдигюз разорил всю Северную Армению. Ответным ударом Гиорги еще раз напал на Эрзурум и захватил Салдуха: но и в этот раз Салдуха выкупили – его сестра Шах-Бануар, жена правителя Хлата, послала Гиорги очень ценный подарок. В конце концов через два года все мусульманские армии отступили: весь Азербайджан на северо-западе от Гянджи опять был в грузинских руках. На сдачу Ани, однако, эмиры еще не были согласны: Элдигюз придумал компромисс, который Гиорги принял: в 1165 году Ани стал формально грузинским вассалом, но управлял городом Махмуд из рода Элдигюзов. Тем временем на севере дербентский эмир, пренебрегши признанным им грузинским суверенитетом, собирал многочисленную и многонациональную армию из осетин, хазаров, кипчаков-перебежчиков и русских: к концу 1160-х (или в начале 1170-х) он вторгся в Ширван, которым тогда управлял двоюродный брат Гиорги, Ахсартан I. Гиорги отозвался на просьбу Ахсартана о помощи, и грузинские армии жестоко наказали Дербент, отдав Ширвану часть дербентской

[80] *Brosset M.-F.* Op. cit. P. 255.

территории, так что власть Ахсартана теперь распространилась до Каспийского моря[81]. В этой победоносной войне блестяще и героически сражался и Мануэл Комнин, отец будущего трапезундского императора (вместе с женой Русудан, дочерью Гиорги, Мануэл приехал в Тбилиси к тестю в гости).

По словам летописца, Гиорги III мог теперь царствовать «в радости, отдыхая и охотясь». Но десять лет победных войн исчерпали людские и денежные ресурсы страны и обострили недовольство во всех слоях общества. Гиорги пришлось отменить освобождение церковных поместий от налогов, тем самым вызвав отчуждение самой могучей, кроме феодальной знати, политической силы. Гиорги тешился мыслью, что военные доблести делали его почти равным деду Давиту IV. Хакани, ширванский придворный поэт, сочинитель не только философской лирики, но и панегириков, именовал Гиорги по-персидски: «новым Августом… более великим, чем Иракл… непревзойденным в этом мире… верховным защитником Креста… мечом Мессии… воплощением Христа».

В 1170-х годах Грузия уже не воевала с соседями, но ее генералы не могли сидеть сложа руки. Они объявили, что не хотят «воздерживаться от боя и грабежа», и занялись этнической чисткой, изгоняя последних турецких кочевников из Тао и из долины Куры. Только летом 1172 года Гиорги прибег к силе: он занял Двин, армянскую духовную столицу, разграбил город, но предоставил его местному феодалу, Анании. К концу 1174 года Ани стал наконец полностью грузинским владением: Гиорги заточил шаха мусульманской Армении и назначил Иванэ Орбели губернатором.

Но Иванэ Орбели был неисправим: через год он решил, что получит больше денег и почтения от турок, и собрался отдать Ани Элдигюзу и эмиру Арслану. Ему воспротивились и горожане, и духовные лица. Епископ Басег остался верным Гиорги III, который отблагодарил его тем, что выкупил Апирата, брата епископа, у турок и назначил его анийским эмиром. Эмир Арслан был пленен, и Ани стал неоспоримым грузинским владением. Элдигюз и Арслан в последний раз сделали попытку нападения, вторгшись с азербайджанскими и хамаданскими войсками в Северную Армению, но в 1175 году их изгнали из Лоре и Дманиси, и они отступили в Двин, который остался мусульманским до конца века.

К концу 1170-х годов Грузия была до такой степени изнурена войной, что она могла предпринимать только мелкие стычки в Западном Тао-Кларджети, вместе с армянскими солдатами отбирая территорию, которую Давит Таоский отдал византийцам и которая осталась в руках сельджуков. (Несмотря на послевоенное истощение, литературное творчество в Грузии расцветало: сочинялись крупные прозаические сочинения, например рыцарская эпопея *Амирандареджаниани*, с гениальной изобретательностью свободно переводились с персидского такие свободомыслящие и эротические поэмы, как *Вис и Рамин* Фахра ал-Дина ал-Гургани.) Наконец Гиорги III обратил внимание на внутренние неурядицы. Около 1170 года был введен суровый закон против разбоя и воровства. Впервые в Грузии преступления против личности и собственности нужно было искупать не *вергельдом* (денежной компенсацией), а отбыванием установленного законом наказания. Вдобавок к уже созданной службе безопасности *мстоварни* Гиорги III учредил новую полицию – «вороловы», *мпаравтмедзебелни*. К концу 1170-х годов, когда разбой стал настоящим бедствием, вышел декрет, чтобы воров и разбойников вешали на деревьях рядом с их добычей, если она найдена. В то время пытка, кроме выкалывания глаз и оскопления государственных изменников, была в Грузии редким явлением. К обезглавливанию изменников прибегали только тогда, когда ссылка и анафема оказывались недостаточным устрашением, и тогда палачами назначали негрузин. Но смерт-

---

[81] *Мамедов С.* Стратегическая операция объединенных сил ширвано-грузинских войск по отражению нашествия русов, хазар / Ред. Б. Кудава // Историани. Тбилиси, 2009. С. 211–218 (дает ширванскую точку зрения на эту кампанию, как она отразилась в поэзии Хакани).

ная казнь через повешение осталась драконовской мерой для разбойников на целый век, даже в царствование мягкосердечной царицы Тамар.

В 1177 году Демне исполнился 21 год, и, хотя он женился не на иностранной царевне, а на дочери рядового феодала, Иванэ Орбели показалось, что пора возводить его на трон. За такую поддержку Орбели требовал в награду царство Лоре, которое пока было всего лишь его уделом как главнокомандующего армией. (Орбели сохранил эту должность и удел, несмотря на то что его уволили с поста в Ани.) Для такого переворота Орбели искал поддержки мусульманских правителей и привлек на свою сторону кое-кого из знати, например Саргиса Мхаргрдзели и даже таких вельмож, как командир конницы. Заговорщики собрались в Коджори, на горе в двадцати километрах от Тбилиси, чтобы ночью схватить Гиорги, который будет молиться близ иконостаса. Иванэ Орбели намеревался убить царя, но уверил остальных заговорщиков, что они просто объявят царю, что Демну уже короновали. Местный ребенок случайно услышал это обсуждение и побежал к царю с докладом. Гиорги сел на лошадь и галопом доехал до Тбилиси, где вызвал Кубасари, главу кипчакских дивизий, с пятьюстами солдатами. Хотя заговорщики имели в своем распоряжении тридцатитысячное войско, они в смятении отступили в Лоре; некоторые, в особенности Саргис Мхаргрдзели, передумали, когда царь им посулил министерские должности, раньше занятые братьями Орбели; другие заговорщики, в особенности командир конницы *(амирахори)*, отправили посланников к армянскому шаху и к Махмуду Элдигюзу в Азербайджан, умоляя их помочь. Предложения были заманчивы, но недостаточны, так как ни шах, ни Махмуд не хотели навлечь на себя месть Гиорги. Остальных мятежников осаждали несколько месяцев, пока они не предложили мирные условия: разделить царство на две части, чтобы Гиорги и Демна каждый управлял одной половиной Грузии. Гиорги, естественно, отверг этот нелепый компромисс. Царь и мятежники обменялись письмами, привязанными к стрелам. Гиорги пригласил Иванэ Орбели к себе вместе с Демной, «причиной твоего злодеяния и злодеяний многих других». Орбели ответил, что он не волен нарушить свою клятву «только ради нескольких дней царского почтения». Тогда царская армия, которая теперь включала лезгин и других горцев, воздвигла леса около городских стен, взяла крепость штурмом и сокрушила мятежников. Иванэ Орбели удалось переслать свои деньги и драгоценные камни в Самшвилде, а одного брата, Липарита, и двух племянников – на двор к Элдигюзу. (Из этих племянников один остался в Иране, а другой, Иванэ, в конце концов добился прощения, вернулся в Грузию и в царствование Тамар вернул себе поместья и продолжил род Орбели.) Остальные Орбели очутились в западне. Демна сам вышел из замка, с веревкой вокруг шеи в знак покорности, и умолил Гиорги, чтоб его не казнили.

До сих пор существует клочок пергамента, на котором Гиорги написал свой декрет[82], начинающийся словами: «В двадцать первый год моего царствования, путем дьявольских уловок и ухищрений некоторые князья и дворяне нашего царства вошли в заговор и использовали нашего племянника против нас и причинили нам много горя и испытаний. Но Божье великое милосердие и всеведение обезвредило их деяния и испортило их замысел и заговор и расстроило все их усилия: кое-кто пал в Персии, кое-кто умер или отыскал убежище, кое-кого зарубили в нашем царстве под нашими ногами». Гиорги приговорил своего племянника Демну к выкалыванию глаз и к оскоплению: наказание оказалось смертельным. Иванэ Орбели выкололи глаза, других Орбели, в том числе Кавтара, командира конницы, казнили. Само имя Орбели прокляли и запретили упоминать. Вместе со своим государственным советом *(дарбази)* Гиорги приговорил других мятежников к ссылке и к анафеме, лишив их поместий и армейских чинов. Кипчаку Кубасари Гиорги подарил земли, конфискованные у Орбели, и назначил его *амирспасалари*. Отнять у грузинского феодала и передать кипчаку

[82] *Zhordania T.* Kronik'ebi I. Tbilisi, 1893. P. 265.

такой высокий пост было делом неслыханным, но Гиорги пошел еще дальше в своем пренебрежении аристократическими правами, когда назначил холопа Апридона великим князем Картли.

Утверждая свою абсолютную власть, Гиорги все-таки пошел на одну уступку. На расширенном церковном соборе, куда пригласили всех епископов и игуменов, он счел целесообразным еще раз освободить от налогов на поместья свою верноподданную церковь, которая напомнила ему, что она всегда молилась за царя. Гиорги представил эту уступку как добровольное пожертвование для полезного дела. Его декрет, отмечающий сокрушение мятежа Орбели, кончается словами: «Пусть все монахи и епископы нашего царства, от запада до востока, пусть католикос, главный духовный отец, и все еремиты скажут и объяснят нам бедствия церкви и случаи, когда справедливость нарушается».

Его собственное оспоренное престолонаследие и недавний переворот, который мятежникам едва не удалось свершить, послужили царю суровым уроком. Свою главную проблему – отсутствие у него и Бурдухан сына-наследника – Гиорги разрешил, повенчав на царство как сомонарха свою старшую дочь Тамар (его младшая дочь Русудан, вышедшая замуж за Мануэла Комнина, скоро родит первого трапезундского императора). В 1178 году, в древнем замке Уплисцихе, перед всеми старшими духовными лицами и аристократами, чтобы после его смерти не было распрей, Гиорги III лично положил Тамар корону на голову и опоясал дочь царским поясом. Впервые за последние шестьдесят лет престолонаследие казалось обеспеченным.

В следующем году Гиорги опять занялся беспорядками в обществе, созвав законодательный собор: опять воров, независимо от социального положения, вместе с краденными товарами вешали на деревьях и, как говорят летописцы, истреблялись крысы и бродячие собаки[83].

[83] *Brosset M.-F.* Op. cit. P. 257.

8
Царица Тамар

Шесть последних лет царствования Гиорги III, когда он управлял страной совместно с дочерью, почти не оставили следа в истории. Судя по всему, в начале 1180-х годов настал относительно мирный период: именно тогда появились самые великие литературные сочинения грузинского золотого века. *Витязь в барсовой шкуре* Руставели начинается с того, что царь Ростеван венчает на царство свою дочь Тинатин, оправдав этот шаг словами: «Львенок львенком остается, будь то самка иль самец», что, несомненно, отражает если не слова, то мысли Гиорги III. На самом деле в поэме изображены самоуверенность, новые рыцарские ценности и персидская культура той Грузии, которую создал Гиорги.

Гиорги умер в Кахетии накануне Пасхи 1184 года. Патриарх сначала уведомил его сестру Русудан в Самшвилде, а потом уж доложил Тамар в Тбилиси. Царский дворец все еще был окутан трауром, когда вспыхнула стычка между, с одной стороны, первой полноправой царицей в истории Грузии вместе с ее верными придворными, а с другой – с негодующими феодалами. Феодалы и церковь предъявляли будто бы оправданные требования: надо было заново помазать Тамар, на этот раз в Кутаиси, чтобы она приняла венец от кутаисского епископа Антона Сгиридзе и меч от западных князей, Кахабера из Рачи и Вардана Аманели. Ведь деда Тамар Деметрэ так же венчали второй раз в 1125 году, хотя Давит IV (как изображено на фреске в Мацхвариши) уже опоясал его мечом, как Гиорги опоясал Тамар. Тамар подверглась этой второй церемонии: именно тогда, по всей вероятности, она сочинила новую церемонию венчания для потомства, в соответствии с которой помазание царя на власть стало делом не знати, а Бога и царских предков.

Вслед за второй коронацией к Тамар явилась депутация феодалов, требующих, чтобы Тамар аннулировала наказы отца, продвигающие «подлый» народ и негрузин. И в этот раз Тамар послушалась: бывший холоп Апридон лишился и поста *мсахуртухуцеси* (канцлер), и поместий, а кипчакского генерала Кубасари (которого в любом случае разбил инсульт) отстранили от поста *амирспасалари*, хотя не трогали его удельных земель.

Ободренные освобождением этих двух крупных постов феодалы потребовали, чтобы рядом с царским дворцом в Исани (на окраине Тбилиси) построили для них *каравы* (буквально «палатку», а в переносном смысле «палату лордов») и чтобы члены этой палаты имели исключительное право назначать министров и проводить законы, которые только потом передадут царице на формальное подтверждение. Во главе непокорных феодалов стоял царский министр финансов (*мечурчлетухуцеси*) Кутлу Арслан[84], выходец из аристократического западного рода Джакели; его тюркское имя («счастливый лев») было, вероятно, придумано сельджукской нянькой, иначе он не смог бы возглавить исключительно грузинскую фракцию. Вряд ли Кутлу в самом деле был тем «ублюдком» (*бичи)* или «ишаком», каким обзывает его летописец, влюбленный в царицу Тамар. С другой стороны, Кутлу Арслан еще меньше походил на английского барона Симона де Монфора, и его фракция не добивалась какой-нибудь «Магна Карты», которая ограничила бы власть самодержца и ввела бы правовой порядок. Бунтовщики просто выжимали побольше власти из царицы, которую считали слабой и неопытной, и Кутлу Арслан жаждал стать *амирспасалари*. Летописец Тамар осуждает этот мятеж за то, что он был «персидского типа»: может быть, феодалы хотели, чтобы Тамар действовала по советам Низама ал-Мулка, визира Малик-шаха,

[84] *Bakht'adze M.* Qutlu-arslanis dasis gamosvlis shedegebis shesakheb / Ed. B. K'udava // Ist'oriani. Tbilisi, 2009. P. 220–231.

который в своей «Книге об управлении» (*Сиясет-Наме*) учил, что царь не должен принимать решений без одобрения министров.

Тамар приказала арестовать Кутлу. Мятежники грозили, что прибегнут к насилию, если она его не освободит. Тогда царица подослала на переговоры двух женщин, Хуашак Цокали (мать картлийского князя) и Краву Джакели, на переговоры, нарочно затягивая переговоры, чтобы выиграть время для подготовки вооруженного ответа. Хуашак и Крава предложили прощение всем, кто раскается, кроме Кутлу Арслана. Мятежники не могли договориться между собой и сдались. Не совсем ясно, чего они добились и на какие уступки пошла Тамар: в конце концов Кутлу простили, но он ушел из политики. Некоторые союзники Кутлу (которые вскоре примут участие в очередном восстании) получили министерские должности. Тем не менее никакой «палаты лордов» Тамар не создавала и со своим советом *(дарбази)* она держалась не более почтительно, чем предшествующие грузинские монархи.

Главное препятствие на раннем этапе царствования Тамар представлял престарелый католикос-патриарх Микел Мирианисдзе. Он сумел добиться того, чтобы его предшественник, Николоз Гулаберисдзе, досрочно ушел в отставку: Николоз, прослужив с 1150 по 1178 год, уехал за границу не паломником, а посланником Гиорги III, чтобы расширить деятельность иберийского монастыря на Афоне. Потом он отправился в Иерусалим, чтобы откупить у латинского короля Бодуэна IV виноградники и поместья грузинского монастыря Креста, конфискованные крестоносцами, уговорить не брать налогов с грузинских монахов и паломников и не мешать им. Но Микел, будучи епископом и Самтависи, и Ацкури, пользовался огромной властью; выдворив всеми уважаемого Антона Глонистависдзе, Микел сделался вдобавок епископом Чкондиди и тем самым *мицгнобартухуцеси* (главным секретарем – фактически премьер-министром). Антона Глонистависдзе заточили в монастырь Давита-Гареджа, а для убийства двух братьев Антона наняли Кахаберидзе, богатого феодала из Рачи и потомка пресловутых Багвашей. Микел забрал в свои руки все бразды правления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.